

**СВЕТЛАНА
ЧЕХОНАДСКАЯ**

**АМ
НЕ
ЗИЯ**

ВНЕШНЯЯ СФЕРА
Искусство
Познание

Annotation

На семнадцатилетнюю дочь московского олигарха совершено покушение. Могущественный Михаил Королев готов заплатить любую цену, чтобы найти виновного – для него невозможного нет...

Чудом выжив, его дочь пять лет провела в коме. Она возвращается к жизни в неусыпно охраняемой клинике на окраине Москвы. Швейцарское оборудование, внимательные врачи, ухоженный сад за окном. Но возле ее постели нет никого из близких. Где отец, почему не приезжает из Испании мать, и куда исчезла юная мачеха? Она не помнит ни лиц, ни дома на Рублевском шоссе – ей предстоит заново извлечь всю свою жизнь из темных закоулков сознания. Хватит ли у нее на это сил? Ведь покушение пятилетней давности так и осталось нераскрытым.

- [Светлана Чехонадская](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [36](#)
- [37](#)

Светлана Чехонадская
АМНЕЗИЯ

Она открыла глаза.

Над ней был...

«Потолок».

Он был...

«Белый».

Да, «белый потолок». С этих двух слов все остальные слова буквально полились – да, полились из букв, буквально.

На белом потолке лежали пятна солнечного света, на пятнах лежали тени листьев, в месте соединения потолка и стен лежала лепнина... Или что это? Фриз? Антифриз? Консоль? Как это называется? Все-таки это называется лепниной. Она «пластиковая». Белая-пребелая, абсолютно «стерильная» лепнина.

Внезапно потемнело. На весь потолок расплылось чье-то лицо. Женское, над лицом белая шапочка (Ну надо же! Все здесь белое! Это «рай»? Или это – «больница»?).

Само лицо тоже стало совершенно белым. Только черные глаза выпучились и почти падали с лица вниз.

– Она открыла глаза! Она смо-отрит!! Елена Па-а-ална!

– Танюша, ну что же ты орешь? Что же ты орешь на всю больницу?.. – («Все-таки не рай, а больница. Я больна?.. Это был «наркоз»? Я «рожала», «делала аборт» или «делала липосакцию»? «Липосакция» – это когда убирают лишний жир... Я жирная?») – Бывает, что они и глаза открывают! Ох, однажды одна моя пациентка двинула рукой, знаешь, так ее приподняла, будто крестное знамение, мы все перепугались: что она имела в виду этой рукой? Проклинала? Благословляла? Она потом умерла, месяца через два, что ли... Ой, мамочки! Мамочки! Иван Григорьевич где? Где Иван Григорьевич?! Позовите Ивана Григорьевича, срочно! Скажите ему, что Королева очнулась!

– Я же говорила, Елена Павловна!

– Танюша, где мой нитроглицерин?! Принеси, что-то мне плохо, я тут посижу в уголочке... Окно открой, воздуха мало... Эти кондиционеры, они только жрут воздух, а в рекламе говорят, что они воздух делают... Нет, они его жрут! Вот он, мой нитроглицерин, спасибо, Танюша, сейчас полегчает...

Ей надоело слушать всю эту чушь. Мало того, что они все орали, как

сумасшедшие: и эта белая Таня, и неведомая Елена Павловна, – надо думать, Иван Григорьевич, которого несомненно найдут и который скоро прибежит, топая, как слон, заполошенный, как все они в этой больнице, он тоже, этот Иван Григорьевич, начнет орать, а она будет видеть только неподвижный потолок, и лепнину, и пятна солнечного света. Нет, это слишком скучно.

Она повернула голову.

Вначале она увидела небо, оно было голубым. Потом она увидела несколько облачков, потом верхушки сосен, потом раму окна. Дальше, точнее ближе, был чистый подоконник с высоким горшком, из которого торчали разные цветы и травы, еще ближе – плоская батарея, бежевые стены, белый шкаф.

Возле шкафа сидела на стуле пожилая женщина в белом халате. Она откинулась на спинку стула, выставила вперед полные ноги в мягких тапочках, руки ее повисли по обе стороны тела, в одной был пузырек нитроглицерина.

Они встретились глазами. У тетки они были круглые. «О-е-ей!» – тихонько простонала тетка.

– Вы Елена Павловна? – спросила она.

Вопрос прозвучал совсем тихо, но тетка отреагировала так, словно она проорала что-то непотребное.

Тетка закатила глаза и рухнула со стула к ножкам ее кровати. Теперь видны были только тапки да выпавший из руки пузырек нитроглицерина.

То ли грохот тела так ее ударил по ушам, то ли собственный голос, спрашивающий: «Вы Елена Павловна?», но она вдруг почувствовала ужасную тошноту и боль в переносице.

Она закрыла глаза. Спокойное черное пространство, находящееся внутри нее, теперь кружилось и лопалось, в горле набух ком, так что захотелось выплюнуть его или хотя бы откашляться.

– Мне плохо, – прошептала она.

И тут же чьи-то руки стали ее поднимать, ком полез наружу, мужской голос твердо произнес: «Да успокойтесь вы – или я вас уволю!», беготня за закрытыми глазами усилилась, и, возможно, все бегающие были белыми, как облака, но у нее здесь была абсолютная чернота.

Черная и теплая.

Спасительная.

– Я позвал вас, господа, чтобы сообщить вам известие, которое даже и не знаю, как охарактеризовать... – Иван Григорьевич весело глянул по сторонам, покрутил в руке дешевую пластмассовую ручку, положил ее на стол. – Ну, неприятное известие, так его назовем.

Мужчина и женщина, сидевшие за столом напротив него, чуть иронично переглянулись.

Клиника произвела на них не очень хорошее впечатление. Слишком богато. Такой новорусский шик, которым пшикают в глаза, чтобы не было видно пробелов в лечении.

Они были супругами, недавно справившими серебряную свадьбу. Крепкая медицинская семья, где он – из медицинской семьи и она – из медицинской семьи. В наше время только такие и могут позволить себе профессию врача. Клиентура им достается по наследству. А как остальные устраиваются? Непонятно. Вот эта клиника, например...

Супруги Иртеньевы работали в очень солидных учреждениях, она – в институте имени Сербского, он – в институте нейрохирургии, и весь этот антураж не одобряли, точнее, ему не верили. Последний раз они были здесь три года назад, и уже тогда здесь было шикарно, но за последние три года дела клиники явно улучшились, это было заметно даже по воротам.

...Их привезли на машине главного врача – на новом «мерседесе» с кожаным салоном и деревянным рулем. Они долго ехали по парку, окружающему клинику, успели оценить и дорожки, мощеные, как Красная площадь, и ровные газоны, и цветущие розовым миндальные деревья, и заросли барбариса, и столбики можжевельника.

Это все дорого стоило, здесь работал ландшафтный дизайнер и наверняка был садовник.

Иртеньева поймала себя на мысли, что давно не слушает главного врача, а думает о том, что медицина превратилась в кормушку для нечистоплотных людей.

...За окном кабинета прошел садовник с ножницами и каким-то горшком.

Санаторий, а не больница! В таких любят ставить тяжелые диагнозы и назначать дополнительные обследования. В такую если попадешь – не выберешься. Ее собственную дочь-гинеколога недавно уволили из частной клиники за диагноз «цистит». «Ты извини, – сказал главврач, – но у нас

таких диагнозов не бывает. У нас как минимум – бесплодие. Я уж не говорю о том, что ты прописала пить клюквенный морс. Нам, между прочим, не повелитель болот приплачивает, а компания «Пфайзер»!» Такой вот главврач, дававший клятву Гиппократу. Кандидат наук. Этот, наверное, тоже кандидат.

Иртеньева повернула голову и посмотрела на Турчанинова.

Перед ней сидел слегка полноватый мужчина лет сорока. У нее мелькнула мысль, что белый расстегнутый халат ему не идет, это какая-то чужеродная, непривычная для него одежда.

– Вы здесь недавно? – спросила она.

– С первого мая. Меньше месяца, – сказал Иван Григорьевич.

– Да, мы раньше общались с другим врачом. Его фамилия, кажется, Сергеев. А куда он делся?

– Уволился. Наверное, нашел другую работу.

Супруги удивленно посмотрели на Ивана Григорьевича.

– Другую работу? Лучше, что ли?

– Не знаю. Да, наверное.

– Трудно представить такое. Разве здесь мало платят?

– Хорошо платят. Но ведь не только в деньгах, как бы это сказать...

– Счастье?

– Ну, это слишком громко... Я имею в виду, что разные могут быть причины. Может, он занялся научными исследованиями? Нашел что-то более интересное.

– Глупости! – возмущенно перебил Иртеньев, тоже профессор, как и жена. – Сергеев этот звезд с неба не хватал. Бездарный троечник, который остался в медицине только потому, что все остальные, талантливые, ушли. Уж я насмотрелся. Особенно в конце восьмидесятых. Такие бездари оставались в мединститутах, такие никчемные. И все защитились потом!

Иван Григорьевич смотрел на него насмешливо, и профессор подумал, что ведь и он, этот новый главный врач, скорее всего, учился в конце восьмидесятых.

– Вы приятный человек, – сердито произнес он. – Так что не обижайтесь, ладно? Если вы умный, вы и сами понимаете, что творилось с медициной в последние годы. Вот ваша клиника, например. Она ведь явно была сделана для прокачки денег, связанных с какими-нибудь льготами. Например, русскую православную церковь обслуживала? Нет?

– Нет.

– А то у меня был один ученик, он открыл клинику для лечения афганцев. Клиника – это, правда, громко сказано. Кабинет в подвале. А сам

нефтью торговал. Без налогов, по их льготам. Черт-те что... Если откровенно, этот Сергеев, ваш предшественник, мне не нравился.

– Мне тоже, – сказала жена.

– Он советовался с нами несколько раз по поводу вашей пациентки Королевой и произвел впечатление очень скользкого типа. Я даже и не понял, зачем он нас вызывал. У меня сложилось мнение, что он хотел внушить ее отцу: надежда есть, она еще очнется, а поскольку его собственного авторитета для таких заявлений не хватало, он решил приобщить нас.

– Я тоже так думаю, – снова сказала Иртеньева.

– И что вы ему сказали? – с неожиданным интересом спросил Иван Григорьевич.

– Ну, что... Кома такой степени тяжести, которую лично я назвал очень тяжелой, почти критической. Сергеев считал, что я преувеличиваю и что, как он изволил выразиться, всякое бывает.

– И давно вы консультировали Королеву?

– Да года три назад... – Иртеньев неуверенно посмотрел на жену, и она кивнула. – Да, три года назад. Тогда она была в коме год, кажется. – Иртеньева снова кивнула. – Через год действительно всякое бывает. Бывает, что и приходят в себя. У нас недавно случай был: мужчина год пролежал, потом очнулся. Полная амнезия, жену не узнает, детей не узнает. Но познакомился с этой своей женой, влюбился в нее и, знаете, еще раз на ней женился. Свадьбу сыграл! Говорит, что дико влюблен.

– Вчера об этом статья была в «Комсомольской правде», – добавила жена. – Называется «Амнезия от любви не спасает».

– А я ведь тоже пригласил вас по поводу Королевой, – сказал Иван Григорьевич.

– Она еще жива? – удивилась Иртеньева. – Она все еще здесь?

– У нее очень богатый отец, – вместо главврача ответил муж. – Он может себе позволить такое дорогое и бесполезное дело. Сергеев на это и надеялся. Я тогда ее отцу сказал: «Прошел уже год. Надежды практически не остается. Не рвите себе сердце, родите еще ребенка. Тем более, у вас такая молодая жена». Я всегда честно разговариваю и с родственниками и с пациентами.

– Королева пришла в себя, – сказал Иван Григорьевич.

– Что? – хором спросили они.

– Я думал, вы знаете... – Главврач открыл ящик стола, достал оттуда пачку сигарет, потом покачал головой, кинул пачку обратно. – Бросаю курить, а тут такие дела, – пожаловался он. – Так вот, эта Королева

пятнадцатого мая пришла в себя. Открыла глаза и заговорила. Самочувствие хорошее, аппетит прекрасный. Вот так... Только не помнит ничего. Как этот ваш, о котором в газете писали.

– Чего именно не помнит?

– Ничего из того, что было до покушения. Ретроградная амнезия...

Мужчина и женщина молчали.

– Имени своего не помнит, отца не помнит, никого из родственников не помнит. В остальном абсолютно нормальное сознание. И главное, ведь пока она болела, пока лежала в коме, столько всего произошло, что ни в сказке сказать, ни пером описать... Впрочем, это вам вряд ли интересно. Я бы хотел, чтобы вы ее осмотрели, назначили какое-то лечение. У нас тут проблема: пропали все ее медицинские документы. Мне в фонде сказали, что вы ее осматривали несколько лет назад. Я хочу, чтобы вы и теперь посмотрели, что к чему. Разумеется, оплата за консультации будет достойной, вы, наверное, знаете, что у нас не скупятся.

В кабинете опять стало тихо. За окном хрустели ножницы садовника – чик-чик, хрум-хрум. Где-то недалеко стучал дятел. На подоконнике лежали квадраты солнечного света, от них, еле видный, поднимался пар.

– Как-то странно, – сказал Иртеньев. – Прошло пять лет, кажется?

Иван Григорьевич кивнул.

– Просто открыла глаза и заговорила? И аппетит прекрасный?

– Хороший материал для исследования, – предположила жена. – Это интересный случай.

– Вы знаете, – Иван Григорьевич смотрел на собственное отражение в полированной поверхности стола; казалось, он подбирает слова для того, чтобы не сказать больше, чем надо, – я ведь здесь человек новый. Работаю меньше месяца. Меня взяли, потому что я хороший специалист и много лет занимался научной работой в области нейрохирургии...

– А как ваша фамилия? – спросил Иртеньев. – Я вас тогда должен знать.

– Моя фамилия Турчанинов.

– Вы Турчанинов? Вы такой молодой, оказывается? Я думал, вы в Америке. Слушайте, извините, ради Бога, я вас, наверное, оскорбил. Какой же я дурак!

– Да перестаньте. Я не обиделся... Так вот, о Королевой. Я наблюдал ее пятнадцать дней, и мне-то показалось, что она вполне может очнуться. У меня даже было странное предположение, что она находится в коме вовсе не пять лет. Но вы говорите, что осматривали ее три года назад и уже тогда она больше года была в таком состоянии.

– Это вне всякого сомнения. Так и было.

– И вам показалось, что случай безнадежный?

– Иван Григорьевич... Вы представляете себе мою ответственность? Влиятельнейший человек спрашивает у меня прямо: «Есть ли надежда?» Он говорит, что если есть хоть один шанс, я должен попробовать сделать операцию. От меня не требуют гарантий успеха, я просто должен сделать все возможное, и мне за это заплатят тридцать тысяч долларов. Я отказался. Как вы считаете, я хорошо подумал, прежде чем сказать «нет»?

– А почему вы сказали «нет»? Неужели не было ни единого шанса?

– На выздоровление? Ни единого! Кроме того, окончательное решение принимал Королев. Конечно, бывают случаи, когда я не предоставляю родственникам права выбора. Но Королев – сильный мужчина, привыкший брать ответственность на себя. Если бы он был смертельно болен и ему оставалось три дня, я бы ему об этом немедленно сказал.

– Я против этого, – сообщила Иртеньева. – Говорить правду – дурацкая западная мода, которую особенно полюбили хирурги. Вы даже не представляете себе скрытых возможностей самовнушения. Кроме того, бывают ошибки. Случается, человеку говорят: «Это неизлечимо», – и он умирает от одного страха. Сам себя съедает! А так бы жил и жил.

Иртеньев немного покраснел: видимо, хотел ответить. Но Иван Григорьевич решил вмешаться. Судя по всему, это старый семейный спор психиатра и хирурга, он может идти бесконечно. Сам Турчанинов был на стороне Иртеньева.

– Значит, решение принимал Королев? – спросил он.

– Да. Я объяснил ему, что если операцию не делать, она проживет еще несколько лет, скорее всего, года три. Если сделать, она умрет сразу же. Он спросил: «А за эти три года что-то может измениться?» Я ответил, что шансы убывают с каждым днем. Он принял решение оставить все как было. И я бы сделал так же на его месте. Чтобы потом не упрекать себя в том, что я специально ускорил ее смерть. С его возможностями можно было, ради собственного спокойствия, подождать естественного исхода событий... В общем, как видите, я очень перед ним виноват. Он ейчас здесь? Не хотелось бы с ним встречаться, пока он не отошел от первого шока. Пусть успокоится. Обычные люди, как правило, не понимают разницы между медицинской ошибкой и тем, что в данный момент медицине недоступно. Они судят слишком поверхностно и во всем подозревают злой умысел. А уж в нашей-то области...

– А вы не знаете? – удивился Турчанинов.

– Чего не знаю, простите?

– Королев погиб два года назад. Об этом даже в газетах писали.

– Погиб? Как погиб?

– Ну, там мутная история... – неохотно сказал Турчанинов. – Впрочем, не будем отвлекаться. Надо ее осмотреть... Теперь это, скорее, работа для вас? – он вопросительно глянул на Иртеньеву, и она согласно кивнула.

«Трусость – самый тяжкий порок», – написал Булгаков.

Книга, в которой сказаны эти слова, всегда считалась неоднозначной, у нее много поклонников, но и много противников.

Степан Сергеевич относился к поклонникам книги. Он любил цитировать фразы из нее: «Никого не трогаю, починаю примус», «Шизофрения, как и было сказано» и свою самую любимую, ту, в которой говорится о неотвратимости судьбы: «Потому что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила».

А вот слова про трусость казались Степану Сергеевичу не очень точными. У него был свой – совсем другой – список самых страшных грехов. Только с годами Степан Сергеевич догадался, что и эти слова можно применить к его жизни, надо лишь продлить фразу и дополнить смысл. Вот как должно получиться: «Трусость – самый тяжкий порок на пути к богатству. С ним ты никогда не заработаешь много денег».

И это совершенно верно.

Скажем, была такая группа «Ласковый май». Сколько денег заработал ее продюсер! Он говорил каждому встречному, что является племянником президента Горбачева, и под это дело везде получал зеленый свет. А ведь фамилия продюсера была Разин, и ему было бы логичнее называть себя внучатым племянником совсем другого героя. Но тот герой был бесполезен в смысле льгот и, вообще, был никакой не герой, ведь бросать в воду персидскую княжну – дело не геройское и, кроме того, нехорошее в смысле будущих отношений с Ираном. Так что продюсер Разин объявил себя племянником президента, и теперь он намного богаче своего липового дяди.

К чему этот пример? А вот к чему. Фамилия Степана Сергеевича была Горбачев, и это он должен был выдавать себя за родного брата легендарного отца перестройки, но ему казалось: как это так? ведь арестуют!

Уже много лет спустя, пытаясь проанализировать причины полного краха своей жизни, он вдруг подумал, что давно знает формулу этого краха, что она звучала денно и ночью в его ушах, что он сам произносил ее вместо «Отче наш» перед сном, а также после пробуждения, и делал это годами, десятилетиями!

«Как это так? – говорил он себе всю жизнь. – Ведь арестуют».

Он разгадал эту формулу в трезвом состоянии и даже решил, улыбаясь, что способен написать книгу об этом. Сейчас много продается таких книг: «Как заработать миллион», «Как превратить свои недостатки в достоинства», «Формула успеха» и «Как стать победителем». А он предложит рынку гораздо более интересную серию. «Как просрать миллион!» – и вот уже толпы читателей осаждают прилавки. «Как превратить свои достоинства в недостатки» – это второй том тиражом в сто тысяч экземпляров, сметенных за один день. «Формула неудачи» – и он раздает автографы в Доме книги на Новом Арбате, «Как стать проигравшим» – интервью с ним идет на телеканале «Культура»...

Он – крупнейший эксперт в этой области. Он профессор, нет, академик в науке жизненных неудач. Какие бы это были книги!

...Разумеется, тогда он напился, и его подружка не выдержала, сбежала вслед за остальными, за всей этой огромной толпой, возглавляемой единственной законной женой, ушедшей к его другу, который, как она сообщила на прощание, «не трус, а настоящий мужик».

Тогда он потерял двоих самых близких людей.

Степан Горбачев был очень умным человеком. Его ум был настоящий и глубокий, он был подарен ему Богом в количестве, превышающем среднестатистические потребности человека. Кроме того, Горбачев был трудолюбивым, талантливым, он также обладал чувством юмора и хорошим здоровьем. Он долгое время считал, что весь этот комплект обесценен одним-единственным пороком, вычитанным в книге «Мастер и Маргарита», но на самом деле он ошибался.

Начало перестройки Степан встретил секретарем комсомольской организации института. Для иногороднего это был старт, лучше которого не придумаешь. Правда, уже тогда стали появляться удивительные, ни на что не похожие, еще год назад немыслимые альтернативные старты. Например, Миша Королев, его друг и однокурсник, организовал кооператив.

Горбачев приехал к Мише на собственных «Жигулях». Миша только ахнул. Не постеснялся, молодец, восторгался от души. Двадцать минут ходил вокруг машины, открывал дверцы, включал дворники. Видно было, он искренне рад за друга.

Степан стоял рядом с машиной и был такой же сияющий и красивый: в костюме, с галстуком, с подписанной рекомендацией для вступления в партию, заботливо положенной во внутренний карман польского пиджака.

Он даже не верил, что так легко получил эту рекомендацию! Другие ждали годами!

Институтский друг выглядел потрепанным. Индийский свитер из

серой шерсти, джинсы-варенки, белые носки...

– Чем занимаешься? – спросил Степан.

– Произвожу пластмассовые тазики... Чего смеешься-то? Вот дурак! – Миша и сам уже смеялся, зараженный Степановым весельем. – Ты молодец! – отсмеявшись, сказал он. – Комсомольцы сейчас прут так, что не остановить. И с пропиской помогут?

– Говорят, лет через пять квартиру получу. В партию примут, – Степан тревожно потрогал рукой карман на груди. – Так эти тазики покупают, что ли?

– Сейчас все покупают! Гребут, как сумасшедшие... Правда, мне сказали, что еще лучше компьютеры возить. Этот бизнес, правда, чеченцы контролируют, но я хочу рискнуть.

Да, жалко было парня. Такая какая-то жизнь нелепая... Этот индийский свитер, эти джинсы-варенки, не говоря уж о чеченцах: обратная сторона Луны, а не жизнь.

В следующий раз они встретились через три года.

Дела у Степана тогда шли средне. Прописку ему действительно дали, выделили целый блок в общежитии – две комнаты и туалет. Он заканчивал аспирантуру и готовился преподавать. Вот только партия принесла большие разочарования. Коммунисты теперь тащили в свои ряды всякую шваль. Он оказался в такой компании, что стыдно было людям в глаза смотреть. Кроме того, ходили странные глухие слухи. Один историк даже предположил шепотом, что наступит время, когда партбилеты будут жечь. Да-да! Степан недоверчиво посмотрел на него: вроде не псих. Настроение, тем не менее, испортилось. А как его улучшить, если не старым испытанным способом? Этому способу сто тысяч лет, и он всегда действует: если недоволен жизнью, сходи к тому, кому еще хуже.

Он ехал на своих «Жигулях» и даже проигрывал будущий разговор с Королевым. Некоторые слова произносил вслух, и вот что у него получалось:

«И ты еще недоволен?! Ты – секретарь комсомольской организации! У тебя целый блок в общежитии – две комнаты и туалет!

Посмотри на меня: я в индийском свитере, и ничего, живу! А у тебя машина! «Жигули»!»

Наверное, надо было проговорить про себя все эти замечательные фразы да и развернуться от греха подальше. Но, видимо, не по московской дороге ехал Степан в тот момент; двигались его «Жигули» по асфальтовому покрытию самой судьбы. Это покрытие тихо шелестело, произнося одно и то же слово – шипящее, как змея, свистящее, как плеть. Его потом, через

много лет, скажет ему сам Королев.

Настоящее, правдивое слово.

Формула его рабства.

Степан сделал телевизор погромче: шла программа про скандалы недели.

«Только за последний год случаев амнезии стало на триста процентов больше, причем во всем мире, – сказал ведущий. – Некоторые истории поразительны. Например, случай так называемого «пианиста». Его нашли на дороге в Великобритании, он ничего не помнит, даже не умеет разговаривать, зато великолепно играет на фортепиано. В других случаях амнезия – это результат серьезных черепно мозговых травм. Пятнадцатого мая в одной из частных клиник Москвы после пятилетней комы пришла в себя Марина Королева, дочь известного предпринимателя Михаила Королева, погибшего два года назад при невыясненных обстоятельствах...»

От изумления и растерянности Степан выключил телевизор. Дальше он слушать не мог. Его сердце бухало на всю комнату.

Он откинулся на подушку и закрыл глаза.

Как же на это реагировать?

Этого просто не может быть!!!

Поскольку Королева пять лет провела с закрытыми глазами, было решено окна затемнить, свет не включать, температуру воздуха повысить и, вообще, поддерживать щадящий режим.

После первого осмотра она производила впечатление почти здорового человека. Разумеется, это была заслуга денег ее отца. Ежедневный массаж, иглоукальвание, швейцарские миостимуляторы, самые новые лекарства – если бы не все это, на что была бы похожа Марина Королева, пять лет пролежавшая в кровати?

Даже шрамы на лице – те, что она получила во время покушения, – даже они, благодаря уходу лучших косметологов, которых привозили в клинику раз в две недели, как-то побледнели и выглядели прилично. С такими можно жить. Тем более, такой богатой девушке.

Что же касается психического состояния, то тут Иван Григорьевич был настроен более скептически. Ему не нравилось, что Королева ведет себя, как нормальная. Она не выказывала никаких признаков беспокойства, ни о чем не спрашивала, хотя, видимо, поняла, что была тяжело больна. Именно такие спокойные потом и съезжают с катушек.

Иван Григорьевич был специалистом в другой области. Его наняли, чтобы он следил за человеком, находящимся в пятилетней коме. А теперь у него на руках был человек, вышедший из этой комы, почти здоровый, с точки зрения нейрохирургии. Иван Григорьевич предпочел бы, чтобы у Королевой было что лечить: какое-нибудь настоящее нарушение. Но, видимо, все проблемы ушли глубоко внутрь, в ту область, которой он всегда избегал и к которой относился с суеверным ужасом. Здесь он чувствовал себя бессильным настолько, что доходило до смешного: если по телевизору выступала Бехтерева, он переключал канал.

Турчанинов подумал, что супругов Иртеньевых ему послала судьба: они наблюдали Королеву еще три года назад, и тогда, видимо, жена пришла за компанию, а теперь оказалась очень кстати.

...Они все еще сидели в кабинете, когда Марина Королева проснулась.

В палате было темно. На окно повесили светонепроницаемую штору, которая чуть отошла слева, и этот край невыносимо горел, рассеивая лучи по ближайшим предметам. Даже после того как глаза привыкли к такому освещению, она видела только блики на стекле шкафа и ослепительную полосу на краю окна.

Скрипнула дверь. Марина повернула голову.

Она уже сделала некоторые выводы относительно собственного характера. Видимо, когда-то она была сильным человеком. Возможно также, образованным и умным. Отчаянья в ней не было, потому что она холодно обдумала свое положение и решила, что от отчаянья будет мало проку. Она поняла, что тяжело болела, ничего не помнит и теперь ей придется знакомиться не только с близкими, но и с самой собой. В то же время у нее оставались некоторые представления об окружающей действительности. Неизвестно только, какой они были давности, а это путало карты.

Вот, например, эта больница. Все больницы такие? Ей казалось, что нет. В голове сиз дело представление о слове «больница». Она видела широкий коридор с желтым линолеумом. В некоторых местах линолеум был содран. Вдоль коридора стояли кровати. Это были другие кровати, не такие, как у нее. Они были с сетками, провалившимися до самого пола. На них лежали и сидели люди в одинаковых грязно-розовых халатах.

Откуда это воспоминание? Из дальнего прошлого? Из другой страны? Она, еще даже не знающая своего имени, могла видеть эти больницы в детстве, а могла и незадолго до того, как потеряла память.

В любом случае, ее сегодняшняя больница – хорошая. Она может себе позволить хорошую больницу.

Марина пришла в сознание несколько дней назад, и перед ее кроватью побывали белая медсестра, тетка с нитроглицерином (Елена Павловна) и Иван Григорьевич. В палате почти постоянно находилась массажистка. Приходили также какие-то другие люди. Она поняла, что это медики. Если рассуждать разумно, то за эти дни должны были появиться близкие. Хоть в проеме двери, хоть на краю стула, но они, возможно, даже одетые в белые халаты, должны были бросить на нее взгляд. А она этот взгляд должна была почувствовать.

Но за несколько дней ни один из родственников так и не появился. Они за границей? Они просто откупились от нее, оплатили эту больницу и успокоились? Или их вообще нет?

Может, ее родственник – Иван Григорьевич? Его взгляд был наиболее похож на тот, которого она ожидала.

Всех этих мыслей как раз хватило на несколько дней. Она блуждала по дорогам и закоулкам разума, не насилуя себя, позволяя мыслям следовать за ближайшими ассоциациями.

Она откуда-то знала, что в одном из этих закоулков может прятаться она сама. Только так, случайно, можно найти себя, вытащить из тьмы со

всем прошлым и настоящим. Она знала также, что можно не найти и не вытащить.

Она знала! Спрашивается, откуда? Она очень образованна? Она умна? Она медик?..

Дверь палаты стала медленно открываться.

Марина привычно вдавила затылок в подушку. В коридоре были окна, и она уже научилась прятаться за краем одеяла, чтобы свет не делал больно глазам.

– Лёлик? Это ты? – спросил от двери приглушенный мужской голос. – Я ничего не понимаю! У меня ум за разум заходит! Ты почему меня не предупредила?!

«Меня зовут Лёлик? – подумала она. – Это что за имя: Оля? Ляля? Эльвира? Лина?»

– Лёлик, я чокнусь! – мужчина перешел на шепот. – Я почти месяц не сплю!.. Слушай, сюда, кажется, идут. Я побегу, мне нельзя...

Она решила посмотреть на говорившего. Осторожно потянула рукой; из-под кромки одеяла, как из-под горизонта, начал всходить свет. Но тут дверь хлопнула, и снова стало темно.

Быстрые испуганные шаги удалились влево, а справа стали приближаться шаги неторопливые, зато уверенные и многочисленные.

Она предусмотрительно прищурилась.

Все правильно: дверь распахнулась, лучи за краем одеяла опять вспыхнули, в комнату, судя по всему, вошли несколько человек.

Эти были опытные, они сразу же закрыли дверь. Марина высунулась из-под одеяла.

Иван Григорьевич, белая медсестра и двое пожилых. Пожилые без халатов – у нее забилось сердце, – но она посмотрела им в глаза и как-то поняла, что и они не родственники, а врачи.

– Как меня зовут? – шепотом спросила она. – Оля? Эльвира?

Все четверо опешили, но быстро пришли в себя.

– Вы что-то вспомнили? – воскликнула женщина.

– Да.

– Что?!

– Вначале скажите, как меня зовут.

– Вас зовут Марина. «Марина? Это не Лёлик».

– Так что вы вспомнили?

– Сюда легко пройти чужому? – снова спросила она.

– Какому «чужому»? Что вы вспомнили?!

– Сюда невозможно пройти чужому, – внимательно глядя на нее,

сказал Иван Григорьевич. – Здесь строгая охрана. Вы чего-то боитесь?

– Что вы вспомнили? – не унималась пожилая.

– Я ничего не помню, – прошептала она.

– Милая Мариночка, – женщина говорила мягко, но ее взгляд, брошенный на белую медсестру, был холодным и требовательным. Та сразу поняла: метнулась к стулу, приподняла штору на окне. «Медицинское светило, – подумала Марина. – Профессор». – Милая Мариночка, вы долго находились без сознания, – женщина села на принесенный медсестрой стул, мужчины застыли у стены. – То, что у вас сейчас такое состояние – не страшно. Вы живы – и это главное. Теперь все будет хорошо.

– Вы профессор?

– Вы меня помните?

– А вы меня знаете?

– Я вас наблюдала в начале болезни и очень рада, что вы поправляетесь.

– Что со мной было?

– Вы попали в аварию и долгое время находились в коме. К сожалению, так бывает нередко. Но теперь все хорошо. Здесь очень хорошая клиника, вас прекрасно лечат, это их заслуга, что вы поправились. У вас сейчас нормальные анализы, мышцы пришли в норму. Но у вас ретроградная амнезия. Это такое заболевание, при котором человек не помнит почти ничего из того, что было с ним до болезни. В большинстве случаев память восстанавливается. Иногда полностью, иногда частично. Вы молодая, и у вас сильный организм. Очень сильный! Думаю, что все будет хорошо. Главное – не паниковать.

– Да я и не паникую, – сказала Марина. Про себя она несколько раз произнесла слово «Марина». Мозг никак не отреагировал. Тогда она произнесла: «Лёлик». Тоже ничего.

– Откуда вы знаете, что я профессор?

– Догадалась.

– Догадались? Как?

– По тому, как вы посмотрели на медсестру.

Женщина переглянулась с пожилым мужчиной. Тот улыбнулся.

– Это ваш муж? – спросила Марина.

– Тоже догадались? – видно было, что женщина не поверила. – Ну, если дело так дальше пойдет, то все будет нормально.

– Где мои родственники?

Этот вопрос привел их в замешательство. Только Иван Григорьевич смотрел не растерянно, а очень сосредоточенно. Вообще, у него был не

медицинский взгляд. Какой-то другой...

У нее внезапно заболела голова.

– У вас есть мать, – сказал он. – Она живет в другом городе. Ее зовут Елена, вот ее фотография. Может, вспомните?

Он подошел к кровати, поднес к ее глазам фотографию. На ней Марина увидела немолодую стройную женщину с короткой стрижкой и недовольно надутыми губами. Губы были красивые – полные и ярко накрашенные. У женщины был капризный вид, она как-то странно изогнула шею, словно говорила: «Ой, да отстаньте!» Мало того, что она была совсем не знакома Марине, она ей еще и не понравилась. Сказать ли об этом пожилой?

– А вы кто... какой врач? – спросила она.

– Я психолог. Я здесь, чтобы вам помочь, Марина.

– Эту женщину я не помню. Она красивая, но мне не нравится.

– У вас были не очень теплые отношения, – сказал Иван Григорьевич.

– Почему она не здесь?

– Именно поэтому. Ваши родители были в разводе, и вы жили с отцом.

– Где же отец?

– Он умер два года назад. Он был очень богатым человеком и оставил вам большое состояние. Вы обеспеченная женщина, Марина.

– Покажите мне его фотографию.

Теперь перед ней было лицо худощавого, коротко стриженного мужчины. Он улыбался. Было такое ощущение, что специально. То есть позировал. Увидев его, она ничего не почувствовала.

– Скажите, – повернулась она к пожилой, – а это нормально, что я помню какие-то основные понятия, ну, не знаю... как это объяснить.

– Я поняла, – женщина успокаивающе улыбнулась. – Это нормально. Существуют очень разные стадии комы. Бывает не до основных понятий. В тяжелых случаях организм забывает, как дышать. У вас совершенно другой случай, более легкий. Вы помните буквы, Иван Григорьевич сказал, что вы прочитали надпись на пузырьке с лекарством, вы помните страну и город, примерно помните время, в котором живете. В конце концов, вы помните родной язык!

– А бывает, что не помнят?

– Медицине известен случай, когда после аварии человек забыл родной язык, зато помнил иностранный, который учил в школе. Учил он его очень плохо и сильно пожалел об этом. На долгие годы в его распоряжении было лишь несколько фраз.

– Он восстановился?

– Да. И вы восстановитесь. Завтра мы проведем кое-какие обследования, назначим лекарства, потихоньку начнете подниматься, сидеть, потом вставать. Принесем сюда телевизор, книги, все-все сделаем. Это наша забота. Вы просто живите, не насилуйте себя. Память восстановится сама и в самый неожиданный момент. Вас ждет счастливая жизнь, вам не надо думать о деньгах, все у вас есть, вы молодая, вы... молодец! Все будет хорошо!

«Она хотела сказать «красивая», – подумала Марина. – Но не сказала, запнулась... И еще они не говорят, сколько времени я была без сознания. Наверное, очень долго...»

– Оставьте мне обе фотографии, – попросила она.

Иван Григорьевич посмотрел на женщину, та сказала: «Да-да».

Справка.

Отец – Королев Михаил Александрович. Родился в 1960 году в Свердловске. Мать – учительница начальных классов. Отец погиб за неделю до его рождения (утонул).

После окончания школы приехал в Москву, чтобы поступать в Институт стали и сплавов, но не прошел по конкурсу. Устроился работать на завод «Станколит» (специальность: формовщик ручной формовки), через год был призван в Вооруженные силы. Служил на советско-финской границе. После окончания срока службы поступил в Институт нефти и газа...

Иван Григорьевич улыбнулся. Ему почему-то показалось, что человек, составлявший эту справку, ужасно мучился и метался от стиля к стилю. Как составляются такие справки? Что это: рекомендация для приема на работу, материалы для книги, биография будущего депутата? Нет на свете такого жанра, и можно только посочувствовать сотруднику фонда, получившему задание написать для Марины Королевой все, что она должна знать о своем отце.

Главный врач отложил справку в сторону и, упершись подбородком в поставленную локтем на стол руку, задумался.

А что бы он внес в такую же справку, если бы ему надо было составить ее для себя? Предположим, что он, Иван Григорьевич – такой предусмотрительный человек, что предусмотрел собственную ретроградную амнезию. Предположим также, что в эту справку можно внести абсолютно все. Наука сделала это возможным. Кто-то хранит свои стволовые клетки, кто-то – сперму, кто-то замораживает всего себя целиком, а он составляет страховку на случай потери памяти.

Мысль увлекла его. Отобрать самые важные из воспоминаний сорока пяти лет! Коечто можно выбросить. У него уже немало таких стыдных, от которых начинаешь сам с собой разговаривать вслух. Их-то не жалко.

Или жалко?

Об этом он задумался впервые в жизни. Прислушался к себе и поразился: жалко!

«Неужели вписал бы, что в 1980 году в компании интеллигентных ребят, где была такая красивая и утонченная девушка, которая нравилась

мне просто до потери пульса, я вдруг начал рассуждать на тему поп-арта, говорил долго и, как мне казалось, убедительно, и только потом, по их взглядам и переглядываниям понял, что я неправильно понимаю это слово, что оно означает не «разврат», а что-то другое. Неужели я бы это оставил?» – подумал он.

В справке, которую он сейчас нафантазировал, все было перемешано и отсутствовала хронологическая последовательность. Там впервые увиденное море стояло впереди впервые поцелованной девушки, а первая женщина совсем забылась, и не было у нее, вопреки всем книгам и журналам, ни имени, ни лица – но кто ж виноват, что она была девочкой-швеей, встреченной в пьяной компании после трудового дня в горячем цеху?.. Может быть, у кого-то по-другому, кто-то хранит в памяти каждый сантиметр тела своей первой женщины, а море ненавидит, и с удовольствием вычеркнет ту волну, которая сбила с ног, набила песка в рот и навсегда отвернула от воды...

И как это нелепо, когда такую вот справку тебе составляет чужой, даже не догадывающийся о том, в каком порядке должны идти твои воспоминания, какая у них иерархия.

«Ну я и увлекся!» – с насмешливым осуждением подумал Иван Григорьевич и снова углубился в чтение.

«... В 1983 году женился на Елене, студентке педагогического института, своей ровеснице, москвичке. Через шесть месяцев родилась дочь – Марина. Жили трудно. У родителей Елены была однокомнатная квартира, и они плохо приняли зятя, считая, что он женился из-за прописки...»

Тут перо неведомого составителя разбежалось и стало до невозможности поэтичным. Понять это было можно. В фонде Елену Королеву сильно не любили, все еще помнили двухлетний судебный процесс, который она затеяла против мужа. Если Марина захочет все узнать – она узнает. Не было в России ни одной газеты, которая бы об этом не писала.

Елена Королева окончила институт первой. Михаил тогда писал диплом, работал маляром на стройках и дворником в детском саду. Этого хватало на жизнь, но она все равно была невыносимой: пять человек в однокомнатной квартире, в которой и один бы не поместился, потому что все квадратные метры были заняты ненавистью. Приличная девушка забеременела (только по неопытности; это он, здоровый провинциал,

должен был думать), а потом и привела этого амбала, который будет непонятно кем. Нефтяником, с ума можно сойти от смеха!

У Миши Королева была своя точка зрения на происходящее. В его памяти, наверное, были иные эпизоды: слезы, шантаж, обычные слова о вреде первого аборта. Но он не стал спорить, кто виноват – с точки зрения последствий для собственной жизни, – разумеется, был виноват он. Сам дурак, надо было думать своей башкой, правы новые родственники.

Новинкой для него стала эта ненависть. Ему она казалась неконструктивной. Он не мог понять, зачем нужно отравлять друг другу жизнь, ведь выхода пока нет. Он зарабатывал достаточно, чтобы снимать комнату, он их даже находил: одну, другую, третью, но жена поджимала губы, и он опять не понимал: «Трудно с ребенком без помощи мамы? Не нравится коммуналка? В чем дело?»

Еще хуже стало после окончания института. Они узнали, что он не пошел в аспирантуру, а намерен отправиться в свободное плавание. Тогда это было потрясающее своим безумием решение.

Если бы он защитился, то когда-нибудь смог бы приблизиться к ним по уровню. Теперь же у него шансов не оставалось. Маляр, дворник, нефтяник по образованию – в их глазах это был такой гремучий коктейль, что они чуть не плакали. Впрочем, его тогда многие не поняли. Он ведь закончил с красным дипломом, и сами преподаватели предлагали ему аспирантуру.

«Все! Не видать тебе, дочка, собственной квартиры! – заявила теща. – Это тебе не наш папа. Наш папа разрывался на части, но учебу не бросал. Он хотел стать человеком. И он получил квартиру!»

Он мог бы окинуть шестиметровую кухню презрительным взглядом, но, во-первых, это было не в его характере, а во-вторых, в их кухне взгляду было не разгуляться: он споткнулся бы о развешенные пеленки или об их супружескую кровать, временно превращенную в гладильную доску, споткнулся бы и ушел в него, Мишу.

Королев никогда не посылал мысленно ничего плохого – считал, что броню современного человека не пробить и эмоция вернется обратно.

Он снова предлагал переехать, но она снова отказывалась.

А потом он понял, в чем дело! Елена его настолько возненавидела, что не могла оставаться с ним наедине. Он оказался таким опровержением ее мечтаний о счастливом супружестве, что она, всю жизнь мечтавшая только об этом и ни о чем больше, презирала теперь в его лице мужа, мужчину и даже Бога.

Он не сомневался, что и ребенок ей не нужен. Не сомневался также, что она его сразу не отдаст. Так и получилось. Когда он заявил, что

разводится и что согласен забрать дочь с собой, жена, теща и тесть только захотали.

Он видел, что они растеряны. Они искренне считали, что он добивался этого брака и делал это ради прописки, которую так и не получил, но о которой, несомненно, мечтал.

Он ушел в общежитие, оставив им заработанные в стройотряде сумасшедшие четыреста рублей, и стал ждать.

Уже тогда у Королева обнаружилось хорошее аналитическое мышление и сверхъестественное чутье, он мог предсказывать события словно экстрасенс. Правда, сказать, что он «ждал», будет не совсем правильно. «Ждал» подразумевает чуть ли не «сидел без дела», а сидеть в тот год было некогда. Какое-то непонятное шевеление образовалось тогда в воздухе, словно самые высокие пласты атмосферы, неподвижно висевшие над страной целое тысячелетие, пришли вдруг в движение.

Он хорошо помнил каждый день того года. Он не мог надышаться его ветрами. Новый день приносил новый сюрприз, все его приятели были в ужасе от этого, а он чувствовал себя нечеловечески сильным. Тогда ему впервые стало казаться, что он не такой, как все.

Все говорили: «Как это? Как это делать?! Где это брать?!», а он откуда-то знал, где и как.

«Все было раньше так ясно и просто», – жаловались ему, а он поражался: это сейчас стало ясно и просто, а раньше было тягостно и мутно. У него возникло ощущение, что кто-то неведомый и добрый создал новый мир исключительно для него, и от одной только мысли, что он мог родиться на двадцать лет раньше, Королев покрывался мурашками ужаса.

В конце года появилась Елена. Она была подурневшей, полной и очень тихой. Понятно было, что ей что-то нужно.

Она мирно осмотрела комнату, которую он тогда снимал, и неожиданно похвалила ее. Мол, светло, уютно.

– А у нас такой ужас, – прошептала она. – Папа умер, Мариночка постоянно болеет. Спит на кухне, там сыро, плесень... Спасибо за деньги, Миша. Ты много присылаешь, я покупаю ей фрукты... Вот только плесень в этой кухне.

Можно было потянуть время, поиздеваться хоть немножко, но и это было не в его характере.

– Давай я заберу ее! – сразу предложил он.

– Ну, как это... От матери забрать... Что люди скажут?

– Так я ее маме отправлю. Она на пенсию вышла, у нее садовый участок. Там знаешь какая клубника. И солнце! А людям скажешь, что ей

московский климат не подходит.

– Он ей действительно не подходит. У нее крапивница.

– Ну вот. Тем более.

– Я подумаю, – сказала жена.

Оказалось, она беременна. Тот мужик был женат, на жилплощадь не претендовал, правда, и денег не давал. Это он потом уже развелся, когда понял, что за судебный процесс можно затеять. Сразу стал хорошим отцом, хорошим мужем, ходил на все суды, давал интервью в газеты...

Иван Григорьевич вдруг понял, что разукрасил справку собственными предположениями. Он быстро пробежал глазами текст: что ж, это вина составителя. Вот как рассказана была здесь история королевского развода.

«Ушел из-за невыносимой обстановки в семье, платил хорошие алименты, а через год Елена сама отдала ему дочь. Елена была в тот момент беременна от другого мужчины (женатого), с которым зарегистрировалась десять лет спустя. С Мариной мать встречалась не чаще двух раз в год. Девочка до семи лет воспитывалась у бабушки в Свердловске. Отношения с матерью у нее были неприязненные, хотя Михаил Королев ничего плохого о первой жене не рассказывал».

Он, конечно, не рассказывал – рассказывали газеты. Марине тогда было одиннадцать лет, она уже жила в Москве, в неприступном замке – как принцесса. Ее мать Елена сама бы не догадалась подать в суд. Она ведь давно знала, что Королев сильно разбогател: приезжала к дочери, на ее глазах росло их благосостояние, да и суммы, которые Королев ей давал, периодически увеличивались.

В девяносто первом, вскоре после возвращения дочери из Свердловска, она приехала в их новую квартиру на улице 1905 года. Елену поразило, что квартира четырехкомнатная и в ней пластиковые стеклопакеты, – она их много раз открыла и закрыла, удивляясь, что они совсем не пропускают звук. Потом долго стояла на кухне...

Елена молча осмотрела гарнитур, провела пальцем по доске – в направлении плиты, – и палец ни обо что не споткнулся, ничем не испачкался.

– А где холодильник? – спросила она.

– Он тоже встроенный, – сказала няня. – Смотрите, – и открыла деревянную дверь, за которой был холодильник необычного серебряного цвета. – А здесь, внизу, за дверцей посудомоечная машина.

Сейчас забавно вспоминать ту кухню: девять метров максимум, потому-то он и попрятал все эти механизмы за дверцы, но Елена была поражена.

Он приехал, когда она уже уходила, и по ее виду понял, что дела ее неважны. Королев давал ей четыреста долларов в месяц, хотя это она должна была платить алименты дочери – но сейчас ему стало ее жалко.

– Чем ты занимаешься? – спросил он.

– Дома сижу.

– Зря, Лена. Ты закончила пединститут...

– А ты знаешь, какие зарплаты у учителей?! Ты тут живешь и ничего не зна...

– Не обязательно учителем.

– А кем?! Тебе легко советовать! Мама болеет, у меня на руках ребенок, я совсем одна!

Тогда он купил ей туристическую фирму, его знакомый как раз продавал. Оказалось – выброшенные деньги. Елена не стала ничем этим заниматься, она вообще не была создана для работы – она хотела быть женой и матерью в небольшом уютном домике, но как назло именно способностей быть женой и матерью у нее не было. Она не умела следить за собой, уставала от забот, не любила любить, вечно тревожилась, не сели ли ей на шею. Ей бы родиться на двадцать лет раньше, она была бы обеспечена каким-то минимумом, который давала учительская профессия, да и муж, который мог бы составить ее счастье, имел бы в те времена минимум, достаточный для уютной жизни. Так получилось: Михаил Королев совпал со своим временем, а Елена – нет.

Впрочем, отец ее ребенка оказался оборотистым мужиком. Туристическую фирму он неплохо продал. Елена сказала об этом Королеву, когда приехала в следующий раз. Еще не в замок, но уже в загородный дом. В Малаховку. Во дворе там стоял надувной бассейн, дорожки были вымощены тротуарной плиткой, а ворота сами поднимались, скручиваясь в рулон. Дом был куплен готовым и Королеву не нравился. Тогда он уже знал, что переедет...

Из окна кабинета он увидел, как его первая жена остановилась, рассматривая бассейн.

Как получилось, что он, сам себе казавшийся героем эпоса, стал персонажем сказки? Роль золотой рыбки всегда представлялась ему благородной, величественной, но оказалось, она смешная и унижительная. Каждый раз он выполнял очередную просьбу, но каждый новый визит укрупнял требование.

Все закончилось, как у Пушкина: «Хочу быть владычицей морскою!» Вот что посоветовал просить ее новый муж...

Иван Григорьевич не выдержал – потянулся в ящик за сигаретами. Он

знал, что не закурит, но ему было приятно потрогать пачку. Он слегка наклонился над ящиком.

Под столом с факсом что-то лежало.

Иван Григорьевич встал, подошел к столу, нагнулся.

Это была старая газета.

«Странно... «Известия» за 1999 год. Девочки не убираются, что ли? Да нет, вроде чисто... Газета открыта на предпоследней полосе. Кто читал это старье?» Тут дыхание его перехватило.

В самом низу страницы он увидел фотографию пожилого, но крепкого мужчины, который поднял руку, словно прощаясь. Под фотографией была подпись: «Утечка мозгов продолжается. Известный нейрохирург И. Турчанинов уехал в США по приглашению одного из американских научных центров. Он утверждает, что временно. Как долго будет продолжаться это время? Время, когда не ценится наука».

– Лена! – крикнул Иван Григорьевич секретарше. – Кто здесь был?

– Где? – по голосу было слышно, что она испугалась.

– В моем кабинете!

– Никого не было, Иван Григорьевич!

– Как это никого, Лена! Откуда здесь эта газета?!

«Неужели Иртеньев принес? – тут же подумал он. – Да нет, не может быть. Он бы мне сразу сказал».

– Я не знаю, Иван Григорьевич! Никого здесь не было! Вы же знаете, у нас охрана, а уж в ваш-то кабинет я вообще никого не пускаю!

«Вот дура! – пробормотал он, тыкая в цифру «3» на мобильном. – Впрочем, какая разница, заметила она кого-то или нет... Главное, что кто-то подбросил эту газету. Специально подбросил, чтобы показать, что он все знает...»

– Да-а, – протянул мужской голос в трубке.

– Ты же обещал мне, что это железно! – не представившись, злым шепотом произнес Иван Григорьевич.

– Что железно?

– Что этот чертов Турчанинов сидит в своей Оклахоме и страдает чуть ли не аутизмом!

– Ты чего разгорячился? – хмыкнул мужчина. – Я сказал, что он сильно болен, но его родственники это скрывают. Поэтому он в России не появится... Они гордые. У него там не пошло, а им это признавать неприятно. Стесняются родины-то.

«Остынь, – сказал себе Иван Григорьевич. – Этот человек ни в чем не виноват. Газета девяносто девятого года. Тот, кто ее нашел, искал

специально. Кто же это? Даже Иртеньев не знал Турчанинова в лицо. А *этот* знал? Может быть, и нет. Он мог просто *заподозрить* и начать искать. Но как он подбросил газету в мой кабинет? И зачем он это сделал?»

– А что случилось-то? – поинтересовался мужчина.

– Да тут попалась старая газета... Там этот Турчанинов на всю полосу.

– Как ты ее выкопал-то?

– Да выкопал, понимаешь.

– Ну, это ты такой копатель, – успокоил мужчину. – Другие не выкопают, не волнуйся. Его статьи были интересны трем с половиной человекам, уж поверь мне. А в Америке он вообще скукожился. Он никому не нужен и никогда не вернется. Просто не перенесет поездку. Физически.

– Да, извини, пожалуйста... Лена! – крикнул он, нажав на мобильном отбой. – Чтобы завтра был список тех, кто мог зайти в мой кабинет!

– Начиная с какого времени, Иван Григорьевич?

– Давай знаешь с какого? С того, когда очнулась Королева.

Наступил июнь. Он оказался невиданно жарким: уже с первых чисел полетел тополиный пух. Стоял такой зной, что даже на городских трассах возникали миражи: казалось, впереди растекаются лужи. В конце каждого дня небо затягивали тучи, и спустя пять минут начиналась сильная гроза. Грохотало очень страшно, но дождь был коротким и теплым. К полуночи все успокаивалось, и даже земля просыхала.

В центре было невыносимо. Везде ремонтировали дороги, на каждом шагу были сужения. Озверевшие водители бросали свои машины, чтобы пройти несколько метров по раскаленной трассе, а затем вернуться, поняв бессмысленность гнева. Другие водители разъяренно сигналили. Как обычно, в местах пробок не было ни одного гаишника.

Клиника реабилитации и восстановительного лечения находилась на севере Москвы, в самом центре заповедника Лосиный остров. Заповедник занимал огромный кусок дорогой столичной земли, но большая его часть стояла заболоченной.

Здесь всегда было сыро; в жару от земли поднимался тяжелый пар. Каждый новый вечерний дождь давал влагу и без того гигантским травам – теперь они были куда выше человеческого роста. Даже самый смелый собачник с самым большим доберманом не рискнул бы этим летом отходить от аллеи в сторону. Очень разросся кустарник; он заполнял все пространство под деревьями на два метра вверх, и уже у обочины начинались непроходимые дебри.

Густая, влажная, почти тропическая зелень осаждала ограду клиники – и разбивалась об нее. Сразу за красным забором зеленый цвет падал вниз, на уровень аккуратных газонов. Кустарник был квадратный или круглый и никакой иной. Ни одна веточка не топорщилась в сторону. Только у главных ворот была оставлена целая рощица разросшейся черемухи. Здесь уже пять лет жила соловьиная семья, и ради ее спокойствия сюда не пускали садовника.

Клиника была хорошо защищена не только от дикой растительности. По верху высокого кирпичного забора тянулись провода сигнализации и стояли камеры. На каждую сторону света выходило по будке охранников, снабженной пятью мониторами. Главные ворота были именно воротами, а не шлагбаумом. Изображение подъехавшей машины долго изучалось по всем экранам и спискам, после чего ворота автоматически разъезжались.

Впрочем, клиника не казалась мрачным заведением. Уже в тридцати метрах от забора начинался веселый солнечный парк, в любое время года ухоженный, чистый.

Для весны здесь были целые поля ранних цветов. Они распускались, когда под соснами еще лежал последний снег. Осенью горели георгины, астры и разные кустарники, посаженные ради буйного пожелтения и покраснения. Зимой украшали ели, можжевельник и куча красивых фонариков. Ну, а уж летом парк цвел такими цветами и красками, что чем ближе к зданию, тем больше захватывало дух.

Клиника была маленькая, в самое загруженное время здесь лежало не больше десяти пациентов, и все они были сотрудниками фонда.

Оборудование было закуплено семь лет назад, но до сих пор, по меркам Москвы, оставалось очень современным. Впрочем, серьезных заболеваний здесь не лечили. Сюда ложились, чтобы провериться, сдать все анализы. В отличие от государственной медицины, здесь не надо было подгадывать под часы приема и брать направления в другой конец города, чтобы сделать компьютерную томографию или суточную кардиограмму – все было под рукой. Лег на два дня, проверился, успокоился, пошел работать дальше.

Персонала тоже было мало. Две медсестры, две врачихи, одна массажистка, один старик-садовник, четыре сотрудника охраны, главврач Иван Григорьевич и его секретарша. Была также повариха и две ее помощницы.

Этого было достаточно. Иногда в клинике находилась только одна пациентка – дочь основателя фонда Марина Королева. У нее было свое отдельное крыло, оборудованное специально для поддержания жизнедеятельности. На входе в крыло сидел пятый охранник – единственный из всех, он имел право на ношение личного оружия.

Кабинет главного врача находился в этом крыле.

Если бы в клинике оказался посторонний человек, он, возможно, удивился бы и охране, и будкам по периметру, и проводам сигнализации. Сотрудники фонда ничего странного в таких мерах не видели.

Марина Королева попала в клинику после покушения. 2 сентября 2000 года ее ударили тяжелым предметом в основание черепа и плеснули в лицо кислотой. Все случилось на территории института, в который она поступила тремя месяцами раньше. Покушение произошло в девять часов вечера, шла дискотека. Марина вышла на задний двор институтского клуба, ее охранник в это время находился у парадного входа, там, где все курили.

Марина не была упрямой девушкой, она редко выражала недовольство

по поводу чрезмерной опеки, хотя и не верила, что охранник ей на самом деле нужен. Но она не была легкомысленной. То, что она вышла на задний двор – было странно.

Сразу за клубом начинался парк, который в институте называли «наркоманским». Он был буквально усеян шприцами. Чуть дальше, на асфальтовом пяточке, находилось место продажи наркотиков. Там всегда толклись несколько мутных граждан, мимо которых проходили клиенты. Периодически устраивались облавы, и тогда все падали на землю, а омоновцы со страшным криком бегали над распростертыми телами, вопили: «Ноги раздвинь! Рот открывай, быстро!», шарили по карманам, стаскивали ботинки и носки, залезали в рот, а кого-то увозили, чтобы поискать наркотики в желудке.

Особенно часто такие облавы проходили во время дискотек, но в это время и прибыли были особенно большими. Так что по вечерам в субботу торговый пяточок всегда был заполнен, а парк буквально кишел наркоманами.

За две недели до покушения Марина рассказала отцу об этой особенности института. Он нахмурился, сказал, что лично позвонит ректору, а про себя подумал: «Как же мне повезло с дочерью. Никогда я с ней проблем не знал. Она не бесилась с жиру, не грубила, не теряла интереса к жизни, что часто бывает с детьми моих знакомых. Всегда веселая, всегда старательная, покладистая, немного наивная. За что мне такое счастье? Только один у нее недостаток, – подумал он еще, – она слишком ранимая. Слишком близко к сердцу принимает чужие проблемы. Как это неудобно для жизни!»

Итак, Марина Королева знала о том, к какому парку примыкал задний двор дискотеки. Она вышла туда, когда уже темнело, а в парке, из-за деревьев, было совсем темно.

Потом выяснили, что фонарь над крыльцом не горел. Было непонятно, зачем эта девушка пошла в темноту. Разумеется, найти свидетелей оказалось невозможно. Дискотека грохотала, никто ничего не слышал. Может быть, имелись свидетели на пяточке, но ни один из известных милиции продавцов не признался, что был там в это время.

Вне всякого сомнения, ее собирались убить. Это почти получилось. Охранник мог простоять у парадного входа еще полчаса, и тогда она умерла бы от потери крови и болевого шока. Но охранник что-то почувствовал. Он потом объяснял: «У меня заныло сердце. Что-то ударило в глаза, я словно что-то увидел».

– Что увидел? – спросил следователь.

– Как *призрак* какой-то промелькнул перед глазами... Мне стало так тоскливо, и я побежал ее искать.

Судя по всему, охранник нашел Марину Королеву минут через десять после покушения. Ее спасло то, что он не стал бегать по всем этажам дискотеки, а остановился в коридоре, прислушиваясь к собственным ощущениям. Они ему подсказывали: «Произошло что-то неприятное... Могло произойти на дискотеке, но тогда был бы какой-нибудь шум. Шума нет, значит, надо искать место опасное, неприятное и к тому же тихое».

Охранник стал набирать номер Маринино мобильного, он не отвечал. На дискотеке она могла просто не услышать звонков, но охранник сделал самое правильное: он убрал собственный телефон от уха, положил его в карман и стал прислушиваться. Ему показалось, что где-то вдалеке, очень слабо, он слышит звонки. И он пошел туда, откуда они могли бы доноситься, потому что их не заглушала музыка, – к заднему ходу, к черному квадрату стекла в конце коридора...

Все действия охранника доказывают, что Королев выбрал достойного. Почему же этот достойный не уберег ее?!

Королев его, конечно, уволил и пообещал наказать, но наказывать не стал, даже заплатил потом двадцать тысяч долларов в качестве единовременного пособия. Марина не должна была выходить на задний двор, и танцевать она должна была напротив своего охранника, а не за две стены от него. Но Королев знал дочь: она считала свою охрану обычной прихотью отца. Да он и сам не думал, что теперь ей что-то может угрожать по-настоящему!

Все ее детство он опасался, что ее похитят. Он ее очень любил, и об этом многие знали. Похищение с целью выкупа – вот был его главный страх. Еще он на разных этапах своей жизни опасался покушений на самого себя, это, как говорится, в порядке вещей, издержки профессии. Но дочь? Зачем?! Зачем убивать? Чтобы отомстить, чтобы принудить его что-то сделать? Но надо было хотя бы напугать сначала, пригрозить, потребовать...

Он был уверен, что она выживет. Кома – это опасно для тех, у кого нет денег. У него же были неограниченные возможности.

Первые полгода, пока закупалось оборудование в его собственную клинику, дочь находилась в государственной. Освободили целый этаж, поставили охрану. Он приезжал через день, и настроение у него было боевое. Дочь жива, борется, она пошла характером в него. Ее мать бы уже сломалась, сдалась. Марина другая. Врачи говорили, что после таких ударов не живут, а она живет, дышит. Сколько раз в жизни ему говорили: и

это невозможно, и то невозможно. А он делал! И его дочь сделает невозможное. Они с ней одной человеческой породы.

Через полгода Марину разрешили перевезти. Он думал, это хороший знак. Оказалось, что с медицинской точки зрения это знак плохой. Они считали, что ее перевозят «умирать».

Еще через полгода в его клинику приехали супруги Иртеньевы. Сам Иртеньев был крупным нейрохирургом, он провел подробнейшее обследование Марины, после чего сказал, что операции она не переживет. И что ей осталось три года максимум. Королев предложил ему тридцать тысяч за операцию, но тот все равно не взялся.

Следствие тем временем шло ни шатко ни валко. Он им всем приплачивал, но они ничего не могли сделать. Дошло до того, что стали искать Марининово любовника.

– Любовника моей дочери?! – потрясенно спрашивал он. – Да вы охренели, что ли? Ей семнадцать лет!

– Ох, Михаил Александрович, – говорил следователь. – Что мы знаем о собственных детях? Сейчас уже десятилетние вступают в интимные связи.

– Не судите по своим! – отрезал он. – У моей Марины не было любовников.

– Ну как не было... Она ведь не девушка...

– В смысле?

– Ну, это...

– Было еще и изнасилование?!

– Нет-нет. Раньше была связь...

Это они ему рассказали (и он видел слабое ехидство в их глазах), что у Марины был любовник – хороший приличный мальчик из МГИМО. Он его нашел – тот стоял белый и тощий, похожий на бледную поганку, лепетал, что они собирались пожениться после окончания института. Он дрожал так, что это было заметно на расстоянии в десять метров. Королев, уходя, оглянулся и увидел, как тот дрожит. Мальчик думал, что Королев его убьет? Газеты тогда писали, что он многих убивал, вот этот и обосрался... Муж! До сих пор, наверное, в памперсах ходит. Дипломат сраный, из-за таких нас и не уважают.

Мальчика не подозревали: у него было алиби. Он, впрочем, быстро переехал в Англию, в Оксфорд, родители подсуетились. Королев почти равнодушно думал, что и для них связь сына стала неприятной неожиданностью: эти люди были потомственными дипломатами, и репутация Королева им вряд ли нравилась.

Любовная версия, тем не менее, сильно увлекла следователей.

– Может, за ней ухаживал кто? – спрашивали они. – А девчонка какая-нибудь приревновала. Ведь кислотой в лицо – это-то зачем?

– Вот и выясняйте зачем.

– Непонятно, – вздохнул следователь. – Ее должны были убить. Удар был страшный и нанесен со знанием дела. Зачем кислота? Либо удар, либо кислота. Они бы одной кислотой ей жизнь испортили. Зачем тогда убивать?

Ужасные, душу выворачивающие разговоры. Он их вел, стиснув зубы. Потом поехал к охраннику.

– Что ты увидел? Почему ты встревожился?! Почему ты сказал, что это призрак?

– Я не понял, Михаил Александрович! Что-то ударило по глазам. Что-то не то.

– Как ты стоял?

– Я стоял у входа... Ну, лицом к дороге.

– К проезжей части?

– Ну да.

– Значит, это было связано с машинами? Или это было на другой стороне?

– Я не понял, Михаил Александрович! Так как-то полоснуло по сердцу, тягостно так...

После того как Иртеньев произнес свой страшный приговор, Королев вдруг подумал, что дело, которому он решил посвятить жизнь, может провалиться. Его дочь может не очнуться. Эта мысль буквально поразила его. Он всегда ставил на те дела, в которые верил. Он с детства считал, что даже невозможное возможно. Да, он порой встречался с сильными противниками и даже с ужасными противниками, но теперь он стоял лицом к лицу с врагом, силу которого можно было оценить как неодолимую.

Разумеется, Королев знал, что смертен. О собственной кончине он особенно не задумывался, хотя в его жизни был период, когда его реально могли убить – и не один раз, а пять. Здесь он подстраховался. Он пожертвовал на два храма, и у него был свой батюшка. Королев думал, что много грешил в своей жизни и, в принципе, заслуживает тяжелой смерти. Справедливости и несправедливости были расставлены им по полкам и уравновешены. Он хорошо пожил, он объездил весь мир, повеселился на славу, видел и роскошь, и приключения, и красивых женщин, и самое сладкое на свете – поражение врагов. Для него смерть была не противником, а окончанием насыщенной и интересной жизни.

Теперь перед ним был другой враг. Этот враг порастил совершенно невинного, но за грехи его – Михаила Королева. Этот враг насмешливо дал

ему надежду и дал цель – поднять ее, вылечить, восстановить справедливость – но он же мог ее отобрать в любую секунду, оставив за собой такую пустоту, что от одной только мысли об этой пустоте хотелось выть в полный голос.

Он был бессилен. И он это понял.

Михаил Королев был таким человеком, без цели жить не мог. Не надо было слишком уж долго думать, чтобы понять, какую теперь выбрать. Он должен найти того, кто это сделал.

И отомстить.

Сегодня был выходной, и Степан Горбачев решил выехать за город.

Всю неделю он промаялся так, что боялся сойти с ума. В общем-то, подружки его так и пугали: «Закончишь белой горячкой»; он думал, это такая общая фраза, а теперь решил, что можно и чокнуться. Почему нет? Десять лет скрытого алкоголизма и пять лет открытого.

Степан вначале съездил на кладбище – к Мише.

Это было не за городом, а почти в центре. Как обычно, бродило много туристов, кто-то спрашивал, как пройти к Высоцкому, злобно сигналили машины, стоявшие в глухой пробке. Трасса шла прямо вдоль кладбища – было шумно, душно, пыльно...

Степану здесь никогда не нравилось. Если бы он был такой богатый, как Королев, он бы завещал похоронить себя в полной тишине, на каком-нибудь островке посреди гигантского озера. Впрочем, может, и Миша хотел того же самого: он не успел оставить никаких распоряжений относительно собственных похорон.

Горбачев сел на лавочку у могилы, прикрыл глаза. Его немного тошнило. Видимо, было высокое давление.

Как непохожи друг на друга человеческие судьбы! Его собственная была ровной. Фактически он не изменился с момента окончания института. Сейчас он занимал то же место, что и двадцать лет назад. Не плохое и не хорошее. Самые низы ему завидуют, а те, что средние и выше – жалеют. Так же было и раньше. Только двадцать лет назад у него были *перспективы*, а теперь их не было. И еще: двадцать лет назад он был несчастный, а теперь счастливый.

У Королева все было по-другому. Траектория его судьбы шла почти перпендикулярно поверхности земли. Старт на первой космической скорости, как у другого Королева-конструктора. А потом падение на кладбище. Не судьба, а американские горки. Степан никогда не переставал поражаться этим завихрениям.

Первый раз он был удивлен тогда, в девяностом. Он приехал на своих «Жигулях», чтобы утешиться – похвастаться двумя комнатами в общежитии, аспирантурой и всем остальным. Ну, он не собирался хвастаться – хотел, наоборот, пожаловаться, что, мол, не так все идет, как хотелось бы, чтобы кооператор Миша изумился, и вот тогда бы получилось: похвастался. Хитро так, умело похвалился.

Уже у подъезда он понял: что-то не то. У него был адрес, и он несколько раз сверился с бумажкой, потому что по этому адресу был роскошный подъезд с чугунными завитками перил, а у входа стоял охранник с пистолетом и рацией.

– Вы к кому? – спросил охранник.

– К Королеву, – Степан сказал это тоном, заранее извиняющимся за ошибку, но охранник не пожал плечами, а спросил, как его зовут, после чего вежливо проговорил в рацию: «К Михаилу Александровичу пришли. Степан Горбачев», – и еще раз глянул с тщательно запрятанным любопытством: однофамилец? родственник?

Внутри все было отделано импортными пластиковыми панелями, у Мишиного кабинета сидела совершенно роскошная секретарша в короткой юбке. Тут прибежали какие-то люди с бумагами, но секретарша на них не обратила внимания. Увидев Степана, она вскочила, бросилась к кофейнику, стала извиняться, что у Михаила Александровича сейчас заканчиваются важные переговоры и он очень просит старого друга не обижаться, а чуть-чуть подождать.

– Есть коньяк. Вы будете? – спрашивала она.

У Степана голова пошла кругом.

Наконец открылась Мишина дверь, и он вышел из кабинета. Он был в пиджаке с золотыми пуговицами, в галстук, в ослепительно сиявших ботинках, за ним шли три каких-то узкоглазых типа. Все они посмеивались.

– Степа! – воскликнул Королев и тут же схватил Степана в охапку. – Знакомьтесь, это мой друг, мой однокурсник, замечательный парень, большой ученый. Его фамилия Горбачев!

– Горбатцов? – изумлялись узкоглазые.

– Степан Сергеевич! Брат президента! Родной дядя перестройки! – пояснял, смеясь, Миша, и было непонятно, шутит он или говорит серьезно.

Во всяком случае, узкоглазые жали Степану руки и кивали головами, как китайские болванчики.

– Слушай, кажется, поверили, – весело сказал Королев, когда они остались в кабинете одни.

Секретарша принесла кофе, коньяк, виски, лимон. Когда она наклонилась над столом, Степан увидел все, что у нее было под юбкой. Миша перехватил его взгляд и подмигнул.

– Звонили из фирмы Инком, – сообщила секретарша. – Завтра сделка.

– Да, я помню... Вот, Степан, завтра я квартиру покупаю!

– Да ты что? В Москве?

– А где еще. Четырехкомнатную, на улице 1905 года. В самом

центре... Знаешь, мне там не понравилось. Шумно, а над полом пыль стоит. На целый метр от пола. Правда, мне сказали, что сейчас за границей придумали такие окна, они называются стеклопа-кеты, так они пыль не пропускают. Но что-то я сомневаюсь. Мы с тобой, слава Богу, технари, нас не обманешь. Не бывает такого, чтобы пыль не пролезла. В общем, зря я, кажется, развелся на это дело.

– А зачем ты покупаешь, если не нравится?

– Да я в этом году Марину забираю из Свердловска. Ей ведь в школу пора.

– Как? Ей уже семь лет?!

– Уже семь, брат! Там, на 1905 года, есть очень хорошая школа... Мама, конечно, расстраивается, но что делать? Учиться лучше в Москве, да и скучаю я сильно. Ой, такая девчонка смешная, болтает без умолку. Рассудительная. Семь лет, а все равно женщина! Как иногда плечом поведет, так думаешь: «Вот сволочь маленькая, кокетничает!»

– А Елена как?

– Да как обычно. Все гундосит, жизнью недовольна. Знаешь, у меня даже есть подозрение, что она потихоньку наркоманит...

– Да ну. Учительница.

– Какая она учительница? Не работает, живет на деньги, которые я ей даю. Так что я и ее кормлю, и ребенка ее, и, видимо, папашу этого ребенка. Еще и теще моей проклятой достается. Вот кому мне жалко, так это ей.

– Ты Елене деньги даешь?

– Пятьсот рублей в месяц!

Степан смотрел на него, вытаращив глаза. Это были какие-то невероятные дела. Этот офис, эта секретарша, да еще четырехкомнатная квартира. И пятьсот рублей в месяц!

– А сколько стоит квартира? – осторожно спросил он.

– Ой, лучше тебе не знать... – Королев улыбнулся. – Пятнадцать тысяч долларов, Степа! Зря я повелся. Мне сказали, я в высотке на Котельнической мог за эти деньги хату купить. А, ладно! Не дороже денег, и школа уж больно хорошая... Как ты-то? Я тобой горжусь, Степан, ты молодец. Я всем говорю: у меня есть друг, он в наше сволочное время занимается наукой! На таких страна держится. Только платят, наверное, мало, да?

Степан внимательно смотрел на него: шутит? Нет, вроде серьезно говорит.

– Мало – это не то слово, – сказал он. – И в общежитии живу... Правда, две комнаты.

– Ну, это пока. Я ведь тоже сейчас в двухкомнатной живу. Снимаю. Ох, завтра буду буржуем настоящим. А прописку не дают, представляешь? Квартиру купить можно, а прописаться в ней – нет. Здорово, да?

– У меня есть... – зачем-то сказал Степан.

– Ну, ты! Ты ведь комсомольский лидер. Не бросил еще коммунистов?

– Нет.

– Думаю, их песенка спета. Они сейчас пачками в капиталисты переходят. Ушлые ребята.

– Да я так не умею.

– Я знаю, Степа. Ты другой.

– Глуповат я для нынешних времен, – растерянно хохотнул Горбачев.

Королев глянул на него чуть удивленно.

– Дело не в уме, – сказал он. – Каждому свое. Ты смотри: надоест наукой заниматься, приходи ко мне. Я тебя всегда возьму, я тебе верю. Мне порядочные люди нужны.

В общем-то, если оценивать этот визит с точки зрения утешения, то цели своей Горбачев добился. Друг, как ни странно, его утешил. Этими своими последними словами о том, что всегда возьмет, если что.

Но главной эмоцией, конечно, было изумление. Он первый раз видел богатого человека. Он слышал, что такие есть, но чтобы встретить лицом к лицу, да еще в лице старого приятеля – такого в его жизни еще не было.

Собственное положение показалось ему особенно убогим. Ему уже тридцать лет, а он живет в общежитии! Зарплата сто пятьдесят рублей, машина совсем сгнила. А человек покупает себе четырехкомнатную квартиру и ненавистной жене платит пенсию. Пятьсот рублей в месяц! Откуда такие деньги?!

Вот ирония судьбы: через два месяца он защитился, а еще через три – получил от государства однокомнатную квартиру в Бутове. Оформился преподавателем, тут подоспело лето, и можно было хорошо заработать на репетиторстве. Если бы не этот визит к Королеву, Степан думал бы, что он хозяин жизни.

Но теперь он знал, как выглядят хозяева. Научная степень больше не радовала: сейчас ее можно было купить за пять минут, а Бутово это чертово находилось так далеко, что и Москвой-то считалось с большой натяжкой. Под окнами шумела кольцевая дорога, и денег, чтобы выписать из-за границы волшебные, не пропускающие пыль и звук стеклопакеты, у него не было.

На новоселье он пригласил Мишу. Тот приехал на «мерседесе», с шофером, охранником и молодой веселой девкой. Он привез Степану в

подарок видеоманитофон «Акай» и телевизор «Панасоник». Все остальные гости – преподаватели института – молчали после этого минут пять: приходили в себя. Поразила их и девка. Высокая, тощая, с длинными белыми волосами, скрученными в невиданные спирали. И в лисьей шубе до пят!

Королев этого изумления словно бы и не заметил. Может, он к нему привык? Он говорил тосты над коньяком, который притащил его охранник. Все они были посвящены науке, ученым, тому, что наша родина – величайшая страна, в ней самые светлые головы и так далее и тому подобное.

Тут снова появился охранник и поставил на стол ящик черешни.

– Откуда? – спросил завкафедрой. – Где в декабре растет черешня?

– На Черемушкинском рынке, – просто ответил охранник.

На новоселье к Степану пришли в основном товарищи по партии. Они, конечно, ничего не говорили, только угрюмо посматривали. Королев, наверное, все понимал. Он вел себя безупречно, ни с кем не спорил, никого не провоцировал. Посидел пару часов и уехал. Сказал, что на переговоры.

– Новые хозяева жизни, – пробормотал завкафедрой, когда захлопнулась дверь.

После новоселья они стали встречаться. Миша приглашал его на свои праздники – и это, конечно, были рестораны, и там даже пели звезды эстрады. Степан зачарованно смотрел на красивую жизнь и так не хотел уходить оттуда.

Почему он не попросился на работу к Королеву?

Наверное потому, что Королев говорил все эти прекрасные слова про науку, ученых, и Степан как бы надел маску подвижника, сросся с нею. Да, он не имеет того, что имеет Королев, но это только потому, что сам не хочет. Он выбрал другой путь и следует ему.

Если бы кто-нибудь знал, как он порой этот путь ненавидит! Он ненавидит собственный гонор, малодушие, свою заячью трусливую душонку!

«Их скоро пересажают, – говорят товарищи по партии. – Немного этим ворам осталось». Но они глупые – товарищи по партии: пересажать-то может и пересажают, но что значит «немного»? И десять лет немного, и семьдесят. Тем временем уже и коммунистическую партию хотят запретить, доигрались, козлы, а Миша Королев теперь живет в загородном особняке в Малаховке, и там у него есть надувной бассейн.

Только спустя много лет Степан понял, что обожал институт. Ему нравилось преподавать, он очень любил своих студентов, а они любили его.

Но он говорил себе: «Ты боишься правды! Ты даже себе не признаешься, что сидишь здесь из-за собственного страха перед жизнью, перед поступками. Ты *делаешь вид*, что любишь такую жизнь».

Тогда в каждой газете и почти в каждой телевизионной программе говорили то же самое: «Лентяи, посмотрите, как хорошо иметь много денег! Вот он, Лазурный берег, вот они, иностранные машины, – только деньги дают счастье!»

Ни разу никто не сказал, что многие вещи дают счастье. Творчество дает, любовь дает, дети... А уж какое огромное, ни с чем не сравнимое счастье дает наука! Но тогда было немодно говорить такое. Степан был уверен, что он неудачник.

Главное событие его жизни случилось летом. Он вышел из магазина, направился к своим «Жигулям», и тут приятный голос окликнул его:

– Вы меня не подвезете? Я подвернула ногу и сломала каблук.

Он обернулся и застыл.

Перед ним стояла молодая девушка. Она была не очень высокой – где-то метр семьдесят. Ее глаза были на уровне его, поэтому он вначале увидел только их. Это были невероятные глаза, просто невероятные! Они были длинные, ярко-зеленые. Брови расходились к вискам, щеки были тугие, стремительно переходящие в скулы. У девушки был очень красивый овал лица – идеальный.

Потом он увидел губы. Они были не накрашены, но, даже ненакрашенные, они были полные и четко очерченные. Девушка слегка улыбнулась, и за губами вспыхнула такая ослепительная белизна, что Степан на секунду зажмурился.

Одета она была очень просто, даже бедно. Обычная трикотажная юбочка и майка на бретельках. На девушке не было бюстгалтера, и ее соски смешно топорщились. Грудь была большой и такой тугой, что захотелось нажать на нее пальцем.

Ниже груди была талия, какой Степан никогда не видел. Даже у молодой Гурченко такой талии не было. Тем более что дальше шла та самая линия перехода в бедра, по которой он и оценивал красоту женщин. Бывают такие несчастные женщины, у которых эта линия прямая. А у девушки она отходила почти на девяносто градусов! Ну, и ноги... Когда он опустил взгляд, то их увидел. Они были абсолютно гладкие, смуглые, длинные, ровные, и на их пальчиках горели ярко-красные огоньки лака.

Самое поразительное произошло дальше. Степан поднял глаза и снова посмотрел девушке в лицо. И сразу же понял, что она ему не нравится.

Но понял он и другое.

Королев умрет от зависти.

Уже через пять минут они ехали в машине, и девушка рассказывала, что приехала в Москву поступать в медицинский, но недобрала баллов, и теперь непонятно, что делать: жить негде, не на что, и не знает ли он, где можно устроиться медсестрой, не имея прописки? И может быть, кто-нибудь сдает комнату задешево?..

Через месяц они сыграли свадьбу.

Прошел уже почти месяц с того момента, как Марина Королева пришла в себя. Ее состояние улучшалось с каждым днем, и правду больше скрывать было нельзя. Девушку надо было подвести к зеркалу.

Ей уже рассказали, что на самом деле произошла не авария, а покушение, что все случилось через месяц после начала учебы в институте. Марине объяснили, что скорее всего это было связано с делами отца. Он был влиятельным и богатым человеком, он занимался нефтью и много еще чем, у таких людей всегда есть враги.

Отец ее очень любил и сделал все возможное, чтобы она поднялась на ноги. Оборудовал клинику, которая до этого была всего лишь центром для диспансеризации сотрудников его фонда, нанимал замечательных врачей, следил за последними достижениями в области медицины, привозил лучшие лекарства.

Она должна была почувствовать, что в прошлой жизни была желанной, любимой, нужной.

Потом осторожно приступили к истории смерти ее отца.

Михаил Королев погиб два года назад при странных обстоятельствах. Следствие склонилось к версии самоубийства, хотя неопровержимых доказательств этой версии все-таки не было.

Королев выбросился из окна. Он выпрыгнул из своей старой, давно им не используемой квартиры на улице 1905 года.

Он не жил там уже много лет, она просто стояла закрытая. Несмотря на импортные стеклопакеты, квартира была полна пыли. Только на подоконнике ее не было. Провели десятки экспертиз, но так и не доказали, что он спрыгнул сам. Тем более не доказали, что его сбросили.

Вроде бы соседи слева слышали довольно громкий разговор, но возможно, это был телевизор или Королев ругался по мобильному.

Последнее время у него было очень плохое настроение. Это заметили окружающие. И если быть откровенным, то с чего ему было веселиться? Единственная дочь третий год лежала в коме, и, говорили, надежды никакой. Отношения с молодой женой были плохие; он собирался разводиться, причем все считали, что развод будет трудным – уж больно ушлая девка. Пять лет назад Королев уже пережил неприятный судебный процесс, затеянный первой женой, Еленой, которая вдруг заявила, что ее имущественные права ущемлены. Что, мол, когда она разводилась с

Михаилом Королевым, то ничего с него не потребовала, а ведь он миллионер.

Этот развод произошел давным-давно, когда Королев не был богатым, но за дело ухватились его конкуренты. Кое-какие акции Михаил приобрел еще будучи женатым на Елене, и теперь их можно было оспорить.

Елена никогда бы не догадалась шантажировать его этими акциями. Она вообще плохо представляла, что это такое. Но, во-первых, ее личность была уже сильно разрушена наркотиками. Во-вторых, за нее вплотную взялись: и даже не столько второй муж (тот тоже был наркоманом и марионеткой), сколько опытные хитрые дяди.

Королев был согласен на серьезные уступки и предлагал Елене мировую, но ее подзуживали, говорили, наверное: «Видишь, как он испугался. Потому что знает: твое дело правое! Не вздумай поддаться. Он хочет откупиться жалким особняком в Марбелле? Дурочка, ты получишь столько, что купишь себе сорок таких особняков!»

Действительно, дурочка. Он сделал ей такое сказочное предложение только от широты души, ну и еще потому, что понимал: процесс обогатит только адвокатов. Хорошо, что на второй год тяжбы, в момент краткосрочного прояснения сознания до нее все-таки дошло, что лучше не упрямитесь.

А ведь Елена была интеллигентной московской женщиной – хоть и наркоманкой, но выпускницей педагогического института. Чего же было ждать от новой королевской жены, этой сногшибательной, просто невероятной по красоте девушки, приехавшей покорять Москву и проявившей такие качества завоевателя, что даже Чингисхан оторопел бы, с ней познакомившись?

Самое интересное, что все это бродило на уровне слухов. Никто так и не узнал, был бы суд или нет – Королев умер. На то, что суд вполне мог быть, указывали косвенные факты, например, завещание. В нем молодой вдове выделялась все та же квартира на 1905 года и больше ничего.

Такое пренебрежительное отношение к женщине, с которой Королев прожил пять лет, многое говорило не о нем, а о ней. Михаил не был жадным человеком. Достаточно сказать, что он каждый месяц платил пенсию первой теще! Та не поехала в Марбеллу, с дочерью-наркоманкой не общалась, и до самой своей смерти жила одна на деньги человека, которому в свое время испортила столько крови. Но вторую жену Королев держал в узде. «Вот она его довела, наверное!» – говорили в фонде о молодой вдове, когда стало известно о завещании.

Была и еще одна – косвенная – причина самоубийства. Еще до

покушения на дочь у Королева были серьезные проблемы с властями. Его пытались привлечь сразу по нескольким статьям – там была и неуплата налогов в особо крупных размерах, и мошенничество с целью завладения чужим имуществом, и даже создание преступной группировки для физического устранения конкурентов.

Суд его оправдал, но Королев выпутался буквально чудом. Тогда и покрупнее олигархов сажали.

После своего поражения государство на время затаилось, а потом приступило к дальнейшим действиям: они уже были не масштабные, зато более подлые, почти незаконные. Это выматывало.

Королев, видимо, всерьез воспринимал угрозу тюрьмы. Из-за неприятностей его состояние таяло буквально на глазах. Он словно и не старался его спасти. Он был погружен в какие-то другие проблемы, ходил отрешенный, не похожий сам на себя. Поэтому версия самоубийства именно в тот момент не показалась его сотрудникам невероятной – хотя еще год назад они бы ее таковой сочли.

Марина Королева все это уже знала. Ей сказали, что ее мать живет в Марбелле, что дозвониться до нее не могут, но ей отправили телеграмму. Если она не придет, не будет ничего удивительного. Их отношения не были теплыми. Кроме того, она наркоманка. С этим надо смириться.

– Насколько я могу судить, вам хватало любви и без нее, – сказал Иван Григорьевич. – Поэтому постарайтесь не расстраиваться. Отец вас обожал, в Свердловске у вас была дивная бабушка – настоящая такая бабуля. Она, правда, умерла, когда вам было одиннадцать лет, но до этого вы просто купались в ее любви. Разумеется, у вашего отца были разные женщины – это неизбежно – но он никогда даже не думал ставить любовь к ним и любовь к вам на чаши весов. Если так можно выразиться, вы были главная женщина его жизни. Это огромное счастье, Марина.

– С отцом все понятно, а вот что с моим лицом? – спросила она тогда.

Он опустил взгляд.

Марина уже трогала свое лицо – оно сильно чесалось. К ней почти каждый день приходила косметолог и делала какие-то маски, примочки, водила какими-то приборами. А лицо все равно было бугристым на ощупь.

– Тот, кто ударил вас по голове, еще плеснул вам в лицо кислотой.

– Зачем?

– Не знаю, Марина.

– Меня ведь хотели убить?

– Думаю, да.

– Зачем тогда кислота?

– Следствие тоже не знает... Впрочем, ваше лицо почти обычное. Бывают лица и похуже.

– Иван Григорьевич, – произнесла она. – Этот факт мне пришлось вытягивать из вас клещами. Неужели вы думали, что после всего, что со мной произошло, меня это сильно огорчит?

– Вы же девушка.

– Я не девушка, Иван Григорьевич. Я особенное существо. У меня нет памяти, меня пытались убить, а мой отец покончил с собой. Такие существа, как я, собственной красотой не озабочены.

– Это вы сейчас так говорите, Марина. Все наладится. Вы станете интересоваться и лицом. И это будет правильно. У вас достаточно денег для того, чтобы сделать эту проблему несущественной. Пригласите меня на свадьбу?

– Обязательно. А теперь принесите мне зеркало.

Оно у него уже стояло наготове за дверью.

Марина ожидала увидеть что-то чудовищное, но увидела просто неприятное, как бы изъеденное оспой лицо. Ужасно в нем было только то, что оно совсем не походило на те фотографии, которые ей уже показали. На снимках было ее лицо до покушения, оно тоже не было красивым, но к нему она уже привыкла.

Здесь все было совсем другое.

– И нос другой, и глаза... – сказала она, не отрывая взгляда от зеркала. Ей было очень неприятно смотреть, но она хотела, чтобы главврач увидел, какой у нее сильный характер.

– Делали операции, – он чуть поморщился.

– У меня еще один вопрос... Вторая жена моего отца. Я так понимаю, что они не успели развестись. Где же она теперь? Живет на улице 1905 года?

– В завещании был один пункт... Понимаете, у вас в тот момент, помимо отца, было трое родственников. Мать, бабушка по линии матери и мачеха. В завещании, которое Королев составил незадолго до своего самоубийства, каждой из них в случае его смерти полагалось некоторое имущество. Оно было небольшим, основной наследницей, разумеется, были вы. Вашим лечением должен был заниматься фонд. Но Королев считал, что необходим контроль со стороны родственников. Больше всего он доверял теще – вашей бабушке. Но она, к сожалению, была очень больна и умерла от инфаркта еще до его самоубийства. После этого было бы логично доверить контроль вашей матери. Но вы уже знаете, что она наркоманка. Правда, Королев попытался решить этот вопрос. Если бы она

уехала из Испании, развелась с мужем и прошла курс лечения в нашей же клинике, то имела бы право принять контроль на себя. За это она получала бы десять тысяч долларов в месяц. Но она не приехала. Оставалась мачеха. Для нее десять тысяч долларов в месяц были очень большими деньгами...

– Она согласилась?

– Да. Она контролировала ваше лечение в течение двух лет.

– Рискованное дело – поручать мачехе лечение падчерицы.

– Нет, не рискованное. Во-первых, она не лечила, а была только для подстраховки. Во-вторых, в случае вашей смерти она ничего бы не унаследовала. Так было составлено завещание. Тот, кто за вами следил, автоматически исключался из списка дальнейших наследников. Он получал десять тысяч долларов в месяц и больше ничего. Королев считал, что это хороший стимул и крепкий крючок. Думаю, что ваша мать отказалась следить за вами еще и поэтому.

– А сколько она получила бы в случае моей смерти? И вообще, кто был в списке моих наследников?

– Не знаю. Вы же не умерли. Кроме того, у меня есть подозрение, что Королев сказал неправду. И его вторая жена тоже бы что-то получила. Он просто хотел держать ее в узде. Для таких, как она, это необходимо.

– Ну и как, расчет оправдался? Она следила за мной хорошо?

– Говорят, что при прежнем главвраче она приходила не реже, чем два раза в неделю.

– Где же она сейчас? Я пока не видела здесь сногшибательных красоток.

Иван Григорьевич молчал, глядя в зеркало, как и Марина. Он видел в зеркале странную маску, покрытую оспинами. Его вдруг пронзила мысль, что глаза, в которые он сейчас смотрит, – какие-то другие, не такие, как у всех. В них нет никаких воспоминаний, ни счастливых, ни стыдных, нет ни одной эмоции, которая была бы старше одного месяца. Есть ли в них в таком случае душа?

– Так где моя мачеха? – спросило лицо в зеркале.

– Она исчезла... – неохотно произнес он. – Пропала полтора месяца назад... Как сквозь землю провалилась.

Уже третий месяц продолжался курортный сезон. Городок был забит туристами. На пляже не протолкнуться.

Несмотря на жару, с моря пришло холодное течение, и вода в районе Марбеллы была не больше восемнадцати градусов. Купаться осмеливались не все.

Вдоль берега тянулась полоса недорогих ресторанов. Там на каждом столе в небольших кувшинчиках стояла обязательная сангрия, в ней плавали ошметки фруктов. Пахло креветками в чесночном соусе. Сытые люди ковыряли зубочистками в зубах и блаженно щурились, глядя в морскую даль...

Чуть в стороне от отелей находились резиденции: многоквартирные дома с бассейнами, садами и охраной. Большинство владельцев здесь были иностранцами. Незадолго до введения евро Испания хорошо воспользовалась всеобщей истерией. Многие граждане захотели тогда пристроить свои неучтенные деньги. Испания начала возводить недвижимость по всему побережью, а воры начали ее скупать.

Об этом все знали: и люди, и полиция, и власти. Но скупка краденого – давняя европейская традиция. Европа никогда ничем не брезговала: брала и алмазные короны свергнутых царей, и золотые коронки сожженных евреев. Взяла и эти деньги: нефтяные, наркотические, оружейные, бюджетные. На них хорошо росли испанские дома. Их хозяев можно будет приструнить когда надо. На смену скупке краденого всегда приходят времена, когда деньги уже не важны. Они надежно зарыты в фундаменты городов и банков, теперь можно поиграть в благородство. Покаяться, заклеить черный нал или зверства фашизма. Делать хорошую мину при плохой игре – еще одно европейское ноу-хау.

Русские тоже покупали недвижимость в Испании. Кто победнее, ехали в Торревьеху – полосу пустыни, находящуюся между морем и соляными озерами. Чтобы покупали активнее, им обещали хорошую жизнь и получение гражданства. Адвокаты, как обычно, обманывали, но эти люди не прогадали: их квартирники и дома потом поднялись в цене.

Более богатые ехали на границу с Францией или в Марбеллу.

Здесь были квартиры на любой вкус. Маленькие и относительно дешевые или огромные, с мраморными полами и трехсотметровыми террасами. В любой квартире была укомплектованная кухня и вид из окна,

о котором в России можно было только мечтать: если не море, то гора, если не апельсины на ветках, то хотя бы глицинии. В большинстве домов был свой бассейн и спортивный зал.

За резиденциями находились виллы. Здесь жили солидные люди, встречались даже голливудские персонажи, но они, как правило, скрывались за заборами и публичности не любили.

Один из таких персонажей – на самом деле, сценарист средней руки – в конце концов не выдержал. Этот запах сводил его с ума! Он уже вызывал чистильщика бассейна, потом сантехника, потом травильщика крыс. Все они признавали, что запах есть и что это может быть загнившая вода, или утечка в канализации, или сдохшая под полом крыса. Но ничего не находили.

Тогда сценарист позвонил в соседний ресторан и спросил, не выбрасывают ли они пищевые отходы за его забор. Там страшно изумились такому предположению.

Сценарист был детективщиком и, видимо, поэтому на четырнадцатый день мучений все-таки догадался предположить самое невероятное, но имеющее непосредственное отношение к его профессии.

Конечно, трудно было вообразить, что здесь, в этой спокойной Испании, в нашпигованной полицейскими Марбелле... Но он позвонил в участок.

Они приехали быстро и тут же стали стучать в ворота соседней виллы. Им никто не ответил. Полицейские знали, что хозяйка дома – русская, у них была также информация, что она наркоманка. Вот уже больше года поступали сведения, что эта женщина пользуется героином, впрочем, нерегулярно. Она считалась психически неустойчивой, и соседи с другой стороны, которые, в отличие от голливудского сценариста, проводили в доме не меньше трех месяцев в году, раньше часто жаловались на скандалы между хозяйкой и ее мужем. У полиции была информация, что этот муж давно уже выехал из Испании в Соединенные Штаты Америки.

Короче, неприятный запах в доме такой неблагонадежной женщины мог иметь любое объяснение, в том числе самое страшное.

- И давно вы это чувствуете? – спросил по-английски полицейский.
- Со дня приезда, – пожаловался жилец. – Не меньше двух недель.
- Другие соседи ничего не говорили?
- У них там забор очень высокий, а у меня ограда низкая...

Решили вскрывать.

Сценарист не ошибся. В доме была мертвая женщина. Он попытался тоже пройти, чтобы все запомнить и потом внести в какой-нибудь

сценарий, но полицейский оттер его плечом.

– Извините, – позже сказал полицейский. – Лучше вам этого не видеть. Я думаю, она умерла очень давно, полтора месяца назад, не меньше. Экспертиза покажет. Ох уж эти русские...

– Мафия? – шепотом уточнил сценарист.

– Скорее всего... Хотя она была наркоманкой. Может быть, слишком большая доза?

– Дом теперь не продашь, – по-испански сказал другой полицейский. – Ну и вонища! Все этим запахом пропиталось.

– Неужели у нее не было родственников?! – воскликнул сценарист. – За полтора месяца никто не хватился!

– Будем выяснять.

– А с чего ты взял, что это хозяйка? – спросил тот полицейский, что говорил только по-испански. – Может, это другой человек? А хозяйка, наоборот, сбежала?

– Будем выяснять...

Степану исполнилось тридцать три года, когда в его квартире поселилось инопланетное существо. Он думал, что видел всякое и что хорошо знает людей, но существо ежедневно демонстрировало ему, что это не так.

Вначале он посмеивался, потом удивлялся, потом стал наблюдать с возрастающим ужасом.

Когда же Степан познакомился с тещей, он понял, что его молодая жена – инопланетянка по происхождению, то есть дочь инопланетянки.

Они составляли список гостей на свадьбу. Тогда выяснилось, что Лолина мать приедет, а отец – нет.

– У меня нет отца, – пояснила Лола, жуя хлеб с маслом и сгущенкой.

– Умер?

– Да бросил нас, скотина.

– Давно?

– Два года назад. Уехал в Москву и не вернулся. С тех пор ни одной весточки.

– Другую здесь нашел?

– Да мы не знаем... Он же не сообщил.

Степан наклонился над списком и уже готов был перевести разговор на другую тему, как Лола вдруг решила дополнить мысль.

– Уехал на заработки, сволочь, и ни слуху ни духу.

– То есть пропал? – Степан поднял голову, посмотрел на нее.

– Ну да.

– Так может, что-то случилось?

– Что случилось? – удивилась она.

– Как это что? – он отложил ручку в сторону. – Попал под машину, напали в темном переулке, ограбили, убили. Вы его искали?

– Его? Искали? Да ты что! – Она выпучила глаза и pokrutila у виска пальцем, измазанным сгущенкой. – Чего его искать, сволочь такую? Смылся, и скатертью дорожка!

Он все-таки решил, что не знает деталей и судить не может, а на свадьбе подсел к теще и повыспрашивал. Оказалось, действительно он не знал деталей! Знал бы – чокнулся прямо в собственной кухне.

Лолин отец был хорошим непьющим мужчиной, несколько лет назад он начал ездить в Москву на заработки. Тогда почти весь их маленький

украинский городок ошивался в Подмосковье, строил дома. Это была денежная, но опасная работа. Строителей обманывали хозяева, их избивали милиционеры и бандиты; то один, то другой возвращался на родину с травмами черепа или переломами конечностей. Один раз избивали и Лолиного отца. Но выбирать не приходилось – два года назад он поехал снова. И пропал.

На этом его история закончилась. Жена и дочь почему-то решили, что этот человек их бросил.

– Миленький ты мой! – проникновенно признавалась Степану теща. – Видишь, бывает? Ни разу за всю жизнь на другую бабу не посмотрел, а на старости лет сбежал! Охмурила его какая-нибудь блядь московская.

У Степана голова кругом шла.

Вначале он завелся и стал что-то объяснять, промелькнула даже мысль обратиться в милицию, найти следы этого несчастного, но он притормозил. Если Лолин отец погиб, то дело не в его смерти. Дело в отношении жены и дочери ко всей этой истории.

Возможно также, что этот хохол действительно нашел себе бабу, и тогда поспешные выводы сделал сам Степан, но он не успел обдумать эту мысль всерьез: жизнь предоставила другие поводы поизумляться.

Его Лола была похожа на птичку божью. У нее всегда было хорошее настроение, она непрерывно напевала и пританцовывала. Не было ничего, что могло бы вывести ее из себя. Ему это даже нравилось – сам он был нелегкий, грустный и философски настроенный человек. Он готов был любоваться ее легкостью, он даже считал такой оптимизм высшим служением Богу.

– Все хорошо в медицинской профессии, – сказала она как-то, – только вот я больных ненавижу.

Он расхохотался.

– Да-да, – Лола тоже улыбнулась и поцеловала его в щеку. – У меня даже бабка моя... когда болела, я к ней ни разу не подошла, так противно было...

Его смех застрял в горле.

– Она мне говорит: «Лоличка, я ведь тебя вырастила, выкормила, а ты мне воды не можешь поднести», а я ей говорю: «Бабуль, ну чего ты? Ты же знаешь, я не могу». Она плакала. Ну, у нее уже мозги такие от болезни были – она все время плакала. Парализованная...

Он набрал воздуха в рот, постоял так немножко, потом шумно выдохнул.

– А если я заболею?

– Ой, да глянь! Чего тебе болеть? И потом, надо зарабатывать, Степа, чтобы были деньги на сиделок. Сейчас есть такие крутые платные дома для инвалидов. Ну, для богатых. Вот бы мне туда устроиться. Там и платят хорошо и можно охмурить какого-нибудь старичка, он квартиру отпишет. А ему потом в вену – бульк! Какую-нибудь отраву...

Лола улыбалась, и он решил, что она шутит. Он до сих пор думал, что она тогда шутила. Бывают такие люди, они просто много болтают. Может, у каждого из нас бывают эти мысли – про старичка и его вену. Ну, просто мысли, фантазии! «А вот было бы хорошо, если бы...» Это же ничего не значит. И лишь немногие простодушные говорят об этом вслух.

Его жена была простодушной. Она уже устроилась работать лаборанткой в мединститут и рассказывала ему об отношениях с коллегами и студентами. Она никогда не интриговала, не говорила того, чего на самом деле не думала. Лола была абсолютно искренним человеком.

– Я тебе изменять не хочу! – заявила она. – Я, конечно, могу целоваться с разными парнями, но изменять – нет.

– А ты можешь и не целоваться? – спросил он.

– Это ведь не измена, – пояснила она.

– Да, но все-таки.

– Ой, да глянь!

С это секунды он был уверен, что она будет. И не только целоваться.

Степан был человеком, верящим в справедливость мироустройства. Он был убежден, что в начале каждой проблемы находится чья-то ошибка. У него нет денег, потому что он ничего не сделал, чтобы изменить свое положение, потому что он трус. У него такая жена, потому что он женился на ней из-за ее внешности. Женился, чтобы что-то доказать Королеву. То есть все справедливо.

Такие мысли успокаивали.

Самое забавное, что в тот год Королев ее не увидел. Когда у Степана была свадьба, Миша отсиживался где-то за границей: на него было совершено два покушения подряд.

Они встретились только через полтора года.

Друг приехал угрюмый и недовольный, видно было, что его проблемы продолжаются. В подарок он привез им билеты на самолет и устное приглашение пожить на его вилле в Марбелле. Он галантно поцеловал Лоле руку, а его охранник вручил ей огромный букет белых роз.

Степан жадно наблюдал за Мишиной реакцией. Он хорошо знал друга и видел, что тот действительно удивлен и скрывает, что удивлен. Значит, его удивление – наивысшее.

Лола в тот день поразила и самого Степана. Она была необычно задумчивой, молчаливой, даже ее южный акцент куда-то исчез. Выслушав рассказ обо всех прелестях виллы, она вдруг выронила из рук стакан с минеральной водой. Вода облила ее с ног до головы, особенно много пришлось на грудь. Соски испуганно вытаращились на Королеву. Миша опустил глаза.

К этому моменту Степан уже любил свою жену. Он вдруг стал понимать ее и прощать. Она была простой и наивной, много наговаривала на себя, но на реальную подлость была не способна. В ней кипела страстная жажда жизни, он очень завидовал этому качеству. У него самого такой жажды не было.

В определенном смысле Лола была даже не глупа. Она довольно точно оценивала саму себя и не преувеличивала собственных достоинств. Она знала, что очень красива и очень хочет жить богато. Судьба снабдила ее лишь этими двумя качествами, и бороться за место под солнцем следует, рассчитывая только на них. Надо сказать, что она выжимала из этих своих качеств по максимуму.

Впоследствии оказалось: он любит ее настолько, что может простить измену. Он застукал ее на работе, вечером – она лежала на столе, а сверху пыхтел какой-то парень. Степан осторожно закрыл дверь и на цыпочках вышел из темного корпуса.

Что ж, разве он не был к этому внутренне готов?

На следующий день он приехал в институт, чтобы угадать этого парня, узнать его по одной заднице, вычислить среди белых халатов, кому эта задница могла бы принадлежать.

Вычислялось запросто. Лола стояла с ним у стены и разговаривала, наклонив голову и глядя исподлобья так, что сразу стало понятно: вчерашняя задница принадлежит ему.

Это был студент-пятикурсник, очень красивый: высокий, широкоплечий, он весело смотрел и часто смеялся, открывая белоснежные зубы. В такого нельзя было не влюбиться.

Правда, он жил в общежитии.

Несколько дней Степан ходил, как оглушенный, даже не чувствовал вкусов и запахов. Никогда он не думал, что это может случиться с ним: вся эта анекдотичная история с голой задницей и задранными к потолку ногами жены.

Через неделю он решил попроситься к Королеву на работу.

– Ох, как ты не вовремя, – вздохнул Королев. – Тут на меня такие наезды со всех сторон. И Елена в суд подала, представляешь? Хочет акции

отсудить...

Они сидели в новом офисе на Петровке. Он занимал целый старинный особняк, здесь даже сохранились роспись потолка и лепнина. На здании была табличка, что дом охраняется государством.

– Да как же она может? – поразился Степан.

– Это ее надоумили, сама бы она не догадалась. Она неплохая баба, в сущности... Ну, насколько баба вообще может быть неплохой.

Степан опустил взгляд.

– Это конкуренты. Почувствовали мою слабость, суки... Степа, я тебя возьму с удовольствием, но не сейчас. Сейчас это просто опасно. Если с тобой что-то случится, я себе не прощу, тем более что ты молодожен. Где ты сорвал такой цветок, кстати? Хохлушка, наверное?

Оказывается, ее спрятанный акцент не обманул Королева.

– На улице познакомились, – сказал Степан.

– Учится? Работает?

– Работает лаборанткой в мединституте. Хочет в этом году поступать.

Королев хмыкнул.

– Не думаю, что поступит. Впрочем, если только за деньги... Но ты ведь вряд ли сможешь заплатить.

Эти слова очень обидели Степана. Раньше друг никогда не унижал его. Кроме того, его расстроил отказ – он так долго готовился к этому решению, что думал: с небес зазвучат фанфары, когда он его примет. Оказалось, его геройство было не геройством, а жертва прошла незамеченной.

– Приезжайте ко мне в гости на шашлыки, – предложил Королев. – Я купил новый дом на Рублевке.

Это проклятая голая задница заставила Степана принять предложение! Он впервые испугался, что может потерять такую красивую жену, понял, что ей надо как-то соответствовать, что не он ее осчастливил, а может быть, она его.

– Поедем в воскресенье к Мишке, – небрежно сообщил он вечером. – Он меня давно уговаривает перейти к нему на работу. Видимо, опять будет уговаривать...

Вечером в воскресенье, когда они уже вернулись из Жуковки, Лола спросила его, как прошли переговоры о работе.

– Сейчас это опасно, – сказал он.

– Если трустить, денег не заработаешь.

– Хочешь остаться молодой вдовой?

– Да нет. Молодой вдовой хорошо остаться, если денег много. А с тебя что наследовать? Однокомнатную квартиру на кольцевой дороге?

– То есть, ты не желаешь мне смерти только потому, что я небогатый? Был бы богатый, ты бы мне сделала укол в вену? Бульк!

– Зачем, Степа? Вон твой Миша – сколько уже лет содержит и жену и тещу! Если быть щедрым, никто твоей смерти не захочет.

– А если не быть щедрым? – Он даже встал с дивана, настолько разозлился. – Если с вами быть скупым, значит, можно убить? Значит, отсутствие у человека щедрости – это уже приговор этому человеку?!

– Что ты раскипятился? Разве жадный мужик – это мужик?

– Да мужики разные бывают, дура ты колхозная! – заорал он. – Или ты считаешь, что главная цель любого мужика – это соответствовать твоим представлениям? Разных любят, но тебе этого не понять! Тебе и мамаше твоей – этому монстру хохляцкому! Вы вон в Бога верите, чуть что – в церковь бежите, а ты хоть знаешь, какую клятву дают, когда венчаются? Быть вместе в бедности и богатстве, в здоровье и болезни! А ты больных ненавидишь! Да ты урод, ты знаешь об этом?

Они уже ругались раньше, но кричал всегда только он. И оскорблял только он. Лола лишь моргала и плакала. Она не любила скандалов ни в каком виде.

Сейчас его жена однако не заплакала, а лишь прищурилась.

– Я урод? – спросила она. – Да ты сам-то себя в зеркало видел? А мужик без денег не урод? Сейчас только дурак не наклонится и не подберет то, что под ногами валяется.

– Вот и наклонись!

– Вот и наклонюсь.

– Раком встанешь? – Он аж побелел от ненависти, перед его глазами все плясала эта голая задница.

– Как надо, так и встану.

Они даже не успели съездить в Марбелу. За два дня до вылета к нему в институт приехал Королев и долго мялся, смущался, потом начал что-то рассказывать – Степан не слушал, он все понял. В голове его было мутно и летали мухи.

– Степа, ты прости, – говорил Миша. – Я сам не пойму, как получилось... Если я начну говорить, что она буквально... Нет, не надо... Это так недостойно, Степа, что мне делать? У меня точно крыша поехала от всех моих проблем, я сам себя не узнаю, я стал настоящей сволочью, иногда хочется выбросить деньги к чертовой матери. Если бы ты знал, как я иногда тебе завидую!

– Уходи, – сказал Степан. – Я не хочу тебя видеть. Ты мне больше не друг.

Лола же не упустила возможности сообщить свои взгляды на мир.

– Михаил не трус, он настоящий мужик! – декларировала она, собирая вещи. – А красивыми женщинами должны обладать только настоящие мужчины. Это естественный отбор. Слабые должны вырождаться и умирать, а сильные должны становиться красивыми. Красота женщины – это как приз.

Степан лежал на диване и молчал, глядя в потолок.

Потом ему кто-то рассказал, что Лола приехала к Королеву в офис со своим чемоданчиком и сообщила, что муж ее выгнал. Королев вначале поселил ее на съемной квартире, а потом она, как лиса, перебралась в его избушку на Рублевке. Еще через пару месяцев она призналась, что ждет ребенка, и он с ней зарегистрировался. С ребенком произошло недоразумение: все по этому поводу смеялись и сочувствовали Мише.

Степану тогда было не до смеха. Он непрерывно пил и был уверен, что умрет от травмы, несовместимой с жизнью – от растоптанного мужского достоинства, – но излечение оказалось простым и почти забавным. Проезжая мимо медицинского института, он вдруг увидел за трансформаторной будкой свою бывшую жену и этого – хозяина задницы. Они целовались.

Лола уже не работала, значит, теперь она приезжала сюда ради своего красавчика, и значит, Степан Королеву отомстил.

– Теперь это твои проблемы, Миша! – прошептал он. – Не мои.

Невысокий сухощавый мужчина лет шестидесяти положил на стол сразу несколько папок с бумагами и ручку. Все папки были из состаренной кожи, а ручка – «Монблан». Уже по этим предметам стало понятно, что вошедший в кабинет адвокат – дорогой. Впрочем, из фонда дешевого бы не прислали.

Фамилия адвоката была Крючков. Он был известен как хороший и вьедливый юрист, по фонду даже ходила шутка, что его следует переименовать в Крючкотворова. Он эту шутку слышал и в принципе гордился, что его любовь к порядку нашла признание. Крючков и сейчас перекладывал папки, следуя какому-то внутреннему сценарию. Наконец бумаги легли идеально ровно, и адвокат достал из-за стула портфель из точно такой же кожи, тщательно сложил в него папки, а ручку засунул в правый нагрудный карман пиджака. Мимоходом он проверил телефон – не было ли звонков, пока он был у Марины.

– Ох, и тяжелый разговор! – пожаловался адвокат. – Я впервые в такой странной ситуации. Как врачи справляются? Непонятно.

– Справляются, – сказал Иван Григорьевич. – И почему тяжелый-то, я не понял?

– Я имею в виду морально. Как представишь, что человек пять лет провел в коме, а теперь ничего не помнит, так плохо становится. Кроме того, я любил Михаила Александровича и знал, с каким исступлением он мечтал о ее выздоровлении. Если бы вы знали, как он мечтал! Но он был уверен, что эти мечты бесплодные.

– После разговора с Иртеньевым?

– Этот разговор был не при мне. Меня он пригласил позже. Марина тогда была в коме года три. Она уже лежала здесь, и главврачом был другой человек.

– Сергеев.

– Да, Сергеев. Молодой, но, говорили, очень опытный... Вы ведь с ним так и не познакомились? Чрезвычайно видный мужчина.

– Вы сказали: лежала в коме года три. Значит, Королев пригласил вас незадолго до собственной смерти?

– Именно. Я работал в одном из филиалов, в Санкт-Петербурге, и хорошо себя зарекомендовал.

– А разве ваш предшественник зарекомендовал себя плохо? Ведь он,

кажется, спас Королева от тюрьмы?

– Вы имеете в виду выигранный процесс? Перестаньте! Вы же знаете, что дело развалили за деньги. На подкуп судей и следователей пошли совершенно невообразимые суммы.

– Об этом писали в газетах, но я не верил, – пошутил Турчанинов.

– И зря, – так же шутливо произнес адвокат. – Юристов у Королева была целая армия, но не она выиграла дело. Деньги выиграли. Впрочем, так все делают.

– Но не у всех получается.

– Вы имеете в виду Ходорковского? Он слишком публичный человек, власть пошла на принцип. Королев по сравнению с ним мелкая сошка, ему в этом смысле было проще. Наша власть, а она у нас по своим физиологическим характеристикам Медуза Горгона, не повернулась и не посмотрела в его сторону. Это его и спасло.

– А вы поверили в его самоубийство? Вы ведь были близки ему в тот год.

– Откровенно говоря, я поверил. Во-первых, у него была мания преследования...

Адвокат задумался на секунду. Его лицо выглядело осунувшимся и усталым. Он приехал после рабочего дня, а разговор с Мариной вышел долгим. Правда, разговаривали они очень спокойно. Иван Григорьевич несколько раз проходил по коридору и за дверью слышал только монотонное гудение мужской речи. Иногда Марина что-то коротко вставляла.

– Да, мания преследования, – повторил Крючков. – Ведь даже то, что он убрал всех своих адвокатов и выписал меня – плохой признак. Почему он им не доверял? Они были с ним во время судебного процесса и знали о нем такое, что и маме родной не расскажешь. Кроме того, у него были плохие отношения с женой.

– С Лолой?

– Да, с красоткой Лолой. Ну и имя... Я не понимаю, как он вообще мог жениться на этой дамочке. Влюбиться – да. Но жениться!

– Ему не везло с женами.

– За все надо платить, уважаемый. А за деньги, как это ни парадоксально звучит, мы платим двойную цену. По спекулятивному курсу.

– А что значит «плохие отношения с женой»?

– Он как-то сказал, что она может его убить. Можете себе представить? Про первую жену он такого не говорил, хотя она и затеяла против него этот дурацкий раздел имущества, попортивший ему немало

крови.

– Сказал, что она может его убить? Прямо так и сказал?

– Прямо так и сказал. А потом сказал еще более прямо: «Или я ее убью». Вот так! Не больше и не меньше. Настоящее семейное счастье.

– Богатые тоже плачут?

– Плачут, Иван Григорьевич. Еще плачут... Но если откровенно, Королева судьба была сильно. Даже несправедливо сильно, как мне кажется. Несколько покушений на него самого, покушение на дочь, обе жены – какие-то выродки, потом преследования властей.

– Он давал прямые указания убивать конкурентов.

– Суд с этим не согласился.

– Я цитирую по газетам. Вы ведь сказали, что не все в них вранье.

– Я ошибался. – Адвокат улыбнулся краем губ. – Вы имеете в виду, что родственники убитых конкурентов ему должны были мстить?

– Нет, я имею в виду другое.

– Божье наказание?

– И не это. Если ты играешь по таким правилам, то чего ждать? Если вышел на боксерский поединок, будь готов к боксерскому поединку, а не к шахматной партии. Боксер, считающий, что его избил сама судьба, выглядит глупо. Его избил не судьба, его всегда будут бить, пока он на ринге.

– Надеюсь, вы Марине своих мыслей не излагали?

– Да, пора поговорить о Марине. Я ей ничего не излагал, Владимир Викторович. Но вы должны понимать одну вещь... Не знаю, проявился ли ее характер во время сегодняшнего разговора...

– Проявился, – перебил адвокат. – И для меня это один из главных сюрпризов дня. Я ведь ее не знал раньше, но Михаил Александрович мне о ней рассказывал. Он говорил: «Домашняя девочка, очень тихая, ранимая и послушная. Не знает жизни». Последнее его расстраивало больше всего. Он как-то спросил: «Если бы она очнулась, а я в это время уже умер, то как бы она со всем этим справилась? Она ведь не приспособленная: всю сознательную жизнь провела под моим крылом. Она еще ребенок». Знаете, он так устал, что жизнью не дорожил. Он только боялся, что она очнется, а его рядом не будет... Но я продолжу свою мысль о сегодняшнем разговоре. Мне не показалось, что я разговариваю с домашней девочкой и ранимым ребенком. Нет, не показалось.

– И мне не показалось.

– А вам почему?

– Неделю назад она потребовала принести все газеты о судебном

процессе над отцом. Я, конечно, запретил приносить. Рано еще газеты читать.

– И правильно. Он этого боялся больше всего! Он мне однажды сказал, отбросив одну из этих газет в сторону: «Представляете, если обо мне останется только такая информация? Если спустя много-много лет меня смогут оценить лишь по газетным статьям? Ведь все решат, что я был монстром, и со мной случится та же история, что с графом Дракулой. Судя по всему, он был просто строгий хозяйственник. Жестокий, но тогда многие сажали своих крестьян на кол. А смотрите, какая у него плохая репутация! И все из-за писак. Хорошо хоть на Страшном суде учитываются разные источники». Вот как он думал!

– У него была мания величия, это я вам как врач говорю... – (Крючков рассмеялся). – Хотя, Владимир Викторович, она их все равно когда-нибудь прочитает.

– Даже не сомневаюсь, – все еще улыбаясь, сказал адвокат. – У девочки сильный характер. Она меня даже не спросила, что я думаю о процессе.

– А что ее интересовало?

– Ну, я пришел, чтобы проинформировать ее об имуществе, которым она на сегодняшний день располагает. Это имущество не такое уж большое. Разумеется, у нее есть хорошая квартира, есть машина, дача. Еще на ее имя положена некая сумма в банк. Но сумма, откровенно говоря, не огромная.

– А где все остальное?

– Разошлось... Многое было утрачено еще во время процесса, потом Маринино содержание влетело в копеечку. Думаю, что все воровали, Иван Григорьевич.

– А фонд, его имущество?

– Оно Марине не принадлежит.

– Так по завещанию?

– Да.

– Ну и ну. Я был уверен, что она унаследовала миллионы.

– Все были уверены... Впрочем, она и унаследовала миллионы. Квартира, загородный дом и сумма в банке – это как раз пара миллионов. Но все думали, что будет в разы больше.

– А как вы считаете, Лола Королева тоже думала, что будет в разы больше?

– Эта не думала – эта была уверена. Сам Королев ей об этом неоднократно рассказывал. Зачем – другой вопрос. Он ей говорил прямо: «Моя дочь – принцесса, а ты, Лола, лимитчица. Дешевкой родилась,

дешевкой умрешь. Поэтому моя дочь, когда очнется, унаследует целый мир, а ты получишь фигу с маслом». Думаю, что некрасиво так говорить. Правда, он говорил это во время ссор.

– Тем не менее, она старательно исполняла его волю после его смерти.

– То есть контролировала Маринино лечение? Ладно вам! Вы же знаете: клиника работает как машина. Что здесь контролировать? И потом, десять тысяч долларов в месяц – это неплохая зарплата. Вот вы – человек, который по-настоящему не отходит от нее. Вы получаете такую зарплату?

Иван Григорьевич даже улыбнулся: слова были излишними.

– Так что из Лолы не получится сделать героическую вдову.

– А где она сейчас?

– Понятия не имею.

– Вы не знаете, она получила деньги за последний месяц?

– Знаю. Она их не получила.

– Вам это не кажется странным? Десять тысяч – немалая сумма.

Адвокат остро глянул на него. Потом покачал головой.

– Вы были с ней знакомы? – спросил он.

– Я пришел сюда лишь месяц назад. Я ее не застал.

– Были бы знакомы, не спрашивали бы. Эта девушка не собиралась хоронить себя в образе вдовы. Все эти два года она искала богатого мужчину. Она его начала искать еще до самоубийства Королева, и он это знал. Михаил Александрович отдавал себе отчет в том, что его проблемы жене не нужны. Он сказал так: «Если в этом мире в чем-то можно быть уверенным, так это в том, что Лола не будет носить мне передачи в тюрьму».

– Но она два года подряд приходила в эту клинику чуть ли не через день.

– Ну, во-первых, у нее была личная причина. Во-вторых, принцы ловятся не так быстро. Ей нужны были деньги, и она выполняла условия завещания. Чтобы найти нового хозяина, она должна была шикарно одеваться, ходить по модным ресторанам, ездить на дорогие курорты. Она снимала небольшую дачу на Рублевке, оплачивала членство в самом, как это сейчас говорят, пафосном спортивном клубе. Там такие девушки часто ловят принцев. Они даже платят администраторам, чтобы те им звонили, когда в спортивный зал придет определенный человек. Это настоящая охота, Иван Григорьевич. Я нередко составляю брачные контракты для таких пар, я насмотрелся. С учетом Лолиной красоты эта охота должна была завершиться успешно.

– Вы считаете, что месяц назад она успешно завершилась?

– Думаю, да.

– Мне говорили, что квартира на 1905 года опять стоит закрытая. Она ее бросила?

– Почему бы нет? И квартира и десять тысяч – для нее не куш. По своим внешним данным она может претендовать на яхту или на самолет. Вполне возможно, сейчас Лола живет в каком-нибудь красивом доме на мысе Антиб.

Иван Григорьевич задумался: но не о Королевых – о сигаретах. Ему опять хотелось курить, хотя уже и не так мучительно. На днях он понял, что у него получится избавиться от этой привычки: он сильный.

– И как Марина отреагировала на завещание отца? – спросил он.

Адвокат пожал плечами.

– Я и не ожидал каких-то особых реакций. У Марины сейчас есть потрясения посильней. Она выслушала мою информацию спокойно. Она обеспечена, ей не надо думать о куске хлеба. Чего еще желать? Только выздоровления... А правда, что вы собираетесь ее выписывать?

– Она очень настаивает, и у Иртеньевых нет медицинских показаний ее удерживать. Разумеется, лечение будет продолжено... Кроме того, память может вернуться как раз на воле. Здесь ей не за что цепляться. Белый потолок, белые стены, что здесь вспомнишь? Ничего. Надо выходить в мир.

– Ох, Иван Григорьевич, – адвокат вздохнул. – Так вот иногда подумаешь: а стоит ли мир того, чтобы в него выходить? Белый потолок, белые стены – какая это роскошь по нынешним временам! Мир катится ко всем чертям, вот что я вам скажу. Я мечтал бы проспять эти теракты в Америке, взрывы домов и, главное, Беслан – детей под пулями. Сейчас вот вспоминаю – и мурашки по коже. Какое счастье не увидеть этих ужасов в прямом эфире! Нет, я бы тоже кое-что забыл, Иван Григорьевич. Некоторые вещи памяти не заслуживают, вам не кажется?

Она была готова ко всему: к испугу, тошноте, головокружению, даже внезапному возврату памяти, но она не ожидала, что жизнь за пределами клиники покажется ей такой ослепительной. Словно кто-то завертел перед глазами огромный калейдоскоп, и его стекляшки стали падать, взлетать, перестраиваться...

Марина уже гуляла по парку и привыкла к его ярким цветам. Но как только машина миновала ворота, все стало другим.

Высокая – до небес – почти тропическая растительность медленно плыла за стеклами автомобиля. Вблизи она казалась неопрятной, грязно-зеленой, умирающей, но дальше, за кустарником, ветвилась, расходилась во все стороны и зловеще темнела в глубине.

– Страшный какой парк, – тихо сказала Марина.

– Вот черт! – воскликнул водитель. – Ну и коряга!

На секунду ей показалось, что он обзывает ее саму: она повернула голову, посмотрела вперед. Поперек дороги лежал ствол дерева.

– Пойдем оттащим в сторону, – сказал водитель охраннику. Они вышли, Марина снова посмотрела на деревья.

Дорога была отделена от леса неглубоким рвом, на дне которого, наверное, стояла вода. Оттуда тянулись жилистые болотные травы, прикрытые сверху гигантскими зонтами борщевика. Дальше шли кусты с подгнившими из-за влаги верхушками, еще дальше начинался осинник.

Ей показалось, что в осиннике кто-то стоит. Марина прищурилась, глядя в сторону.

Действительно: там, где начинались деревья, темнело двухголовое пятно.

Ей было видно сквозь стекло, что за кустами неподвижно стоят два человека, они тесно прижались друг к другу, они обнимаются.

Марина вдруг почувствовала странное волнение, голова сильно закружилась, она автоматически схватилась за ручку двери – дверь открылась.

Охранник и водитель, матерясь, толкали упавший ствол.

Марина вышла из машины и двинулась к обочине дороги.

Охранник повернул голову, хотел что-то сказать, но водитель произнес вполголоса: «В туалет хочет, наверное». Она услышала его слова сквозь гудение в собственной голове. Эти обычные слова больно прошили ее

изнутри и вышли наружу.

Но внутри остался какой-то шепот. Теперь он пузырился совсем другими словами, она не могла разобрать, какими, она только как-то понимала, что неразгаданные фразы, теснящиеся в голове, имеют отношение к обнимающимся людям. И даже неразгаданные, они ужасны.

Марину сильно тошнило, она успела подумать, что вышла очень вовремя – ее сейчас вырвет. Она наклонилась над канавой, схватившись за какой-то стебель. Он немедленно порезал ей ладонь.

Марина поднесла руку к глазам. Почему-то вид собственной крови привел ее в себя. Она вытерла ладонь о джинсы. Ей было очень страшно смотреть вперед – туда, где стояла парочка.

Но она подняла глаза.

Отсюда стало видно, что она ошиблась. Это были не влюбленные, а всего лишь несколько мертвых стволов. Без листьев, совсем трухлявые, они не смогли упасть, как тот, что перегородил дорогу, – их держали живые соседи. Издалека они действительно напоминали двух обнимающихся людей.

– Поехали, Марина Михайловна! – крикнул водитель.

– Как вы? – тревожно спросил охранник, подходя к ней вплотную. – Порезались? Это же болотная трава, она знаете какая острая! Сейчас обработаем зеленкой, в машине есть аптечка.

– Все нормально. – Марина оперлась на его руку, и они вернулись на дорогу.

Когда выехали из парка, она стала периодически закрывать глаза. Она понимала, что если уж однородный зеленый цвет Лосинового острова произвел на нее такое впечатление, то от вечерней Москвы можно потерять сознание.

Сумерки густели, зажигалась реклама.

Окна машины были плотно закрыты, тихо играла музыка. Но город проникал все равно.

Марина то закрывала, то открывала глаза.

... Сияющие на полнеба буквы казино – и темнота.

... В соседней машине блондинка разговаривает по мобильному – и темнота.

... Огромный дом, похожий на сталинскую высотку, но еще не достроенный – и темнота...

Игра была забавная, и Марина немного успокоилась.

«Что это? – размышляла она. – Это и есть возвращение памяти? Если это будет так, я сойду с ума. Мне показалось, я вижу целующуюся пару на

фоне леса – ну и что? Почему моя голова чуть не лопнула? Так и должны возвращаться воспоминания или это *страшное* воспоминание? Но разве может быть страшным воспоминание о двух целующихся людях? В крайнем случае оно может быть грустным. Я уже вспоминала какую-то больницу с ободранными коридорами, но тогда моя голова не гудела... Чтобы не умереть от разрыва сердца, надо вначале *узнать*, что я должна вспомнить, и только потом *вспомнить*».

... Две горящие вишенки, над ними целый каскад света – и темнота.

... В витрине голые манекены, они обвиты лентами, на которых написано «распродажа» – и темнота...

– Приехали! – сказал водитель.

– Я здесь жила? – спросила Марина, оглядываясь.

Дом из желтого кирпича, во всех окнах одинаковые коричневые стеклопакеты, будка охраны, за стеклянной дверью – холл, отделанный мрамором и уставленный фикусами.

– Нет, не жили, – охранник стоял у багажника, доставал сумки с продуктами. – Это совсем новый дом. Его начали строить три года назад. Тогда же ваш отец внес деньги за квартиру.

– Зачем? Он ведь жил за городом.

– Для вас. А когда здесь заканчивался ремонт... Ну, в общем, Михаил Александрович умер. Мебель уже закупили без него.

– Значит, эта мебель ничего о нем не скажет, – почти шепотом произнесла она.

Квартира была двухкомнатная, просторная. Пока охранник раскладывал продукты, Марина ходила по комнатам, трогала новые вещи. Потом вышла на балкон, постояла, глядя на огни. Сейчас ей было хорошо – как-то необычайно легко. Давно она не чувствовала такой легкости.

– Через час придет женщина. Помощница по хозяйству.

– Зачем? Не надо.

– Как не надо? – Охранник покачал головой. – Она будет готовить.

– Пусть завтра приходит. Оставьте мне ее телефон, я сама вызову. Я хочу остаться одна.

– А разве вы помните, как готовить?

– Даже если не помню, я выведу рецепт варки яиц логическим путем, – немного раздраженно сказала Марина. – Вы их много купили?

– Три десятка.

– Этого хватит, чтобы определить, сколько времени нужно варить яйцо.

– А вы правда это забыли?

– Две минуты после того, как закипит. Правильно?

– Чтобы всмятку – да... А что, так бывает: про яйца помните, а про себя – нет?

– Значит, бывает.

– А это можно как-то определить, ну... по анализам?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вот вы говорите, что это помните, а то не помните. А как проверить?

– Что проверить? Говорю ли я правду?

– Ну да.

– Никак этого не проверишь. – Она внимательно посмотрела на него. «Дурак? Или прикидывается?» – А что, я могу врать, что ли?

– Да нет, я просто спросил. – Охранник совсем смутился. – Удивляюсь просто, что в этой области никто ничего не знает. Наука бессильна, получается... Мне в холле лечь? Я купил надувную кровать.

– А вы собираетесь остаться здесь?

– Конечно.

– Нет, – твердо сказала она. – Вы здесь не останетесь.

– Без охраны нельзя.

– Глупости. Я здесь останусь одна. Это даже не обсуждается.

– Марина Михайловна, вы, наверное, не понимаете...

– Я все понимаю. Пять лет назад на меня совершили покушение. Два года назад, возможно, убили моего отца. История закончена. Его бизнес больше не существует. Кто-то своего добился, его можно поздравить. Надеюсь, у него были веские причины ненавидеть нас. А я уже не в этом кругу, я из него вышла... Уходите, я устала.

– Вы не все знаете, Марина Михайловна. История не закончена. Вам пока не хотели рассказывать, но раз уж вы считаете, что опасность больше не угрожает... Короче, пришла информация от испанской полиции. На вилле вашей матери найден труп женщины. Она умерла около месяца назад от укола героина...

– Кто она? – У Марины вдруг пересохло в горле. Она присела на подлокотник кресла, приложила руку к виску. – Почему мне об этом не сказали сразу?

– Полиция нашла труп только недавно, и нельзя было с ходу определить, кто эта женщина. Провели экспертизу по зубам. Оказалось, это ваша мать, она уже несколько лет наблюдалась у местного стоматолога. Да, это точно она. В принципе, ваша мать могла сама не рассчитать дозу, но там обнаружили еще кое-что. Последняя газета, которая была в доме,

датирована двадцать восьмым апреля. Еще был заказан обед из соседнего ресторана. Тоже двадцать восьмого. Двадцать седьмого апреля ей последний раз доставили молочные продукты – на них стояли печати с датой выпуска. А вот тридцатого привезли питьевую воду, но она не открыла, и ее телефон не отвечал. Это странно, так как в доме уже не было воды, а ту, что течет из-под крана, местные жители не пьют. В общем, скорее всего, ваша мать умерла двадцать восьмого или двадцать девятого апреля. Двадцать восьмого вечером у нее были гости. Этому есть свидетели. Гости были из России – они разговаривали по-русски. Сейчас проверяются рейсы за те дни. В общем, это могло быть подстроено.

– А что, у нее редко бывали гости?

– Русские вообще не бывали. Никто. Ее второй муж давно живет в США. Он не выезжал оттуда последние семь месяцев, это абсолютно точно. Ваша мать общалась только с испанцами – работниками сферы услуг, так скажем. Шприц от героина лежал в комнате рядом с трупом. На нем есть отпечаток ее пальца, но это не тот палец, вот что интересно.

– Как это не тот?

– Это палец той руки, в которую был сделан укол. Вы можете себе представить, как это осуществить? Проще укусить локоть. Других отпечатков на шприце нет, зато есть следы особой пыли, которую оставляют резиновые изделия, например, одноразовые перчатки. Короче, они склоняются к тому, что вашей матери был сделан укол. И этот человек был в перчатках. Он же потом оставил ее отпечаток на шприце, но перепутал руку.

– Подождите, – сказала Марина. – Она не сопротивлялась?

– Нет. В доме нашли еще кокаин, так что в момент укола она могла быть под кайфом. Но даже под кайфом она вряд ли позволила бы чужому человеку тыкать себе шприцем в вену. Тем более что вены у нее были неплохие – можно сказать, что она пока не увлекалась героином настолько, чтобы забыть обо всем ради дозы.

– А может, это был продавец героина? Или какой-нибудь любовник-наркоман? Когда понял, что она умерла, испугался и инсценировал самоубийство.

– Он его инсценировал уже в момент укола. Он был в перчатках. Не обманывайте себя, Марина Михайловна. Вашу мать убил какой-то близкий знакомый. И на вас покушался знакомый, ведь вы смело вышли на задний двор дискотеки. История не закончена.

– Не понимаю... – тихо сказала она. – Его цель извести целый род? Но моя мать не относилась к семье Королевых. Никак! Она была, скорее,

врагом. Уж логичнее было убить меня, пока я лежала в коме... Может, ее муж нанял кого-то, чтобы завладеть этим домом? Разве трудно найти в Америке русского бандита?

– Он не унаследовал дом. Дом унаследовали вы. Он, собственно, вам и принадлежал – ваша мать оформила дарственную много лет назад. Ее адвокат вчера связался с Крючковым. Если бы не ваше железное алиби, вы – лучшая кандидатура для полиции... – Охранник покраснел, произнес эти слова. Видимо, понял, что его шутка неуместна. Она хотела сказать ему об этом, но тут зазвонил телефон.

Марина привсталала с подлокотника, потянулась к столику, подняла трубку – охранник смотрел на нее задумчиво и огорченно.

– Да, – сказала она.

– Думаешь, ты в безопасности? – прошипел ей в ухо странный голос: то ли мужской, то ли женский.

– Вы кто? Вы куда звоните?

– Я тебе звоню! Думаешь, денежки тебя защитят? Я все равно узнаю правду! Я убью тебя!

Уже потом она поняла, что голос был очень тихий. Когда этот человек бросил трубку, первый же гудок так ударил в ухо, что Марина покачнулась – стены закружились вокруг нее, окно надвинулось, откуда-то сверху прыгнул охранник, потом все опрокинулось, потемнело...

Через час – после отъезда «скорой» – она уже спала. Ей снились отец с фотографии и мать с фотографии. Два незнакомых ей человека смотрели друг на друга и улыбались. Она спала и понимала во сне, что они встретились на том свете – что это их первая встреча, и на этой своей первой встрече они вспоминают первую встречу на земле... И вот уже волшебным образом, доступным только спящим, она видит и ту первую встречу. Симпатичная стройная девушка смотрит в глаза симпатичному стройному парню. Они едут в автобусе: он сидит, а она стоит. Он сразу же встает, чтобы уступить ей место, и улыбается...

Они оба очень хорошие, но над ними уже хмурится небо перемен.

Впрочем, никто не знает, что могут вспомнить о себе люди, увидевшие друг друга после смерти, – и что вообще могут вспомнить о себе люди...

Список, который секретарша положила на стол Ивану Григорьевичу, оказался неожиданно длинным. А ведь он был готов и к тому, что списка вообще не будет. Ну, может, только старик-садовник случайно забрел в коридор отдельного корпуса, а охранник его пропустил.

Строго говоря, злоумышленник, подбросивший старую газету, мог проникнуть в кабинет главврача и через окно. Иван Григорьевич только сейчас понял, что нужно было просмотреть камеры с будок охраны, – чем черт не шутит, могло что-то остаться. Сейчас-то поздно. Пленки затираются почти каждый день.

Правда, увидь он на записи человека, залезающего к нему в окно, как бы он воспользовался этой информацией? Ну, пусть даже он узнал бы этого человека. И что?

Бумага, которую принесла секретарша, сделала ненужными записи с камер. Там и без камер было немало фамилий.

Секретарша внесла весь персонал, за исключением старика-садовника и четырех будочных охранников – они в Маринино крыло никогда не заходят. Но Иван Григорьевич не стал бы их исключать: они могли влезть в окно. Эти люди появились одновременно с ним, более того, всех охранников, включая пятого, вооруженного, Иван Григорьевич нанимал лично, по рекомендациям знакомых. Старик-садовник – тоже его человек. Им всем не очень интересна информация в газете. Но, в принципе, они имели возможность подбросить газету.

Марина очнулась пятнадцатого мая, газету он обнаружил двадцать третьего. Между двумя событиями – самая обычная неделя. И только один день не был похож на другие – двадцать второе мая. В этот день в клинике побывало сразу несколько посторонних, и все они могли зайти в кабинет главного врача.

– Да у меня тут проходной двор! – воскликнул Иван Григорьевич. – Вы что, с ума сошли, что ли?!

– Ну, деньги же у вас не хранятся, наркотиков тоже нет. При Сергееве у охранника даже пистолета не было.

– А ты откуда знаешь?

– Так я же бумаги на оформление в лицензионно-разрешительный отдел возила, помните? До нас у клиники не было разрешения на оружие.

Иван Григорьевич находился в очень странной ситуации. До любого

самого мелкого факта приходилось добираться не прямым путем – а окольным. Не узнавать, а догадываться. То, что было в клинике до него, словно ухнуло в какую-то пропасть.

Два дня назад он не выдержал и поехал к этому Сергееву домой.

Думал, что встреча будет странной, – а она оказалась еще более странной, чем он предполагал.

Бывший главврач фондовской клиники жил в самом центре Москвы – в новом монолитном доме с охраной. Дом был небольшим – семь этажей, один подъезд – но и такой, он еле втиснулся в свободный пяточок между старинными особняками. Пока Иван Григорьевич ставил машину (приехал на своей, а не на «мерседесе»), он успел оглядеть и двор, и особнячки эти, и консьержа на входе. Было ясно, что квартира в таком доме должна стоить кучу денег.

Главврач Сергеев появился в клинике сразу после покушения на Марину. Он был врач молодой, но талантливый: закончил медицинский институт лишь несколько лет назад, а уже имел прекрасные рекомендации. Правда, Иртеньеву он показался бездарным троечником, но угодить Иртеньеву трудно. По характеру этот профессор – явный брюзга.

Место главврача в клинике фонда считалось не слишком блажным. Зарплаты там были немаленькие, но не огромные: Ивану Григорьевичу назначили тысячу двести долларов. Столько зарабатывают средние служащие в фармацевтических компаниях. Откуда ж тогда деньги на такую квартиру?

Иван Григорьевич ехал в зеркальном лифте, шел по чистым коридорам с ковровыми дорожками, а сам размышлял, в том числе и об этом.

Турчанинов знал, что в фонде и в клинике сильно воруют. Адвокат Крючков выразился об этом совсем прямо: мол, не просто воруют, а разворовали гигантское состояние. Наверное, сам Королев был в этом виноват. Он не завещал имущество фонда дочери, не назначил управляющих этим имуществом – он все пустил на самотек. Может, ему было все равно, потому что он не верил в выздоровление Марины? Скорее всего, не верил. Иначе бы не покончил с собой. Турчанинов был убежден, что Королева никто не убивал.

Главврач остановился перед дверью и удивленно покачал головой. Дверь была огромная, деревянная, полированная, в самом ее центре торчала медная львиная голова с кольцом в носу. Голова была для красоты – справа от двери имелся и обычный звонок. Заметил Иван Григорьевич и огонек сигнализации, и крохотную камеру, вмонтированную слева. Зачем такие предосторожности? Ведь подъезд охраняется.

Дверь распахнулась, как только он позвонил.

Он посмотрел на открывшего и буквально онемел.

Перед ним стоял довольно молодой, очень ухоженный и чрезвычайно красивый парень. У него были длинные светлые волосы, убранные назад, в хвост. Молодой человек был в шелковом халате, под халатом угадывались немаленькие мускулы. Лицо парня было загорелым настолько, что его голубые глаза светились каким-то лунным нереальным светом.

– Сергеев? – на всякий случай спросил Турчанинов. – Андрей?

– Турчанинов? – в тон ему ответил парень. – Иван?

– Ну, знаете, – злясь на собственную растерянность, произнес Иван Григорьевич, – вам надо этим быть... Тарзаном. В стриптизе выступать.

– Девочки говорили: гинекологом. – Сергеев отступил в сторону, пропуская Турчанинова в прихожую. – Большие деньги загребал бы, много клиентуры имел...

– Но ведь и так грех жаловаться...

– И так грех жаловаться, – согласился. – Вы обувь не снимайте.

– Жалко по такому паркету в обуви ходить.

– Все равно не снимайте.

– Неужели это ваша квартира?

– Откуда у меня такие деньги? Я врач, а не олигарх.

– Снимаете?

– Да вы что? Здесь сдают за десять тысяч долларов в месяц.

– И кто-то снимает?

– Полдома. За стеной, например, газпромовец снимает. Улавливаете иронию? Национальным достоянием торгует, народной собственностью... Я не снимаю. Мне одна поклонница ключи оставила, она уехала за границу на год. Богатая вдовушка, ей эти десять тысяч погоды не делают, а мне понравиться хочет.

– Цинично звучит, – Турчанинов сел в кресло, оглядываясь. Комната была большой и красивой. Шелковые диваны, мебель с золотыми завитушками, наборный паркет, плазменный экран на полстены.

– Винца не выпьете? – Сергеев подошел к одному из шкафчиков, открыл его, достал бутылку и штопор.

– Я за рулем, вообще-то... А ладно, давайте.

– Теперь что касается цинизма. Такие бабы в последнее время появились, – Сергеев очень быстро открыл бутылку. («Хирург, – подумал Турчанинов. – Руки хорошие».) – И откуда они только взялись? Ведут себя, как настоящие мужики. Покупают любые удовольствия и не стесняются. От денег крыша у всех одинаково едет, вне зависимости от пола. По одной

схеме разворачиваются...

– А раньше разве не так было? Вы, наверное, и десять лет назад производили впечатление.

– На меня и раньше вешались. Но все равно бабы другие были. Поскромнее, что ли. И не так деньгами своими в морду тыкали.

Турчанинов пил вино и наблюдал за бывшим главврачом. Что-то в его поведении ему не нравилось. Ему казалось, что парень стесняется или боится. А чего ему бояться?

И еще он совершенно не смотрел Турчанинову в глаза. Бегал взглядом по столику, бокалам, рукам Ивана Григорьевича, но выше взгляд не поднимал.

«Может, такая привычка?» – подумал Турчанинов. Но такая привычка не согласовывалась со всем остальным. Сергеев сразу произвел впечатление сильного человека.

– Эх, – сказал Иван Григорьевич, – а я уж грешным делом подумал, что и сам на такую квартиру заработаю!

– Помечтайте. Мечтать не вредно.

– Андрей... Можно я вас по имени буду звать? – Сергеев равнодушно кивнул. – Спасибо, что согласились уделить мне немного времени. Я вот чего пришел. Вы, может, слышали, что Королева очнулась?

– Слышал. Я сам чуть в кому не впал от этой новости.

– Не ожидали?

– Совсем не ожидал. Да никто не ожидал!

– Иртеньев мне говорил, что вы ее отца обнадеживали.

– У меня другое отношение к человеку, не такое, как у Иртеньева. У Королева был один свет в окне – надежда на ее выздоровление. Я считал так: пусть верит. Главное – продержаться несколько лет.

– Кому продержаться?

– Да ему, Королеву. За несколько лет он должен был привыкнуть. Может, ребенка бы другого родил или еще что-то хорошее случилось. Короче, ее смерть лет через пять его бы не так ударила. Деньги Королева не сильно заботили – он мог себе позволить поддерживать Марину в таком состоянии. А время лечит, я в этом убежден.

«Ну и ты был при деле», – мысленно закончил Турчанинов.

В этот момент Сергеев наконец взглянул ему в глаза и словно бы догадался, о чем Иван Григорьевич думал: бывший главврач чуть-чуть нахмурился.

– Я видел, что он надеется, и не хотел лишать его этой надежды, – добавил Сергеев.

– Все-таки он покончил с собой.

– Между прочим, два года назад я наконец признался ему, что шансов почти не осталось. Через месяц после разговора он покончил с собой. Я теперь думаю: может, это цена правды? Не сказал бы, он бы еще жил. У него, конечно, были другие неприятности, но что-то же стало последней каплей.

– А зачем вы сказали?

– На вас не угодишь... Подумал: имею ли право лгать? Сейчас врачей призывают говорить правду, и мы в трудном положении – мы же не боги, правда наша субъективная. Скорее, я перестал лгать, потому что думал, он это теперь вынесет. Раньше мне казалось: покушение на дочь – худшее, что с ним могло случиться. Оказалось, у судьбы еще много сюрпризов. Она его била и била. Я не мог этого ожидать. Мне всегда казалось, что судьба справедлива.

– Странная точка зрения для врача. Сергеев снова поднял глаза, и в глубине его взгляда мелькнула злая усмешка.

– Так вы зачем пришли-то? – спросил он. – Проконсультироваться? Но я слышал, вы великий специалист в этом деле.

– Я специалист в нейрохирургии. А у Марины теперь амнезия, это не по моему ведомству.

– Амнезия? – Сергеев приподнял левую бровь. – Ничего не помнит?

– Ничего из прошлого.

– Бывает же...

– Слушайте, Андрей, я надеюсь, вы на меня не в обиде? Вас заменили не по моей воле.

– Если вы пришли объясняться по этому поводу, то зря трудились, – с неожиданной злобой перебил Сергеев. – Я вас и не думал винить. И я не держался за эту работу. Не так уж там хорошо платили.

– Я пришел объясняться по другому поводу, – тоже рассердился Турчанинов. – За две недели до ухода вы начали увольнять сотрудников клиники. Вы уволили абсолютно всех! Не пожалели даже повариху и садовника. Я пришел узнать, почему.

– Ах вот оно что... Ну что ж, я скажу. Я стал подозревать, что Марину собираются убить.

– Что? – Турчанинов ожидал чего угодно, но не этого. – Убить? Но кто и зачем?

– Я этого сказать не могу. Вам не могу.

– Почему?

– Зачем вы разыгрываете из себя идиота?

– Я?!

– Вы вообще понимаете, что происходит? Два месяца назад я получил некую информацию о том, что Королеву убьют. Но только я начал предпринимать действия для ее защиты, как фонд меня уволил. Заменял вами. Да, может, вы и есть их человек?

– Кого – их?

– Тех, кто ее планирует убить. А вы мне предлагаете рассказать, почему я заподозрил и что узнал. Вам я это расскажу в последнюю очередь.

– Но ведь Марину не убили! Она, наоборот, очнулась.

– Она очнулась. Но разве это защита для нее? Уж скорее наоборот: она была под защитой в клинике.

– Значит, вы всех увольняли потому, что боялись за ее жизнь?

– Значит, поэтому.

– Но почему всех?

– Информация продолжала поступать. Вначале я уволил самых подозрительных, но потом пришлось и всех остальных. Потому что ничего не менялось.

Турчанинов помолчал, раздумывая.

– А зачем ее убивать, Андрей? – спросил он.

– Мало ли зачем. Из-за денег.

– Каких денег?

– Да вот вам, пожалуйста, хорошая кандидатура – фонд! Они воруют как перед концом света! Зачем им, чтобы она очнулась?

– Ну, во-первых, никто не ожидал, что она очнется. Вы сами не ожидали. Во-вторых, имущество фонда ей не принадлежит.

– А кому оно принадлежит, интересно?

– Фонду.

– Так по завещанию?

– Да. И в фонде, разумеется, это знали.

– Вот оно как... – Турчанинову показалось, что Сергеев обескуражен этой информацией. – Ну и что? Денежные интересы могут быть и у других людей.

– Каких?

– Мне-то откуда знать? Пусть милиция разбирается... Или вот хороший мотивчик – месть. Или она могла что-то знать.

– Что знать?

– Вы хотите, чтобы меня тоже стукнули по башке? Я понятия не имею что!

– А почему вы забрали все ее бумаги за последние годы?

– Что за глупости? Какие бумаги? Я забрал только несколько выписок, но это на тот случай, если после меня ее пришьют, а меня захотят обвинить в плохом лечении.

– Но в клинике не осталось никаких результатов наблюдений за последние годы. Вообще ничего!

– Ну, во-первых, если что-то пропало после меня, я не виноват, – отпив вина (или спрятав взгляд за бокалом), произнес Сергеев. – Во-вторых, бумаг вообще было мало, это я вам откровенно говорю. Мы там не на диссертацию факты собирали. Все шло по накатанной колее. Это никому не было нужно.

– Выписки у вас?

– У меня.

– Здесь?

– Нет, в швейцарском банке! Я вам их не дам. Повторяю: это моя страховка. Что бы вы ни говорили, но эти, в фонде, непростые ребята. Я не хочу неприятностей, репутация для врача очень важна.

– Вы общались с ее матерью?

– Она приезжала один или два раза. Она живет в Испании.

– Как она вам показалась?

– Наркоманка. Но неплохая баба. Добрая, слабая. Королев ее затюкал своим благородством. Еще у нее был противный муж, он вечно заставлял ее тянуть с Королева деньги. Самой ей не нужно было. Нелепая баба какая-то. Мне ее было жалко.

– Я думал: хищница.

– Вы ее путаете со второй женой. Вот та – хищница.

– Вы ее тоже знали?

– Ну разумеется. Она постоянно ошивалась в больнице. И до смерти Королева, и после.

– Любила падчерицу?

– Нет, деньги зарабатывала. Ей Королев положил десять тысяч в месяц. Я бы за такую зарплату круглосуточно лежал на коврике у Марининой кровати.

– И что за хищница? – улыбаясь, спросил Турчанинов. – Львица, тигрица?

– Кошка.

– Не страшный зверь...

– А она не страшная. Примитивная, как три рубля. Ей нужно молоко и больше ничего. Дай ей молоко – она будет сыто урчать и лежать в уголке, никого не трогать. Даже мышей ловить не будет.

– Вы имеете в виду не молоко, а деньги?
– Нет, я имею в виду молоко! – съязвил Сергеев. – Конечно, деньги.
– А ее вы не подозревали? – негромко спросил Турчанинов. – В том, что это она собирается убить Марину?

Возникла пауза, в квартире стало тихо. Только было слышно, что в спальне работает телевизор.

– Лолу? – переспросил Сергеев. – С чего вы взяли?

– Между прочим, она тоже исчезла больше месяца назад. Ну, когда вы всех увольняли. Я и подумал, что, может, вы ей сказали о своих подозрениях, и она сбежала от греха подальше.

– Я ей ничего не говорил. И ее не подозревал. Материальной заинтересованности у нее не было. Она, наоборот, все теряла в случае Марининой смерти.

– Вы и другие причины называли. Мечь?

– Да ну. Это не в ее характере. Она кошка, я же сказал. Не гиена, не рысь...

– Марина что-то знала.

– О Лоле? – Сергеев тихонько засмеялся. – Все знали, Иван. Все Лолины секреты были написаны у нее на лбу.

– Но она же исчезла. Причем до того, как очнулась Марина. Даже деньги за последний месяц не получила.

– Да нашла кого-то. Она давно собиралась выйти замуж. Она мне месяца два назад хвасталась, что, кажется, подцепила на крючок нефтяную шишку.

– У вас были такие доверительные отношения?

Сергеев еле заметно поморщился.

– Да она такая была: что на уме, то на языке. Бесхитростная. Думаю, она всем это рассказывала.

– Почему же она не забрала деньги?

– Ну, может, шишка такая щедрая. Открыла ей нефтяной краник, оттуда столько полилось, что она обо всем забыла. Правда, я не очень верю в таких щедрых шишек, но всякое бывает.

– А вы ей нравились? Турчанинову показалось, что бывший главврач вопросу не удивился. Возможно, даже ждал его.

– Нет.

– Почему?

– А ей красавцы не нравятся. Ей богатые нравятся. Я для нее нищий и, значит, низший сорт.

– А она вам нравилась?

– Вы интересный нейрохирург, – сказал Сергеев. – Своеобразный такой...

«...Да, – мысленно согласился Турчанинов, разглядывая список. – Это я маху дал. Расспрашивал его, как настоящий следователь... Мог ли Сергеев притащить сюда эту газету?»

В списке на 22 мая фамилия Сергеева была первой. Он приходил в клинику забрать вещи. Они лежали в шкафу у секретарши, но она в этот момент обедала. Так что Сергеев мог беспрепятственно зайти в кабинет главврача.

За Сергеевым шли Иртеньевы. Они находились в кабинете в его присутствии, но разве можно поручиться, что он не выходил из кабинета первым? Сколько нужно времени, чтобы швырнуть газету под столик с факсом? Ровно столько, сколько могло потребоваться Ивану Григорьевичу, чтобы шагнуть из кабинета спиной к Иртеньеву.

За Иртеньевыми – некий Степан Горбачев.

«Это старый друг Михаила Александровича, – подписала секретарша. – Он услышал по телевизору, что она очнулась, и решил ее навестить. Он был записан к вам на прием на 22 мая, пришел вовремя, но охрана в будке подумала, что вы уехали, – вашу машину тогда отправили за Иртеньевыми. Горбачеву предложили пройти до охранника на входе в крыло. Там он узнал, что вы в клинике, но заняты и никого не принимаете. Он сразу же вернулся. В принципе, он в крыло не входил».

«Но мог залезть в окно», – закончил Турчанинов и два раза подчеркнул эту фамилию.

Действительно, человек по фамилии Горбачев звонил ему на следующий день после того, как информация о Марине всплыла на телевидении в программе «Скандалы недели». Кстати, сам этот факт был возмутительным, и Иван Григорьевич даже провел небольшое внутреннее расследование. Оказалось, сообщить эту новость журналистам мог кто угодно из медперсонала – и врачи и сестры были уверены, что в этом нет ничего предосудительного. Увидев его реакцию, они, конечно, перепугались и признаваться ни в чем не стали. Он тоже не стал давить – сам виноват, надо было их предупредить заранее.

Итак, друг Королева. Услышал новость по телевизору, позвонил, приехал на встречу, но охранник на входе в крыло не пустил его. Иван Григорьевич об этом друге вообще забыл, тем более что в тот день приехали Иртеньевы.

– Лена! – позвал Турчанинов секретаршу. – А что, он разговаривал только с охранником? Почему он не объяснил ему, что я назначил встречу?

Почему ушел-то?

– Я не знаю, Иван Григорьевич! – крикнула она из своей комнаты. – Он ведь не настаивал. Откуда охраннику знать? Он и мне ничего не сказал.

В этот момент зазвонил рабочий телефон. Турчанинов поднял трубку. Это оказался Сергеев.

– Хорошо, что вы позвонили, Андрей. Вы были в клинике двадцать второго мая...

– Я забирал свои медицинские справочники.

– Да, я знаю. Я хотел у вас спросить: секретарша была в приемной?

– Нет, кажется, она обедала.

– А вы заходили в мой кабинет?

– За кого вы меня принимаете? Я не хожу по чужим кабинетам.

– Не обижайтесь, я спрашиваю без задней мысли. Вы не заметили ничего подозрительного?

– Я ничего не заметил.

– А кого вы видели из обслуживающего персонала?

– Клиника казалась совсем пустой. Охранник сказал мне, что вы в лаборатории, а все остальные, кажется, пошли встречать кого-то к главному входу. Что пропало? Что-то ценное?

– Да нет, дело не в этом. У меня еще вопрос. Вы, может, знали друга Королева по фамилии Горбачев?

– Нет, такого я не знал.

– Его зовут Степан.

– Я бы не забыл такую фамилию. Я его точно не знал.

– А вам не встретился в клинике мужчина без белого халата, на вид посторонний?

– Ну, для меня все сотрудники на тот момент были посторонними. Например, охранники в будке. Они были не те, кого я нанял полтора месяца назад.

– Да, я их заменил.

– Я встретил только садовника с ножницами и каким-то ведром. Его я тоже не нанимал.

– Я нанял.

– Ну вот видите. Еще был охранник на входе в крыло – тоже мне не знакомый. Я показал ему свой пропуск. Он знал, что в комнате секретарши остаются мои вещи. Он меня пропустил... Я собственно, звоню по делу. – Бывший главврач чертыхнулся куда-то в сторону. – Мне сегодня позвонила Лола.

– Лола? Маринина мачеха?

– Ну да. Все, как я и думал. Нашла себе мужика. Она сейчас в Испании. Довольна жизнью, щебечет. Она, кстати, на днях звонила в клинику. Ей стало понятно, что весь персонал новый, а я больше не работаю. Она очень встревожилась и позвонила мне домой. Можете себе представить, я первый рассказал ей, что Марина очнулась! Она там чуть в обморок не грохнулась!

– А зачем она звонила?

– Хотела узнать, нельзя ли получить деньги за последний месяц. Я посоветовал ей звонить адвокату в фонд. Правильно? И еще посоветовал связаться с вами.

– Спасибо, – задумчиво произнес Турчанинов.

«Никто в клинику не звонил, мне бы обязательно сказали... Эта история нравится мне все меньше и меньше».

Он достал мобильный и нажал на нем цифру «3».

– У меня к тебе куча просьб, – сказал он, когда ему ответили. – Проверь, пожалуйста, звонили ли бывшему главврачу Сергееву из Испании. Меня интересуют последние два дня. Проверь мобильный и домашний. Запиши номера. Дальше: выезжала ли из России в Испанию Лилия Максимовна Королева, это мачеха Марины Королевой. Узнай, с кем она уехала. Проверь также, вернулась ли она обратно.

– Ни фига себе, – добродушно сказал человек. – Это все?

– Нет, не все. Мне нужны материалы о расследовании убийства в Марбелле Елены Королевой. Поищи какие-нибудь концы. Может, в представительстве Интерпола помогут?

– Может, мне еще выяснить, где скрывается Усама бен Ладен?

– Это ценная информация, – согласился Иван Григорьевич. – Но меня она не интересует. Каждый должен заниматься своим делом.

– А ты своим делом занимаешься? – возмутился человек. – И как тебе не стыдно, Иван!

– До свидания! – холодно сказал Турчанинов и дал отбой.

Марина Королева пролежала в кровати целый день. Чувствовала она себя неплохо, и врачи обычной городской «скорой» даже высказали охраннику неудовольствие, мол, он вызвал их по пустяковому поводу. И пятьсот рублей их не смягчили.

– Вы зачем им дали деньги? – зло спросила Марина, когда врачи ушли.

– Так положено.

– Положено давать за что-то. А за хамство не положено!

«В папочку пошла», – подумал охранник, глядя на нее исподлобья. Всех богатых он считал жлобами. Были бы у него деньги – он бы не жадничал.

Зато врачиха из клиники, вызванная на следующее утро, долго кудахтала над Мариной, делала какие-то уколы, уговаривала вернуться.

– Это обычный обморок, – устало спорила Марина.

– У вас все необычное, Мариночка! Вы очень рано выписались, к чему это гусарство? Разве вам у нас было плохо? Вы нас прямо обижаете, честное слово!

Охранник в это время шкворчал чем-то на кухне.

Оказалось, яйцами с колбасой.

– Я пойду в аптеку, – буркнул он, налив Марине кофе. – Никому не открывайте. Вы все-таки скажете, кто вам вчера звонил?

– Ошиблись номером.

– А почему вы в обморок грохнулись?

– Надышалась на балконе. Или много впечатлений с непривычки. Слушайте, вас бы в мою ситуацию, вы бы из обмороков не вылезали.

Он пожал плечами. Через минуту хлопнула входная дверь.

В кармане халата у нее уже лежала записная книжка и ручка. Она их достала, положила рядом с чашкой, задумалась.

«История какая-то странная. Мне угрожают... «Думаешь, денежки тебя защитят? – спросил он. – Я все равно узнаю правду!» Какую правду? Это был он или она? И угрожает ли мне опасность на самом деле?»

Она открыла записную книжку и написала на первой странице большими буквами: **ОПАСНОСТЬ**.

Когда Марина увидела это слово, написанное собственным почерком, она поняла, что опасность ей действительно угрожает. До этой нехитрой мысли мог додуматься даже человек с поврежденной, как у нее, башкой.

Пять лет назад ее чуть не убили – и тогда ее тоже охраняли. Тем не менее, злоумышленники сумели выманить ее на задний двор дискотеки.

«Ты как считаешь: ты доверчивая?» – спросила она себя.

«Думаю, что нет, – ответила сама себе. – Но ты доверчиво пошла в темноту!»

Выяснить все подробности покушения на меня, – написала она под словом ОПАСНОСТЬ.

Да, этим делом очень тщательно занимались. Можно быть уверенным, что отец не жалел ни средств, ни сил. Следователи были старательными. Но ведь она не следователь! Она участник той истории.

И значит, у нее есть фора.

Эта фора зарыта в ее голове – глубоко, где-нибудь под первой буквой или первой лягушкой, за теоремой Пифагора или над знанием нот – она лежит там в запыленной стопке и никуда не исчезла. Удар по голове просто уронил миллионы папок, перемешал их, перепутал, и они теперь лежат неправильно, не на своих местах. Но они лежат! Марина уже знала: без веры в это она жить не сможет.

Два года назад ее отец покончил с собой. Возможно, его убили. Возможно, это другая история, не имеющая никакого отношения к покушению на нее. Но очень вероятно и то, что это та же самая история.

Выяснить все подробности самоубийства отца, – написала она следующим пунктом.

Месяц назад кто-то убил ее мать. Пришел к ней под видом друга, принес шприц с героином, сделал укол в вену... Зачем? Какая выгода от убийства безобидной наркоманки? Дом? Но дом принадлежит ей, Марине.

Выяснить все подробности убийства матери.

Теперь этот звонок. Незвестный обещает убить ее. С какой целью? Говорят, все преступления совершаются из-за денег. Он хочет унаследовать ее имущество, включая этот чертов дом? Это немаленький куш, но, во-первых, незачем предупреждать ее об убийстве, а во-вторых, есть одна заковыка. Она спросила у адвоката Крючкова: «Кто мой наследник? Если бы я умерла, кто бы получил эту квартиру, и загородный дом, и машину, и счет в банке?» «Ваша мать, – сказал ей Крючков. – Но это в том случае, если бы вы умерли, не приходя в сознание. То есть она получила бы все по завещанию Михаила Александровича. Теперь другая история. Вы пришли в себя, и если теперь с вами, тьфу-тьфу-тьфу, что-нибудь случится, то все унаследует ваша мать или тот человек, которого вы назначите своим наследником. Вы можете написать завещание прямо сейчас. Люди обычно не любят писать завещаний – это свидетельство нашей российской дикости.

Лично я уверен: после всего, что случилось, вы проживете сто лет! За себя, за отца и, как говорится, за того парня...»

«Не хочу пока забивать голову, – сказала она тогда. – Пусть мать наследует, если я вдруг окочурюсь».

Они еще не знали, что мать убита.

Что ж, такой путь к наследству прямым не назовешь. Она бы не пошла по нему. Но этот человек непонятного пола, хрипящий в трубку угрозы, может быть ненормальным.

«Смешно! – улыбнулась она. – Девка с изуродованным лицом и отсутствующей памятью еще имеет наглость считать кого-то ненормальным!»

Убийство матери казалось ей необъяснимым. Королев развелся с ней двадцать лет назад, она уже десять лет находилась в другом браке! Если цель убившего отомстить, то кому он мстит этим убийством? Дочери? Но разве кто-то вправе ожидать от Марины слез по этой бросившей ее женщине?

Если его цель сделать Марину еще более беззащитной, то разве мать была ей защитой?

Что же остается? Предположим, ее мать была чему-то свидетелем...

Хлопнула дверь, охранник застучал ботинками в коридоре.

– Три аптеки обежал, нигде не было... – Он зашел на кухню, глянул искоса на записную книжку. – Вы бы не напрягались, Марина Михайловна.

– А моя мать давно была в России? – спросила Марина.

– Полтора года назад. На сорок дней Михаила Александровича приезжала.

– А у меня была?

– Была, но ее не пустили. Она обычно так рыдала, что боялись, она вас как-нибудь повредит. Ну, там, упадет к вам на грудь, или еще чего.

– Рыдала?

– У нее с нервами было плохо, – неохотно пояснил он.

– Я думала, она была равнодушной.

– Нет, она переживала, но Михаил Александрович не любил видеть ее слез. Он говорил: «Что ты играешь вселенскую скорбь? Кто тебе поверит, что ты ее любишь?»

– Он имел право. Она меня бросила.

– Марина Михайловна... Можно я скажу свое мнение?

– Не можно, а нужно.

– Она, конечно, отдала вас, но не от хорошей жизни.

– Да ладно! А как в войну детей растили? Как сейчас миллионы

матерей выкручиваются, имея зарплату в три тысячи рублей?

– Нет, я ее не оправдываю, но и вы не думайте, что она какой-то монстр. Я давно у Михаила Александровича работаю, как-то с ней разговаривался. Она мне сказала: «Ей же лучше у него. Он ее любит. А я еще и вылечиться никак не могу. Ну, потребую ее назад, но разве он отдаст? Разве его в суде победишь?» Ей еще не повезло со вторым мужем – он к наркотикам пристрастился, а потом и ее втянул. У них ведь ребенок с церебральным параличом родился. Куда вас было забирать в такие условия?

– А где сейчас этот ребенок?

– Да он недолго прожил. Тяжелый случай был. Она после этого и стала употреблять...

– Невеселая у нее жизнь была.

– Очень невеселая, Марина Михайловна! Она слабый человек.

– Если бы не отец, она бы раньше погибла. Охранник поджигал губы.

– Вы что-то хотели сказать?

– Я уважал Михаила Александровича...

– Но что-то хотели сказать?

– Только правду.

– Так говорите.

– Да я вот думаю: нужно ли?

– Я восстанавливаю свою память, вы это понимаете?

– Да не было этого в вашей памяти!

– Я чего-то не знала?

– Знали, но относились к этому по-другому. Смотрели на все глазами отца... Понимаете, внешне так выглядит, что Михаил Александрович – благодетель. Он и деньги давал, и дом этот подарил. Но у него был непростой характер. Он ее постоянно унижал.

– Ничего себе! Унижал тем, что давал деньги? Так не брала бы – и никаких унижений! На работу бы устроилась!

– Она устраивалась, но нигде не задерживалась. К тому же у нее ребенок был больной на руках, мать-сердечница. Она к Михаилу Александровичу просилась много раз. Секретаршей в любой филиал. Но он ей фирму купил. А ведь бизнес вести надо уметь. Он никогда не выполнял ее просьб – он лучше знал, что ей нужно. И так она скисала с каждым годом...

– Он ничего ей не был должен! – твердо произнесла Марина. – А дал кучу всего. Он кормил ее мать.

– Он всегда требовал безусловного послушания. Это были его

любимые слова: «безусловное послушание». За это он платил щедро. Но если кто-то шел против, Михаил Александрович отворачивался от такого человека навсегда. У него была железная воля, он, может, сам того не желая, легко ломал людей. Между прочим, ваша мать должна была выиграть процесс. Это было стопроцентное дело. Акции стоили несколько миллионов долларов, и он их действительно приобрел, когда еще был в браке. Это было совместно нажитое имущество. Но ваша мать струсилась идти против него.

– И получила дом в Испании!

– С условием сразу оформить дарственную на вас.

– Ну и что?

– Да ничего, вот только разве это ее дом получается? А если вы очнетесь и ее выгоните?

– Я выгоню мать?

– Вы к ней плохо относились. Она из-за этого даже общаться с вами перестала. Говорила: «Теперь ее не переубедишь. Да и зачем? Так ей спокойнее. А мне сюда ездить – душу надрывать. Я сама виновата, так мне и надо».

Марина хотела что-то сказать, но вдруг горло перегородил ком. Она поднесла руку к ключицам – подумала, что это опять подступает обморок. Но ком был другой – горячий, мокрый, хлюпающий, от него стало жарко глазам.

«Да это слезы! – изумленно подумала она. – Я плачу!»

Охранник деликатно отвернулся.

– Пойду в комнате уберусь, – пробормотал он.

«Не хочу ничего знать! – прошептала Марина. – Хочу только себя защитить, а этой правды мне не надо! Она у каждого своя. Сколько еще версий одного и того же будут мне предлагать? Как долго я буду зависеть от чужой воли, от искаженного отношения ко мне и моему отцу? Кому-то он не прибавил зарплату, кого-то наказал за прогулы – и вот уже эти люди рассказывают мне разросшиеся до небес ужасы: чудовищные свидетельства скупости и жестокости моего отца, которые существуют только в воспаленных обидой мозгах маленьких противных прогульщиков. Как я беззащитна! Я прямо вижу их рожи, мы словно играем в игру «верю – не верю», они сидят напротив меня и хитро переглядываются: «Ну-ка, Марина Михайловна, угадайте-ка, кто из нас врет?» Нет, я хочу знать о прошлом только то, что я в прошлом знала!»

«А хочешь ли ты знать правду в таком случае?» – спросил тихий голос внутри нее.

Марина вытерла ладонью глаза, открыла записную книжку и написала:
*«Елена Королева последний раз была в Москве полтора года назад.
Вряд ли она могла узнать что-то, представляющее опасность для
злоумышленника. Прошло уже много времени. Почему ее убили именно
сейчас?»*

Единственная нормальная версия – наследство.

Но наследница – я.

Кто же наследует после меня? Тот, кого я назначу.

*Может быть, в ближайшее время возле меня появится некий
красавец, обаянию которого я не смогу противиться? Но трудно
представить себе, что некто, пусть даже и красавец, может быть
настолько тупым, чтобы выбрать такой кривой путь к деньгам!*

Тогда почему ее убили?»

– Позвоните в фонд! – крикнула она охраннику. – Пусть они найдут
следователей, которые вели дело о покушении на меня. Я хочу с ними
встретиться. Если можно, договоритесь прямо на завтра, на день.

– Завтра днем у вас косметолог! – крикнул охранник сквозь шум
пылесоса.

– Косметолога отмените. Мне некогда.

– Иван, я все выяснил, – произнес человек в телефонной трубке. – Лилия Максимовна Королева действительно вылетела из России в Испанию. Это произошло двадцатого апреля. Она уехала по туристической путевке.

– Одна уехала?

– Путевка была на одного человека. Отель «Далматас», город Бенидорм. Четыре звезды с полупансионом, номер на одного. Путевка на девять дней.

– То есть она была в Испании с двадцатого по двадцать девятое апреля. Бенидорм – это где?

– Ближайший большой город – Аликанте. Там аэропорт.

– Это далеко от Марбеллы?

– Километров восемьсот, кажется.

– Она брала машину напрокат?

– Брала, – сказал человек. Голос его был довольным – похоже, ему было приятно, что он предугадал вопросы Турчанинова.

– Куда ездила, не знаешь?

– Да по окрестностям, наверное. Как все. Там некуда особенно ездить – это середина побережья. В Валенсию обычно катаются. Разумеется, можно попытаться проследить путь от Бенидорма до Марбеллы – не было ли каких-нибудь нарушений, не зафиксирован ли номер ее машины. Если испанская полиция заинтересуется, они будут выяснять.

– Четыре звезды... Не шибко круто.

– Не шибко.

– Значит, эта Лола вернулась из Испании двадцать девятого апреля. На следующий день после убийства Елены Королевой. А позже она пересекала границу?

– Нет.

– То есть сейчас она находится в России, а не в Испании?

– Вообще-то, всякое бывает. Может, выехала по подложным документам? Сменила фамилию? Или как-то нелегально.

– Значит, Сергеев не обязательно врет, что она ему на днях звонила?

– Не обязательно. Тем более что междугородний звонок был, и именно в тот день, который ты просил проверить.

– Откуда звонили?

– Из Испании. Из Барселоны. Кстати, ты знаешь, что Сергеев и Лола – любовники?

– Любовники? – переспросил Турчанинов. – Ничего себе! Неожиданная страсть в больничной палате?

– Да нет. Они уже несколько лет вместе. Я звонил одному из уволенных охранников клиники. Он мне это и сказал. Я даже думаю: не по ее ли протекции Сергеева взяли?

– Ну и ну... Что-нибудь по убийству Королевы узнал? – спросил Турчанинов.

– Пока нет. Может, предоставить испанцам информацию об этой Лоле? Дамочка из России, была в Испании как раз в день убийства, могла доехать до Марбелл на машине, Королеву знала. Много совпадений-то, а?

– Это твое дело. Спасибо, что помог. Как что-то еще узнаешь, звони.

– Окей, – сказал человек.

В клинике было тихо. После того как Марина уехала, все словно бы остановилось. Раньше была необычная больница – созданная, чтобы поддерживать жизнь в безнадежной дочери богатого человека, больница-блажь, больница-надежда... Но безнадежная дочь открыла глаза и заговорила. Все рухнуло. Теперь это только маленькая клиника, в которой могут провести диспансеризацию и поставить укол. Она скоро умрет: у фонда большие долги, и такую огромную территорию не удержать.

Вначале откусят маленький кусочек на юге – там за несколько месяцев соберут из кубиков двадцатипятиэтажную громаду, потом подвинут на севере – здесь встанет торговый центр. Так растащили и остальное имущество бывшего победителя. Тебя нет, Михаил Королев, а значит, ты проиграл.

Горе побежденному...

Иван Григорьевич шел по коридорам, везде было чисто, пусто, из окна в окно пролетал ветер, пахнувший липами.

Ритмично чикали ножницы садовника.

Турчанинов резко развернулся и подошел к окну. Оно было распахнуто, за ним начиналась можжевельная аллея: две высокие зеленые стены, горько пахнущие хвоей. В конце аллеи светлел квадрат газона, над ним каруселью крутились струи воды. Чуть повыше струй дрожала маленькая незаконченная радуга.

«Чик-чик-чик»...

– Петрович! – позвал главврач, высовываясь из окна по самые ноги. – Ты здесь?

– Чего надо? – спросил можжевельник голосом садовника.

– Помнишь тот день, когда привезли двух профессоров? Ну,

Иртеньевых.

– Каких Иртеньевых?

– Ну, профессорша, дама такая пожилая, полная, она еще подходила к тебе, что-то спрашивала про рассаду.

– Она попросила многолетников. Я ей дал.

– Вспомнил?

– Она профессорша?

– Да неважно, Петрович. Ты в тот день постоянно был в саду и должен был встретить бывшего главврача. Он тебя видел.

– Это такой с красной мордой?

– С красной мордой? – озадаченно переспросил Турчанинов. – Нет, он красавец. Загорелый, волосы белые, глаза синие. Мускулы такие шикарные.

– С хвостиком?

– Да, с хвостиком.

– Видел, – Петрович вышел из-за куста. Это был пожилой мужчина, лицо его от постоянного пребывания на воздухе потемнело, под воротником рубашки виднелась белая полоска кожи. Голова садовника была повязана ситцевой косынкой – она казалась круглой, как шар, и абсолютно гладкой. Петрович был лысым.

– Я его видел, – повторил садовник. – Он на меня посмотрел нехорошо. Высокомерно.

– Он вошел через главный вход?

– Да. И потом двинул налево, я через окна видел.

– В крыло, где была Королева.

– Ну и где ваш кабинет.

– У него что-нибудь в руках было?

– Пакетик какой-то, кажется.

– А когда он вышел обратно, что у него было в руках?

– Книги. Толстые такие, как энциклопедии.

– Они были не в пакете?

– Нет.

– А что за человек с красной мордой?

– Ну, тоже туда пошел.

– До или после?

– До того, который с хвостом. Минут за пять... Он со мной поздоровался и спросил, где находится кабинет главного врача. Я объяснил. Он тогда у меня спросил, правда ли, что вы уехали. Ему так на вахте сказали. Мол, ваша машина выехала из клиники. Я сказал, что вроде бы машина без вас уехала. Он поблагодарил, пошел в левое крыло, но быстро

оттуда вернулся.

– И пошел обратно к воротам? То есть он должен был встретить бывшего главврача?

– Не обязательно. Он почему-то повернул раньше. Резко так! Пошел вдоль левого крыла по саду. Вдоль окон коридора. Дальше начались кусты, и я его не видел. Я подумал, что ему охранник посоветовал вас в саду поискать. А через пару минут появился этот, с хвостом.

– Спасибо, Петрович.

Садовник молча кивнул, раздвинул кусты и протиснулся в образовавшийся проход. Зеленая стена сомкнулась. Снова зачихали ножницы.

«Человек с красной мордой – это, судя по всему, Степан Горбачев. Надо выяснить, действительно ли у него красное лицо. Он приехал ко мне на встречу, но охранник на входе в левое крыло его не пустил... Почему он пошел вдоль окон? Это были окна коридора – он запросто мог влезть и зайти через дверь в мой кабинет. Секретарша обедала, я был в лаборатории, но он мог думать, что я уехал. Пора бы с ним поговорить. Зачем он приходил? Раньше он у Марины в клинике не бывал, иначе бы не расспрашивал меня, как проехать... Впрочем, пока более интересно другое: Сергеев утверждает, что на днях Лола ему звонила из Испании. Звонок был из Барселоны. Но Лола вернулась двадцать девятого и больше из страны не выезжала! Может, кто-то вернулся по ее документам? Да нет, это нереально. Может, она вышла замуж и сменила фамилию?»

Не отходя от окна, Турчанинов набрал номер Сергеева. Тот оказался дома.

– Андрей, извините, – сказал Иван Григорьевич. – Я тут по поводу Лолиного звонка кое-что хочу уточнить...

– Она вам перезвонила? Из Испании? – голос Сергеева был какой-то запыхавшийся, немного странный.

– Да нет еще. Я хотел спросить...

– Иван, я не могу сейчас разговаривать, – Сергеев стал говорить смазанно, приглушенно.

«Да что он там делает? Любовью что ли занимается?» – добродушно подумал Турчанинов.

– У меня встреча... – В голосе бывшего главврача явственно послышался испуг. – И вообще, помните, я вам говорил о своих подозрениях? Ну, из-за чего я всех поувольнял?

Турчанинову показалось, что звук в трубке стал стереофоническим. Либо на фоне бывшего главврача разговаривал еще один человек. «И про

Испанию она говорила, – явственно и тягуче произнес кто-то. – Это последнее доказательство». «Она сумасшедшая!» – глухо пробормотал Сергеев.

В трубке захрустело, и связь разорвалась.

«Вот черти! – сердито сказал Иван Григорьевич, нажимая кнопки. – Опять какие-то проблемы со связью».

«Абонент не отвечает или временно недоступен», – ласково сказала трубка.

«Это закон подлости, – подумал он, присев на теплый подоконник. – Кстати, двадцать второго мая, когда в клинику приходили Сергеев и Степан Горбачев и когда мне, скорее всего, подбросили старую газету, очнувшаяся Марина спросила, может ли пройти в клинику чужой. Она кого-то видела?»

«Абонент не отвечает или временно недоступен»...

«Абонент не отвечает или временно недоступен»...

«Абонент не отвечает или временно недоступен»...

Только сейчас Марина поняла, что она сильная. Ни ее реакция на собственную амнезию, ни то, как она встретила информацию о покушении на себя и о смерти отца, ни даже спокойный холод в груди, когда она узнала об убийстве последнего родного человека, матери, – ничто не доказывало ее силу по-настоящему.

Но сегодня, когда она спускалась в лифте и шла по двору к машине, когда она из машины выходила, когда, словно во сне, плыла по многолюдным коридорам и входила в кабинет, а эти бесконечные взгляды все царапали, царапали, царапали ее лицо, так что оно даже стало чесаться, – Марина знала, что должна сдать этот экзамен.

Экзамен, который выявит ее характер и определит его окончательными и не подлежащими обжалованию словами.

В лифте было изумление и презрение. Симпатичный молодой человек впрыгнул в последний момент и увидел только ее спину. Он, наверное, думал: вот едет супружеская парочка, муж такой накачанный, жена красотка с тонкой талией и длинными ногами, поругались, поди, вот и уставились в разные стороны... Марина могла бы оставаться этой обиженной красоткой с десятого этажа до первого, пока молодой человек не выйдет, но она сказала себе: «Только сейчас начинается настоящая жизнь. Взгляды все равно будут, так почему не в этом лифте?» – и повернулась к парню лицом.

Ах, как он удивился! Как забегали его глаза, какая в них была подлая мысль! «Девка-то эта уродина – богатая, мужик накачанный женился по расчету: на квартире и прописке, как же они трахаются – в темноте, наверное? Фу, как противно ее целовать!»

Во дворе были жалость и облегчение. Облегчение – это «Как хорошо, что мы не такие» и «Мы еще расстраиваемся из-за всякой ерунды». Несколько молодых мам – одна в «Дольче и Габбана» с ног до головы, даже у ее трехлетнего ребенка на шапочке был логотип, – увидели Марину, когда она подходила к стоянке, прилегающей к детской площадке.

Они не приняли охранника за ее мужа – это было видно. Они приняли его за охранника. Они ее даже пожалели.

«У нее не будет детей – кто же на ней женится? – наверное, подумала одна. – Это так ужасно! Я своего прямо целую, целую, не могу нацеловаться!»

«На деньгах кто-нибудь женится, – подумала другая. – В нашем доме бедных нет – она небедная. Да вот охранник и женится! А что – плохо, что ли? Это сейчас не сложно – найти мужика. Хоть десятерых по Интернету заказывай. А уж из провинции какой-нибудь хороший добрый парень, так тот вообще с восторгом в Москву переедет, даже и к такому крокодилу. Такие крокодилы, кстати, обычно очень преданные и покладистые».

«Все равно ее жалко», – подумали третья и четвертая.

Марине казалось, что она слышит их мысли.

Жалостливые, они были еще обиднее – но она держала голову максимально высоко.

Она не делала вид, что смотрит под ноги, боясь споткнуться, не отворачивалась к окнам, якобы прощаясь с кем-то, кто остался в ее абсолютно пустой квартире.

А когда Марина шла по коридору и люди в форме смотрели на нее гораздо более равнодушно, а некоторые – вообще без интереса (всякого, наверное, насмотрелись по роду своей деятельности), она вдруг подумала: «Был ли в моей прошлой жизни хотя бы один такой же момент, которым можно было гордиться как пройденным испытанием?»

– Отец, наверное, опекал меня? – спросила она охранника, который шел немного позади нее и которого она теперь из принципа называла про себя «шофер».

– Не то слово...

– И в институт, наверное, было несложно поступить?

– Вы неплохо учились в школе... Но, конечно, несложно. Это же было коммерческое отделение. Михаил Александрович не очень хотел, чтобы вы шли на медицинский, но вы его уговорили.

– А у меня были подруги?

– По-моему, нет.

– Я была такая плохая?

– Почему сразу плохая? Хорошая, но изолированная слишком. Ваш отец перестраховывался. Ему казалось, он лучше знает, как надо.

– А парня этого, дипломата, вы видели?

– Нет, что вы.

– Я скрывала эту связь от отца?

– Богатым вообще сложно, – туманно пояснил он.

Они подошли к нужной двери, постучались.

– Вы останетесь снаружи, – твердо сказала Марина «шоферу».

Он пожал плечами.

К этому моменту она успела забыть, что у нее уродливое лицо – ей

напомнили взгляды людей в кабинете. Но она уже чему-то научилась.

«Не гневи Бога! – вот что сказала она себе. – Ты не одна на свете такая несчастная. Позволишь этим взглядам убивать себя – они убьют. Не позволишь – они отлетят, как от брони».

– Марина Михайловна? – приторно произнес пожилой следователь. – Как же я за вас рад! Жаль, ваш батюшка не дожил! Как же он хотел дождаться того момента, когда вы выздоровеете, сколько он для вас сделал! Хороший у вас был отец, пусть земля ему будет пухом. До чего несправедливо все получилось!

Остальные мужчины поднялись из-за столов и стали выходить из кабинета, деликатно отводя взгляды. Наконец дверь захлопнулась за последним.

– А у вас батюшкин характер! – улыбаясь, произнес следователь и погрозил ей пальцем. – Не хотите сдаваться? Это здорово, это вам пригодится в жизни. Вот только не уверен я, Марина Михайловна, что смогу вам помочь.

– Да мне нужно только то, что вы насобирали. Я же ничего не знаю.

– А зачем вам это? – сочувственно спросил он.

– Я восстанавливаю память.

– Так этот-то момент, может, и не надо восстанавливать? На черта он вам сдался? Что это за ценный момент такой – выбросьте его из головы, вот уж сокровище нашли!

Ей даже показалось, что он ерничает, придуривается.

Марина молчала, глядя следователю в глаза. Пауза затягивалась. Он не выдержал первым, вздохнул.

– Как хотите, вольному воля, – произнес он. – Вот тут выписки. Если будут вопросы, я отвечу... Знаете, Марина Михайловна, у меня громадный опыт, и я твердо знаю одно: если убийство не раскрыто в первые две недели, оно уже не будет раскрыто никогда. Нас работало десять человек!

– А я там была, – напомнила она.

– И это верно, – неожиданно легко согласился он. – Пойду курну в кофейню... Вот вам тут чайничек, если чайку захотите, вот сахарочек, – он достал из стола литровую банку с сахаром. – Вот стаканчики...

У нее болела голова, немного мутило. Врачиха из клиники предупреждала, что надо отлежаться, но она боялась сойти с ума. «Я пролежала пять лет! – эти слова возникали в голове помимо воли, всплывали сами по себе: настойчивые, насмешливые... – Пять лет выброшены из жизни по чьей-то злой прихоти! Но я очнулась вопреки всему. Я обязана идти вперед».

И вдруг она вспомнила. Откуда-то пришла эта притча, словно дым от сигареты или туман над вечерним озером; похожая на змею, вызванную из корзины флейтой факира, она беззвучно поднялась со дна и встала у нее перед глазами – Марина видела все ее завитки и кружевные перевивы...

У раббе Мойши спросили:

«Какого обвинения Бога ты боишься больше всего, когда предстанешь перед Ним на Страшном суде?»

«Ах! – сказал раббе Мойша. – Я не боюсь, что Бог спросит меня: "Раббе Мойша, почему ты не стал пророком Моисеем?", я боюсь, что он спросит: "Раббе Мойша, ну почему ты не стал раббе Мойшей?"»

Это было первое воспоминание, пришедшее не во время пробуждения, а позднее... Точнее, оно было третьим: после больницы и целующейся парочки. Первым и особенным оно было в другом смысле – в отличие от предыдущих, оно оказалось полным: с началом, концом и даже моралью.

Значит, вспомнить можно.

Никто не требует от тебя, Марина, чтобы ты стала кем-то. Стань Мариной – и этого достаточно...

Она на секунду зажмурилась – успокаиваясь. Потом открыла первую папку с бумагами.

Покушение на Марину Королеву состоялось теплым сентябрьским вечером двухтысячного года. Охранник обнаружил девушку в девять часов пятнадцать минут – значит, ее пытались убить не раньше девяти. Если бы раньше, она бы уже умерла.

Клуб института находился на краю не очень большой – в две полосы – улицы. Туда выходило его парадное крыльцо, там все курили. Другая дверь вела в темный парк. Она была стеклянной, то есть из коридора клуба смотрелась, как черное пятно. Над этой дверью висел фонарь, но его все время выключали. Задней дверью пользовались только те, кто выбегал на пяточок к наркоманам, либо влюбленные парочки. Ни те ни другие не были заинтересованы в публичности.

Марина Королева поступила в медицинский институт в конце июня и летом должна была отработать в отделе кадров – таково было правило. Но для нее сделали исключение. Она появилась в институте только второго сентября, на занятиях.

Судя по опросам однокурсников, Марина была нелюдимой и высокомерной девушкой. На факультете она была единственной дочкой богача. Вообще, ее выбор профессии был странным. Такие девушки обычно шли в МГИМО, на филологический факультет МГУ, в различные экономические институты. В крайнем случае, становились переводчицами

либо искусствоведами.

Экзамены Марина сдала кое-как. Это было не важно для поступления на платный факультет, но в деле этот факт зафиксировали. Однокурсникам показалось, что уже в сентябре она стала жалеть о своем выборе. По крайней мере, с середины месяца настроение Марины резко ухудшилось.

Дома у нее все было нормально. Любовный фронт отсутствовал; уже после покушения выяснили, что ее ровный и скучный роман с мальчиком-дипломатом сам по себе подходил к концу. Это ее не беспокоило. И так, не дом, не любовь, не здоровье... Значит, настроение ухудшилось из-за учебы.

К такому выводу пришло следствие.

Со смешанными чувствами Марина читала о себе: это были показания людей, ее почти не знавших. Они просто видели ее на занятиях, наверное, немного завидовали, возможно, передавали из уст в уста легенды о ее богатстве и образе жизни. Какой это должен быть искаженный образ!

Или не искаженный?

Какой наш образ вернее: тот, который мы носим в себе, или тот, который существует в головах окружающих нас людей?

Ее буквально потрясла эта мысль: «Даже если бы не было амнезии, и даже если бы мне не надо было заново знакомиться с собой, то все равно: какой наш образ, внутренний или внешний, является истинным? И без всякой амнезии мы плохо представляем себя внешнего. А вдруг в глазах Бога этот образ точнее?»

Она тряхнула головой. Если отвлекаться, до цели не дойдешь.

«Мне показалось, она высокомерная потому, что стеснительная. Нам говорили, что ее с детства от всего ограждали, поэтому она совсем не знает жизни. Говорили еще, что ее бросила мать. Однажды она вдруг заплакала на занятиях. Это было где-то двадцатого сентября».

«Я читала в газетах, что ее мать подала в суд на ее отца. Лично я считаю, что этот отец облапошил мать – все богачи жадные. Я читала статьи, в которых мать защищали. Он купил эти акции, когда был зарегистрирован. Значит, она имела на них право. Но разве в суде Королева победишь? Я даже спросила у Марины, на чьей она была стороне, но она так на меня посмотрела! Я подумала: да иди ты!»

«Да, я тоже помню, что она заплакала. Но это было не на занятиях. В аудиторию она пришла уже заплаканной. До этого она стояла в курилке, возле окна...

– Она курила?

– Нет.

– Почему же она там стояла? Может, там курил кто-то, кто ей

нравился?

– Ей никто не нравился. У нас на курсе, по существу, одни девчонки. Есть два парня из деревни, но они такие...

– Может, кто-то с другого курса? Или аспирант? Преподаватель?

– Нет.

– Почему же она была в курилке?

– Стояла у окна.

– Куда оно выходит?

– Это боковое крыло. За ним что-то вроде пустыря.

– То есть она смотрела на пустырь?

– Получается, так.

– И именно там заплакала?

– Да. Я, кстати, и потом ее в этой курилке видел. Тоже у окна.

– И она снова плакала?

– Нет, просто смотрела.

– Улыбалась?

– Нет!

– Вглядывалась?

– Нет. Она смотрела немного зло, но не вглядывалась».

Все утверждали одно и то же: Марина не была влюблена. И в нее за этот месяц никто не влюбился. Версия ревности отпала как несостоятельная.

В деле, тем не менее, была одна очень большая странность. Роковой поход на дискотеку был первым в жизни Марины. Раньше она на дискотеки не ходила. За две недели до происшествия она говорила отцу, что в парке много наркоманов и много их среди студентов. «Я слышала, что там на дискотеках такое творится!» – возмущенно рассказывала она. Михаил Королев тоже возмущался. Более того, один из парней-однокурсников как-то спросил ее, пойдет ли она вечером в клуб – там они готовили традиционное приветствие. Марина резко отказалась. Парня обидела ее реакция, он сообщил об этом следователю.

Тем не менее, двадцать восьмого сентября, в субботу, Марина двинулась навстречу тому, кто планировал ее убийство.

Как же он его планировал? Почему он был уверен, что она придет?

Столько вопросов и ни одного ответа.

Дальше шли показания несчастного охранника.

Этот человек находился при Марине не постоянно. Он подвозил ее в институт и забирал после занятий. Скорее, он был шофером. Михаил Королев не опасался покушений на дочь. Она теперь была взрослой, ей не

угрожали похищения или несчастные случаи, а убивать детей, чтобы отомстить отцам, в его мире принято не было. Он сам пережил покушения, но это было в дикие девяностые. Дочь могла погибнуть за компанию (поэтому он редко ездил с ней в одной машине), но в обычной жизни он за нее не боялся.

Охранник работал у Марины все дни, кроме выходных. Помимо института, он возил ее по магазинам. Он тоже заметил, что в конце сентября у нее сильно испортилось настроение, и тоже объяснял это неправильно выбранной специальностью.

У него были и свои объяснения этого выбора.

«Ее мачеха работала лаборанткой в медицинском, и Михаил Александрович говорил шутя, что женщина в белом халате неотразима. Мне кажется, Марина слишком серьезно восприняла эти слова. Ей всегда хотелось нравиться отцу. Она мечтала быть главной в его жизни. Может, она даже не понимала, что он шутит. Ведь Лола давно уже нигде не работала и ни в каком белом халате не ходила».

Оказывается, Маринына мачеха тоже пыталась учиться в медицинском институте. Королев оплатил ей эту учебу, но она ее не потянула, ушла. Это было за три года до Мариного поступления.

Тут волей-неволей следователям пришлось заняться отношениями Марины и ее мачехи. Они оказались равными, хотя и прохладными. У Марины не было обид за мать, но вряд ли она радовалась, что в жизни отца есть женщина. Наверное, она ревновала, но, во всяком случае, хорошо скрывала ревность.

Мачеха ее тоже не очень любила. За неделю до покушения она уехала на родину – к своей матери, которая тяжело заболела, и, даже узнав о том, что случилось, не примчалась обратно, а пробыла у матери еще десять дней.

«За Мариной стоял Миша и все его деньги, – объясняла она потом. – У моей матери же никого не было рядом. Я была нужнее там».

Конечно, нормальный человек спросил бы: при чем здесь деньги? Дело ведь не в Марине – разве Михаилу Королеву не нужна была поддержка в эти страшные дни? Но это спросил бы нормальный человек у нормального человека. Богачи – они ненормальные. У следователей не было сомнений в том, что в мире таких, как Королев, все женятся и влюбляются по каким-то кривым и нечеловеческим причинам: из-за денег, из-за красоты и никогда по любви. «Если в чем-то можно быть уверенным, так это в том, что Лола не будет носить мне передачи в тюрьму», – говорил Королев всем и каждому. Грустно говорил, надо думать...

Поскольку отец всегда был сильно занят, а мачеха в середине сентября уехала из Москвы, больше всего по поводу Маринино похода на дискотеку расспрашивали именно охранника. Он не мог сказать ничего вразумительного.

«Она была в последние дни очень взвинченной и в то же время замкнутой. Словно что-то планировала или на что-то решилась. Я думал, она хочет уйти из института, но не знает, как сказать об этом отцу. Михаил Александрович всегда презирал тех, кто сдается. А она страшно хотела, чтобы он ее уважал. Он с ней долго обсуждал выбор профессии, и она говорила, что все обдумала. А он был такой: если кто-то говорит, что все обдумал, а сам потом идет на попятную, Королев его сразу считает безответственным и отворачивается от него.

– Это в бизнесе, наверное, а не в отношениях с дочерью, – заметил следователь.

– Он был хорошим воспитателем и к Марине предъявлял строгие требования, – не согласился охранник. – Почему я еще думаю, что она собиралась уходить из института: она мне как-то сказала, числа где-то двадцать третьего: "И зачем я только сюда поступила! Как все раньше было просто. Никогда не надо знать правду ни о чем!"»

Марина отодвинула от себя листок. Рука ее слегка дрожала. Это были первые слова, посланные нынешней Марине ею самой.

Весточка от Марины прежней.

Какие странные слова, учитывая ее сегодняшние обстоятельства! Она уже думала об этом: нужна ли ей правда? Марина прежняя считала, что нет.

И если она продолжит искать, то будет ли она прежней Мариной?

«Правда! – прошептала она. – Что это такое? Зачем она нужна? Не благодаря ей ли отец выбросился из окна? – и тут же сжала кулаки так, что косточки побелели. – Да кто тебе сказал, что ты когда-нибудь станешь прежней? Даже не мечтай об этом! Какое ты имеешь отношение к той девочке, которая всю жизнь прожила в оранжерее, сурово охраняемая любящим, но непреклонным отцом. Та девочка больше всего мечтала ему понравиться, а он платил за это любовью и заботой. Его уже больше нет! И нет его любви, нет придуманного им будущего. Весь мир другой, а ты мечтаешь найти себя прежнюю?! Удар по голове не лишил тебя наивности... Впрочем, была ли та девочка наивной?»

«Она была скрытной, – продолжал свои показания охранник. – Например, несколько дней подряд я не заставлял ее дома. Она куда-то ездила без меня! Вначале я думал, что ее стесняет ее положение, что ей неудобно перед однокурсниками. Ну, вроде как она считает себя там изгоем. Думал,

может, ей кто-то что-то высказал насчет отца...»

– Никто ей ничего не высказывал, – перебил следователь. – Мы всех опросили.

– Да, я знаю. Я сам у нее спросил, мол, если тебе неудобно, посоветуйся, может, я что-то подскажу. Она только засмеялась. Я понял, что дело не в этом.

– А куда она ездила без вас?

– Понятия не имею!

(Следователи, кстати, этого так и не выяснили.)

– Сколько раз это было? И когда?

– Да раза два, не меньше. Тоже в конце сентября.

– Но на дискотеку она все-таки поехала с вами.

– Да. Она мне об этом сказала в пятницу вечером. На следующий день мы поехали.

– Как она была одета?

– Скромно. Джинсы, кофточка, темные очки – она в них любила ходить, думаю, подражала звездам. Мне показалось, она сильно нервничает. Я несколько раз заговаривал с ней, но она отмалчивалась. У нее в руках был какой-то пакет.

– Что за пакет?

– Да пластиковый, обычный. В нем что-то лежало. Что-то небольшое. Она этот пакет держала не за ручки, а так – скомкала как бы. И еще за низ этого предмета придерживала.

– Не говорила, что должна с кем-то встретиться, что-то передать?

– Нет. Я спросил про пакет, она сказала: здесь косметичка.

Марина зашла в клуб, а охранник остался у парадного входа. Она сама его об этом попросила. Он снова решил, что ей неудобно перед однокурсниками, и спорить не стал.

Примерно через час он почувствовал странное волнение, которое сам не смог объяснить, но которое связывал с улицей. В девять часов десять минут он пошел на поиски.

Марина думала, что описание найденного тела, все эти чудовищные подробности покушения подействуют на нее сильнее всего – но нет, как ни странно, именно эти страницы она читала почти спокойно.

Она лежала у крыльца черного хода (охранник немедленно включил там фонарь), вокруг нее валялся разный мусор – даже старые шприцы и презервативы; лежали там и осколки емкости, в которой находилась кислота.

Следствие обратило внимание, что у ее туфли отломан каблук. Его

сразу нашли – он торчал между плитами крыльца. Нога Марины была сильно подвернута и поранена. Если бы это было худшее, что с ней произошло, она бы хромала не меньше двух месяцев...

Дальше шли медицинские описания, и она все-таки пропустила пару абзацев – мало ли, обморок может настичь внезапно.

Долго выясняли, что чему предшествовало: кислота удару, удар кислоте, подвернутая нога удару или как-то иначе. В любом случае, все это произошло очень быстро. Следователи вначале были уверены, что кислотой могли плеснуть только тогда, когда она потеряла сознание (иначе был бы слышен ужасный крик), но врачи развеяли их уверенность. От болевого шока она могла мгновенно отключиться.

Более того: проведя десятки экспертиз, решили, что вначале Марину облили кислотой, а потом, когда она упала лицом вниз, сильно стукнувшись при этом, ударили по затылку.

Чем?

Орудия убийства не нашли. Склонились к тому, что это был твердый металлический или каменный предмет и он был унесен злоумышленниками с места преступления.

Удар был очень профессиональный. Скорее всего, наносил его настоящий киллер. Почему же он не выстрелил? Боялся, что это будет слишком громко? Но он мог использовать глушитель. Разыгрывал какую-то сцену? Но он это сделал плохо – его замысла не поняли.

То, что никто на дискотеке ничего не слышал, было неудивительно. Там грохотала музыка. Несколько Марининых однокурсников видели ее на втором этаже, они утверждали даже, что она танцевала, не сняв свои темные очки. Половина танцующих была в очках – так было модно.

Возможно, кто-то что-то слышал на наркоманском пяточке. Но никто ни в чем не признался. Правда, музыка грохотала на весь парк – на втором этаже танцпола были открыты окна.

«Мало же вы накопили, – насмешливо и почти равнодушно произнесла она. – Где и кем куплена кислота – неизвестно, куда делся пакет – неясно, почему пошла на дискотеку – непонятно».

Искали в основном по связям отца. Большую часть бумаг занимали эти стандартные вопросы: может, отняли у кого-то акции? Может, кто-то угрожал за то, что перешли дорогу? Бандиты ничего не вымогали?.. Бесконечные вопросы, которые, видимо, рвали и рвали отцу душу.

Как же он себя чувствовал в те дни? Больница, милиция, работа, больница, милиция... Как не покончил с собой еще тогда? Но тогда еще не было честного Иртеньева, по-западному говорящего правду, не было этих

ужасных однотонных лет, отмечаемых бесконечными дорожками кардиограмм и мелодичным пиканьем дорогих аппаратов. Это для нее время остановилось, для него оно шло.

Бедный отец...

Марина отложила бумаги, положила голову на сцепленные руки, задумалась, глядя в окно. «Теперь меня мало что может удивить», – безучастно подумала она.

Она ошибалась.

В соседнем кабинете в это время происходил разговор, последствия которого сильно удивили ее уже через два часа.

– Иван, – сказал по телефону хозяин этого кабинета, – у меня для тебя неприятные новости. Полиция Марбеллы прислала запрос на главврача клиники фонда. Они что-то на него нашли, он теперь подозреваемый. Поскольку главврач – ты, я решил тебя по старой дружбе предупредить.

– Пожалуй, я подъеду, – после паузы сказал Турчанинов. – Надо кое-что выяснить.

Когда через два часа Марина выходила из здания управления, она увидела через дорогу Турчанинова, закрывавшего дверцу своих «Жигулей». Кажется, он ее не заметил – она быстро встала за кустами. Вполне возможно, его вызвали, потому что... Но он не пошел к бюро пропусков, он протянул милиционеру какие-то корочки.

«Странно», – тихо сказала она вслух. Потом поразмышляла немного и набрала телефон фондового адвоката Крючкова.

– Извините, что беспокою... Вы ведь ведете все наши дела. Вы не знаете: когда Турчанинов устраивался на работу, он представлял какие-нибудь документы? Паспорт, например?

– Вы нас обижаете, Марина Михайловна. Пока вы лежали в клинике, там было режимное предприятие. Как же без паспорта? Конечно, представлял.

Следующий звонок был следователю, от которого она только что вышла.

– Вам не знакома такая фамилия – Турчанинов? – спросила Марина.

Следователь отчего-то замешкался.

– Вы... его... знаете? – От волнения она с трудом подбирала слова.

– Это бывший следователь, очень известный, хороший... Он давно уволился, – промямлил тот. – А зачем вам это? Это-то уж вовсе ни при чем!

– Что – ни при чем?!

– Ну, этот судебный процесс над вашим отцом... Все давно закончено! Михаил Александрович расстроился бы, если бы узнал, что вы этим

интересуетесь. Право слово, хватит вам и того, что вы сегодня узнали!

– Почему этот следователь уволился?!

– Ну, дело-то развалили, а он ему столько лет отдал... Может, боялся за свою жизнь... Марина Михайловна, я не могу по этому телефону говорить такие вещи. И вообще, это не мое дело. Извините, у меня вопрос.

– В библиотеку фонда! – разъяренно сказала она шоферу и так хлопнула дверью, что со стекла свалилась присоска ароматизатора.

Огромный, метров в двести, холл был весь отделан мрамором. По полу расходилась кругами геометрическая мозаика блеклых тонов, а вдоль стен стояло несколько скульптур и похожих на лохани чугунных скамеек. Они были с подушками, но без спинок – с одними подлокотниками.

Когда дизайнер закончил работу – это было десять лет назад, – один из сотрудников сказал: «Римские термы какие-то». Все оглянулись по сторонам и захихикали: холл действительно напоминал то ли античные бани, то ли Помпеи незадолго до извержения Везувия.

Прошло десять лет, мрамор кое-где треснул, белые стены потемнели, а из мозаики какой-то умелец выколупал почти все синие части. Теперь сотрудники называли свое место работы: «Римская империя времен упадка».

Главный юрист фонда, страдавший от тайной, неизлечимой и безответной любви к философии, любил порассуждать на тему крушения империй. Родом он был из Узбекистана, на его глазах этот гигантский и пряный кусок советского пирога отвалился от России. Юрист съездил в Ташкент года четыре назад – он перевозил последних родственников – и смог воочию убедиться: ничто там более не напоминает о двухвековой принадлежности к империи.

– И не такие города заносило песком! – многозначительно говорил он за бокалом хорошего коньяка. – Ниневия исчезла, и Вавилон исчез! Великие мечты большевиков растаяли, как туман, – за одно солнечное утро.

– Ташкент же вроде на месте? – ехидно спрашивали его друзья, так же, как и он, сидевшие в кожаных креслах сигарной комнаты с сигарой в одной руке, хрустальным пузатым бокалом – в другой.

– Это другой Ташкент, – возражал он, и кольцо сигарного дыма испуганно возносилось к высокому потолку – И страна там другая, и улицы переименованы, и люди вернулись в первоначальное состояние: баи, дехкане... Даже паранджу видел, вообразите, коллеги! Я ходил и думал: какая это великая честь – оказаться свидетелем крушения такой огромной и прекрасной страны!

– Сомнительная честь, господа...

– Нет, здесь должны быть употреблены какие-то другие слова, которые, возможно, еще и не созданы тупым человечеством. Невыносима красота этой гибели... Как подумаешь, сколько крови, сколько надежд

лежит в основании советских пирамид...

– К сожалению, это обычный рецепт фундамента любой пирамиды: кровь простых людей и надежды правителей на вечную жизнь. Смешиваются в равных пропорциях...

– Ха-ха-ха...

– Один есть плюс у жлобской цивилизации демократий – она научилась делать фундаменты из монолитного бетона!

– А вот я, господа, вчера...

Такие примерно разговоры велись в сигарной комнате, слева от ресторана на первом этаже.

Фонд тоже умирал. Дела велись по инерции, от великих планов основателя ничего не осталось. Сейчас Михаил Королев казался бесплодным мечтателем, и уже было трудно представить ход его мыслей, когда он планировал то или иное свершение. Из точки проигрыша непонятен был стартовый оптимизм.

И об этом иногда разговаривали сигарные философы.

– А вот интересно, – сказал однажды один из них, – в чем все-таки была ошибка? Почему все развалилось?

– Никакой ошибки не было! – охотно вмешался юрист. – Это как в анекдоте: два поезда вышли навстречу друг другу по одному пути, но не столкнулись. Вопрос: почему? Ответ: не судьба!

– Ха-ха-ха...

Библиотека фонда была на втором этаже, прямо над сигарной. Марина несколько раз поднимала голову от газет и удивленно принималась. «Галлюцинация? – думала она. – Или воняет дымом?» Было уже восемь часов вечера, библиотекаря задержалась ради нее одной.

Можно сказать, что страхи Михаила Королева сбылись: его собственная дочь знакомилась с ним по газетам. В девяносто девятом у него был и свой собственный журнал: он оправдывал хозяина изо всех сил, но его голос тонул в общем хоре.

Конечно, демократической прессе не очень хотелось нападать на человека, преследуемого властями. Жаль было и упускать возможность попинать государство. Журналисты много говорили об избирательности правосудия, о двойных стандартах, о жестокости российских законов, о византийском коварстве правителей, которые вначале разрешают и как бы не замечают, а потом вдруг резко меняют правила.

Но обилие таких доводов доказывало: других, более существенных, не будет. А значит, Михаил Королев виноват.

Но если ему хватит воли стать еще подлей, чем он есть по материалам

дела, то, возможно, у него появится шанс выпутаться.

– Я иногда думаю, – говорил юрист в сигарной, – какая это библейская история на самом деле! Какое искушение! Настоящая битва между Богом и Дьяволом на пространстве одной, отдельно взятой души. Если тебя ударили по левой щеке – подставь правую и разомкни цепь зла. Если все вокруг играют нечестно – играй честно, но спаси душу. У нашей страны главная проблема – семидесятилетний государственный атеизм. Это он всех сделал негодяями. «Если Бога нет, то все позволено». А если веришь, что рискуешь бессмертной душой, то и деньги не соблазнят, не правда ли?

– Как правильно сделал Мишаня, что не доверился этому балаболу, а просто подкупил всех и вся! – тихо сказал один обитатель сигарной другому. – Могу себе представить лица наших затюканных судей, когда этот Плевако рассуждает о битве между Богом и Дьяволом.

– Ты знаешь, не соглашусь. На процессах он очень конкретный господин. И подозрительно близок народу. Куда только девается его любовь к философии?

... Государство проиграло процесс Королева, несмотря на обильные доказательства его виновности. Где произошла главная подмена – никто не понял. Официальная версия королевского журнала была ехидной: «Они были так уверены в победе. Эта уверенность сыграла с ними злую шутку!»

Демократические газеты комментировали более обтекаемо: «И следствию, и прокуратуре нужно учиться работать в новых условиях. При ручных судах они настолько разбаловались, что даже не утруждают себя поиском неопровержимых доказательств: все равно судья сделает так, как приказано. Это хороший урок. Иногда можно пожертвовать и правосудием, чтобы научить его жрецов. В конце концов, пусть лучше виновный останется безнаказанным, чем из-за тех же ошибок невинного накажут».

Это была хитрая и несокрушимая мысль.

Лишь несколько коммунистических изданий нападали на суд со своих позиций. Но они это делали вяло и как бы нехотя. С одной стороны, да: Королев воровал у простых людей и приказывал убивать конкурентов – это страшные издержки преступного режима, рожденного Ельциным. Но и нынешний режим не лучше: он такой же продажный, гнилой, жестокий... И переходили на режим.

Марина поймала себя на странной мысли: главные вещи почти не говорились, и именно из-за этого они вдруг стали звучать в ее голове все настойчивей, все слышнее. Так бывает – никто из собравшихся не говорит о том, ради чего все собрались, и из-за этого всеобщее умолчание вдруг начинает громко разговаривать собственным голосом.

Сейчас она понимала, что это было очевидное дело и ее отец виновен.

Марина почти не удивилась, когда в одном из журналов девяносто девятого года встретила фамилию следователя Турчанинова. Статья начиналась почти насмешливо, но уже к середине стало понятно: автор настолько огорчен, что ему остается лишь иронизировать над собственным огорчением.

Делу Михаила Королева следователь посвятил несколько лет жизни. Он был лучшим специалистом в своей области, и ему не надо было учиться собирать доказательства: он их собрал много и все неопровержимые. Турчанинов был уверен, что Королев преступник. Верил ли он, что победит?

Это хотел знать и журналист.

– У вас были сигналы, что на развал дела брошены гигантские суммы?

– Мне говорили.

– Вы в это верили?

– Не очень. Дело получило большую огласку, и я думал, что это защитит от коррупции.

– Вы сейчас считаете себя наивным?

– Я верю в торжество добра.

– Кто поможет добру восторжествовать?

– Не понял вопроса.

– Кто сможет наказать Михаила Королева? Новый президент? Люди, обиженные Королевым? Бог, в конце концов?

– Без комментариев.

– Правда, что вам угрожали?

– Правда.

– Это сыграло роль в развале дела?

– Думаю, что Королев решал вопрос сразу многими путями. Один из них привел к победе раньше других. Угрозы просто не успели сработать.

– А если бы все затянулось, они бы сработали?

– Без комментариев.

– Угрожали только вам или вашей семье?

– Угрожали моим детям.

– Смертью?

– Да.

– Как вы думаете, угрозы были бы осуществлены?

– У меня есть доказательства, что раньше в похожих ситуациях они осуществлялись.

– Когда вы поняли, что дело проиграно?

– Когда первые три свидетеля отказались от показаний. Потом уже был настоящий снежный ком. Вещественные доказательства исчезали, задержанных отпускали под подписку о невыезде, и они немедленно скрывались за границей... Однажды из сейфа просто исчезли все бумаги. Вот так – взяли и исчезли.

– А вы были уверены в своих доказательствах?

– Абсолютно.

– Правда, что вы уходите из органов?

– У меня нет другого выхода. Я готов играть трагическую роль... А мою сегодняшнюю роль можно, с большой натяжкой, правда, но все-таки назвать трагической. Если я останусь в милиции после всего, что произошло, то это уже будет фарс. В нем мне играть неинтересно.

«И он улыбнулся. Это была грустная улыбка – мне кажется, следователь жалел нас с вами», – написал автор статьи.

На фотографии Турчанинов как раз улыбался. Марина смотрела на эту улыбку – да, это был главврач.

Всякое может быть в современной России. И свидетелей можно запугать, и любое дело развалить, но чтобы милиционер переквалифицировался в нейрохирурга... Нет, такое невозможно даже в нашей стране.

Но что же он делает в клинике?

Этот человек верит в торжество добра. Что он вкладывает в это понятие? Его жизнь была разрушена Михаилом Королевым, как и множество других жизней. Он считает Михаила Королева исчадием ада. Ведь он уверен, что Королев крал у бедных, приказывал убивать тех, кто стоял на пути, угрожал смертью его собственным детям, и эти угрозы не были пустыми – он осуществил бы их, если бы потребовалось. Но Королев сделал гораздо большее: он превратил правосудие в дешевую комедию, ушел безнаказанным, перевернул мир с ног на голову, утвердил грех как главный принцип мироустройства!..

Следователь потерял любимую профессию. Он хотел играть трагическую роль... А через год на Марину было совершено покушение.

Мог ли этот следователь общаться с ней в двухтысячном году? Как прежняя Марина должна была его воспринимать? И зачем он появился сейчас?! Каков его план?

Она почувствовала страшную усталость. Запах дыма усилился, где-то вдалеке рассмеялись мужчины.

Какая она одинокая! Как ее отец в последний год жизни.

«Может, встать на подоконник, да и упасть головой вниз? Может, его

план именно таков?»

... Турчанинов оказался в клинике.

– Сейчас хотите подъехать? – Удивления в его голосе не было. – Да, приезжайте. Конечно, задержусь. Я в общем-то ждал вашего звонка, Марина.

Было уже десять часов, но небо оставалось светлым.

Когда въехали в парк, пошел дождь – вначале потихоньку, потом сильнее, сильнее; налетел резкий ветер, над парком встала черная грозовая туча. Сразу наступил глубокий вечер.

Марина узнала то место, в котором ей явилась влюбленная парочка, но сейчас она ничего не увидела. Даже стволов не было – наверное, все-таки упали.

Шины уютно шелестели по мокрому асфальту, шофер вел машину молча. Он чувствовал себя очень уставшим.

Этот человек впервые увидел Марину пятнадцатилетней девушкой. Она выбежала из дверей особняка, был теплый летний день, возможно, те же числа июля, что и сейчас; он подъехал за Михаилом Королевым и стоял у машины, курил.

Ворота в сад были приоткрыты, за ними виднелись газоны, пересекаемые искусственной извилистой речушкой с двумя полукруглыми мостиками и одним небольшим водопадом.

Он и раньше работал у богатых людей, поэтому не удивлялся ни садам, ни дворцам, ни горничным в белых фартучках.

Его собственная дача была в ста двадцати километрах от Москвы. Участок дали жене за беспорочную службу в бухгалтерии завода АЗЛК. Машины у них не было, ездили на электричках, за три года сумели выстроить лишь сарайчик для инструмента и летний душ. Дача была для работы. Они сажали там картошку, огурцы, клубнику, капусту. Сын возмущался, говорил, что с рынка все будет обходиться дешевле, но дело было не только в этих овощах.

Денег на другой летний отдых все равно не было. Старшая дочь еще застала советские времена – он раньше работал в милиции, и ему иногда выдавали путевки в санаторий на Черном море, сын же родился позднее и моря никогда не видел.

Дача позволяла убить лето. Кроме того, она была в красивом месте, там легко дышалось после Москвы. За их сарайчиком открывались бескрайние поля, а на краю горизонта стоял настоящий бор – густой и непроходимый, как в сказках. Там начиналась Калужская область.

Можно было часами идти в даль и не встретить ни одного человека. На пути попадались речки, овраги, поля, рощицы, боры, заколоченные,

почерневшие от времени и ушедшие в землю по окнам деревянные дома; в лугах стрекотала разная живность, низко носились стрижи, однажды даже промелькнул рыжий хвост лисы – но людей не было. Иногда он выходил на берег озера, садился среди душистых трав и думал: умирает все – его милиция, АЗЛК жены, земля, страна...

Когда он устроился шофером и охранником, стало намного легче. На строительство дома, правда, все равно не хватало, но зато они накопили на доплату и переехали в трехкомнатную квартиру.

Потом стали копить на ремонт.

Через два года начали копить на хороший телевизор и новую мягкую мебель.

Он так жил всегда, постоянно копил на что-то – и так жили его родители. Они тоже не унывали. «В войну было намного хуже», – говорили они. А уж их родители жили в такие страшные времена, что последующим поколениям было грех жаловаться, что бы с ними ни случилось.

В тот год, когда он увидел Марину, его главной головной болью было поступление сына в институт. Эту проблему надо было решить во что бы то ни стало – впереди маячила армия. Для института нужны были деньги, для взятки военному нужны были деньги – как ни крути, без пяти тысяч долларов ни та, ни другая проблема не решалась. Запасным вариантом был какой-то левый экологический институт – туда никто не шел, и можно было обойтись почти без денег (только нанять репетитора по сорок долларов в час), но сын кричал, что не может себя заставить заниматься нелюбимым делом. Мечтал быть врачом, дурачок...

«В медицинский не пробиться, – грустно думал он, давя ногой окурок. – А ведь пацан бредит медициной, с десяти лет мечтает... Где взять деньги? Вроде платят нормально, а никогда не хватает...»

В роскошном особняке запахнулась дверь, и на порог вышла не очень симпатичная, высокая зеленоглазая девчонка с длинными рыжеватыми волосами.

Мужчина не был ни злопамятным, ни сентиментальным. Воспоминание о первой встрече промелькнуло в его голове просто так – ничего не означая, никак не тревожа. Он просто вспомнил, что она когда-то была пятнадцатилетней и выбегала на крыльцо красивого дома, но время прошло, дом продан, а она повзрослела, и ее лицо покрыто оспинами.

Так уж устроен мир – время никого не щадит. Его сын тоже пострадал: бросил этот экологический, загребел в армию. Хорошо хоть не попал в Чечню, могли убить. Вот только пьет теперь сильно. Слабый парень, как все они – молодые. Стержень, державший его самого, эта терпеливость,

унаследованная от родителей и родителей родителей, сломалась, и ничто их теперь не держит. Им все надо сразу, а сразу ничего не бывает. «Бывает! – недавно орал ему сын. – Только у мудаков типа тебя не бывает, а у остальных – очень даже!» Он ему, разумеется, врезал, кулак у него был тяжелый, все еще милицейский...

Он изредка поглядывал на Марину, поражаясь ее работоспособности и даже уже не сердясь за тяжелый день, проведенный в салоне автомобиля. В темноте Маринино лицо разгладилось и казалось ему красивым. Она сидела с закрытыми глазами – наверное, задремала.

Наконец въехали на территорию клиники. Машина остановилась у главного входа.

Дождь лупил по закрывшимся бутонам портулака, вбивал их в землю, они разметались по клумбе, разбросанные кем-то разноцветные пуговицы. Сильно пахло землей и сыростью. К лестнице прибилося несколько мокрых шариков тополиного пуха. У клиники тополя не росли – наверное, пух залетел из парка.

Елена Павловна в темном холле всплеснула руками: «Мариночка! Ничего не случилось? Приехали к Ивану Григорьевичу? А я испугалась – думала, вам плохо. Вы какая-то усталая, не тошнит? А у нас здесь одна пациентка есть! – похвасталась она и сразу же перешла на шепот: – Сделала пластическую операцию, и что-то не так пошло! Теперь приводим ее в порядок. Она будет судиться с той клиникой – вы бы видели, что они с ней сделали! Все лицо словно в оспинах...» – врачиха осеклась и сразу же заторопилась в палату.

Турчанинов сидел за своим столом и что-то писал. Когда Марина вошла в кабинет, он закрыл тетрадь и снял очки.

Она села напротив, достала из кармана вырванные из журнала страницы, разгладила их. Марина боялась, что рука станет дрожать, – но нет, почти ничего не было заметно.

– Я вас видел на Петровке, – мельком посмотрев на страницы и сразу переведя взгляд на нее, сказал Иван Григорьевич. – Вы спрятались за кустами, но я вас успел заметить. Я уже имею представление о вашем характере и вашем уме... Короче, я вас ждал.

Она с трудом откашлялась: звуки из горла нужно было вытягивать силой.

- Вы, оказывается, знали моего отца...
- Знал.
- И не любили, надо полагать.
- Это сложный вопрос.

– Теперь правосудие совершилось? – хрипло спросила она.

– Правосудие? – Он удивленно помолчал и ответил не сразу – Правосудие не совершилось.

– Еще нет?

– Еще нет? – снова переспросил он. – Почему «еще»? Вообще нет. Ваш отец должен был понести наказание за совершенные преступления. Но его не наказали. И теперь уже не накажут.

– А это не наказание? – Она возвысила голос, и его взгляд стал еще более удивленным. – То, что произошло со мной, потом его самоубийство...

– Ни к тому преступлению, ни тем более к правосудию это не имеет никакого отношения.

– Это вы мне звонили домой с угрозами?

– Вам звонили с угрозами?

– Знаете... – Она прикрыла глаза и стала разговаривать так, в темноте. – Я устала. Если это делаете вы, то делайте скорее. Я не покончу с собой, это совершенно точно. Поэтому вам придется принимать решение самому.

– Ах вот в чем дело! – сказал в темноте его голос и вдруг изменил свое положение. Наверное, Турчанинов встал и пошел куда-то. Хлопнула дверца шкафа, стукнул стул. – Вы считаете, что я оказался здесь, чтобы вам отомстить? – спросил он издали.

– И мне, и отцу. И вы вполне могли совершить на меня покушение. К милиционеру на встречу я бы пришла. Сказали бы, что это важно для отца, – и я бы пришла.

– Теперь все понятно. – Слышно было, что голос вернулся на место: Турчанинов снова сел за стол напротив нее. – К слову, мы с вами раньше никогда не встречались... Открывайте глаза, хватит.

Она послушно открыла глаза. Он сидел и внимательно смотрел на нее. В руках его был какой-то конверт.

– Через месяц после самоубийства вашего отца ко мне приехал адвокат из фонда, – сказал Турчанинов. – Он передал мне это письмо.

– Чье письмо?

– Вашего отца.

Она взяла листок, растерянно посмотрела на Турчанинова, потом взглянула на листок, потом снова на главврача.

– Читайте, читайте, – поторопил он. – Уже поздно.

«Уважаемый Иван Григорьевич! Больше всего на свете я хочу, чтобы вы испытали удовлетворение, когда начнете читать эти строки. Не потому,

что я раскаялся, а потому, что удовлетворение – первая плата за то, о чем я вас попрошу. Аванс, так сказать, и, возможно, самое ценное, что я вообще могу вам предложить. То есть я, как обычно, меркантилен, я все считаю и пересчитываю, и даже на краю смерти продолжаю считать и пересчитывать.

Простите меня за сумбурность, мое состояние в последнее время очень тяжелое, я страшно устал.

Уже написав первые предложения, я понял, что не знаю, какой будет ваша реакция. И будет ли в ней присутствовать удовлетворение? Я плохо представляю ваш образ мыслей, и раньше его плохо представлял.

Точнее... Я считал вас недалеким человеком, простите за искренность. Однажды вы меня спросили: мучает ли меня совесть? Это был глупый вопрос. Я сражался в жестоком мире по законам жестокого мира. Совести вообще нет, она придумана для таких, как вы, чтобы вы не мешали таким, как я. То есть, если пользоваться терминами нашей с вами великой литературы, вы тварь дрожащая, а я право имею. Достоевский наказал Раскольникова, но это такой вымученный и нереальный конец истории! Никакого наказания не было, и раскаянья не было, говорю это вам по секрету, как человек, убивший не один десяток старушек-процентщиц. Возможно, наказание и раскаянье приходят после смерти, но я не верю в загробную жизнь.

Вы спросите: а нет ли у меня подозрений, что покушение на мою дочь стало таким наказанием? Клянусь, что никогда не рассматривал его под таким углом зрения! Ни единой секунды я не думал, что Бог решил покарать меня за преступления. Знаете, почему ее хотели убить? Потому что я где-то допустил ошибку, а скорее всего, проявил непростительную мягкость – пощадил врага. И это лучшее доказательство того, что я был прав в своих предыдущих жестокостях, которые вы так фанатично разоблачали.

Теперь вы имеете полную картину моего характера. И вам легче будет принять либо не принять мое предложение.

Дело в том, Иван Григорьевич, что на сегодняшний день вы единственный человек, кому я верю. Вот так! Если я в чем-то и раскаялся, так это только в том, что я бесконечно и бессчетно растлевал людей. Я где-то читал, что царский режим проиграл большевикам потому, что большевики не ставили себе никаких моральных ограничений. Царский режим не мог себе этого позволить – он был уверен, что просуществует века, и не имел права брать в союзники подонков. С развращенными людьми можно победить и некоторое время продержаться, но потом они

начинают играть против тебя самого.

Я никому больше не верю! Я увидел, что падение человека не имеет пределов, у низости нет дна. Вы скажете, что я сам и проделывал эти ямы в человеческих душах. Да ладно вам, Иван Григорьевич! Это ваш бог их проделал, это его анатомическое изобретение.

В общем, единственный человек, кто оказался мне не по зубам – это вы. И я думаю: может, вы окажетесь не по зубам тому, кто захочет навредить Марине?

Я ее оставляю. Главврач сказал мне, что лгал все эти годы, что и ему сразу было понятно – Марина не встанет. Я не хочу, чтобы она умерла первой. Первым должен умереть отец.

Но у меня остаются некоторые опасения... Я даже не могу их правильно сформулировать... Короче, Иван Григорьевич, я дал поручение фонду следить за ее состоянием и достойно похоронить ее. Но если что-то им вдруг покажется странным, если у них появятся хоть малейшие подозрения, они должны обратиться к вам за помощью.

Потому что вы хороший следователь. Потому что вы честный.

И потому что у нас с вами была дуэль, которую необходимо закончить.

Простите за высокопарные слова... Прощайте».

Она тихонько перевернула листок, отодвинула вырванное интервью, закрыла лицо рукой.

– Вы оказались не по зубам... Он предлагал вам взятку во время следствия?

– Да.

– Много?

– Очень много.

– И только после того как вы отказались, он начал пугать?

– Не думаю, что угрозы были настоящие. Он предложил мне взятку, когда все остальные уже были куплены. Иногда мне казалось, что он просто хочет моего морального падения, чтобы доказать самому себе: все продается и все покупается. Я предложенной суммы не стоил, на том этапе я мог лишь чуть-чуть помешать, но решать его судьбу уже не был способен.

– Вы отказались от денег, чтобы тоже доказать: не все продается и не все покупается?

– Но это ведь так, Марина? – немного растерянно сказал он. – Это такая очевидная вещь, что даже неудобно говорить о ней! Разве можно купить себе память? Или купить мать? Вы не вернете отца ни за какие деньги. В мире покупается очень ограниченное число вещей. Не понимаю, откуда взялась иллюзия, на которой ваш отец строил свою жизнь. Наш

народ при советской власти был излишне романтичным, теперь стесняется своего романтизма и стал излишне циничным. Это пройдет, это как у подростков: стыдно подарить букет любимой девочке, значит, надо дернуть ее за косичку... Ничего, все пройдет... Марина, получив это письмо, я не испытал никакого удовлетворения. Мне тогда было не до писем – у меня началась очень трудная жизнь. Я ведь и его самоубийство воспринял равнодушно, лишь мельком подумал, что это письмо – доказательство именно самоубийства. А два месяца назад меня нашел адвокат фонда, который сказал, что, кажется, наступило то время, о котором писал Королев. Главврач Сергеев стал беспричинно увольнять всех сотрудников и заменять их совершенно новыми людьми. На все вопросы он давал путанные объяснения, заявлял, например, что вас, Марина, могут убить. Это в фонде никому не понравилось. Сергеева решили на всякий случай заменить, а поскольку любая угрожающая вам опасность была предусмотрена завещанием Королева – заменить мной. Мне предложили очень приличный аванс и хорошую зарплату. Я должен был просто понаблюдать, что к чему. Разумеется, я согласился, в основном из-за денег. Я даже не предполагал, свидетелем чего стану! Вы внезапно очнулись. Мне кажется, среди всех ошеломленных я был самым ошеломленным! Кстати, это могут подтвердить в фонде. Это все были их решения, единственная моя самостоятельность – не очень удачная, если откровенно, – это попытка выдавать себя за нейрохирурга Турчанинова. У него однажды консультировался мой бывший коллега с Петровки, он и предложил воспользоваться тем, что мы однофамильцы. В общем, и Иртеньевы, и сотрудники клиники считали, что я нейрохирург Турчанинов. На самом деле, тот врач уехал из России в Америку шесть лет назад, он старше меня, и зовут его Игорь.

– Дождь закончился, – сказала она и вдруг улыбнулась. – Простите меня, пожалуйста.

Турчанинов молчал и глядел на Марину очень печально – у нее сердце сдавила тоска от этого взгляда.

– Да мы квиты, вообще-то, – произнес он после паузы. – Я ведь вас тоже подозреваю.

– Подозреваете меня? В чем?

– Да в том же самом, Марина.

Внезапно замигал свет – видимо, упало напряжение. В коридоре послышались шаги, снова застучал по откосам дождь. «А накопало сколько! – воскликнул голос Елены Павловны. – Что ж вы окна-то не закрыли, штора вся мокрая. Вы знаете, сколько она стоит?» – «Я, между

прочим, охранник! – пробурчал мужской голос. – Ругайте своих медсестер, а ко мне не лезьте! Сейчас я тут буду с пистолетом корячиться, шторы ваши задвигать!» – «Нахал!»

– В чем вы меня подозреваете? – спросила Марина. – Я не понимаю.

– Сегодня на Петровке мне сказали, что бывший главврач Сергеев был в Испании с двадцать второго по двадцать девятое апреля. Тогда же там находилась ваша мачеха Лола, и в те же дни была убита ваша мать. Более того, полиция Марбеллы нашла свидетеля – уборщицу, которая утверждает, что двадцать восьмого апреля Елена Королева сказала ей, что вечером к ней придет гость из России. «Это главный врач клиники, в которой лежит моя дочь», – добавила Елена, а потом спохватилась: «Он просил никому не говорить!» – произнесла она по-русски. Уборщица понимает простые русские фразы, поняла и эту. Сергеев – врач, он сделает любой укол. Елена могла подставить ему руку не под героин. Например, успокаивающее? Или укол от головной боли – она жаловалась уборщице, что у нее страшно болит голова, а таблетки не помогают. Ей вообще таблетки уже не помогали, несколько раз за последний год к ней приезжала медсестра из клиники, чтобы вколоть обезболивающее от мигрени. Ампулы с этим лекарством лежали у нее в кухонном шкафу. Так что Сергеев мог вызваться сам, а потом подменить лекарство. Есть и еще одна неприятная информация – ее мне на днях сообщили коллеги с Петровки. Сергеев и Лола – любовники. Давние любовники. Сергеев стал главным врачом по ее протекции, это она перетащила его из медицинского института, где он закончил аспирантуру и преподавал.

– Моего медицинского института?

– Да.

– Но зачем им было убивать мою мать?

– Да только для одного, Марина... – Он помолчал, глядя куда-то вниз. Ему не очень хотелось продолжать. – Елена – ваш последний родственник. Она умерла, ее кремировали. Если бы кому-то надо было провести генетическую экспертизу с целью определить, являетесь ли вы ее дочерью, то теперь у него этой возможности нет.

– А зачем ему эта возможность? – Она вдруг закашлялась и неожиданно закричала в полный голос: – Зачем ему эта возможность?!

– Да разве известно, кто вы на самом деле? – спокойно спросил он. – С чего это вы вдруг очнулись?

– Вы... что вы имеете в виду? – Ей показалось, что из нее выкачивают воздух: живот словно втянуло изнутри.

– Успокойтесь, пожалуйста...

(Дышать нечем!)

– Что вы имеете в виду?!

– Марина, успокойтесь.

(Как не хотелось при нем расплакаться! Как болела голова!)

– Марина, успокойтесь.

– Это вы успокойтесь, вы, придурок! Что вы тут несете, вы думаете, я не найду на вас управу? Не смейте следить за мной и моими родственниками, вы, маленький обиженный мент! Продолжаете ненавидеть моего отца?! Он в могиле, слышите вы?! Немедленно покиньте мою клинику и мою жизнь!

– Это не ваша клиника.

– Я сказала – вон! Я позову охранника!

– Хорошо, – сказал он и встал.

– Что-то случилось? – В дверь просунулось лицо больничного охранника, за ним маячила Елена Павловна, тоже, видимо, встревоженная криками.

– Все нормально, – сказал Турчанинов. Он махнул рукой, и они скрылись. Потом он достал из-под стола спортивную сумку. Она была потертая, старая. – Я ухожу, Марина, успокойтесь.

Он начал собирать вещи: плащ и пиджак из шкафа, какие-то тетради и книги из ящиков стола – Марина смотрела на него, тяжело дыша.

Потом он постоял немного, соображая, наверное, не забыл ли чего, снова залез в стол, достал оттуда пачку сигарет, сунул в карман. Ни слова не говоря, двинулся к дверям.

– Стойте! – Она вскочила и вцепилась в его рукав. – Я вас не отпущу! Объясните!

– Уже поздно, Марина, у меня семья.

– Я вас не отпущу, сказала же! С чего вам вообще пришла в голову такая бредовая идея?! Вы должны провериться у Иртеневой в институте Сербского, слышите? Есть же отпечатки пальцев!

– Ваши? Откуда? Вы же не задерживались милицией... Как и Лола.

– Группа крови!

– Ваша была вторая, резус положительный. Отпустите мою руку, мне больно, вы прищемили кожу...

– А сейчас какая у меня группа?

– И сейчас вторая... Марина, мне больно! У Лолы была такая же группа.

– Тело! Волосы! Все остальное!

– Что остальное, Марина? Пять лет вас никто не видел, кроме врача

Сергеева. Кто знает про остальное? Все бумаги исчезли! Кто вообще мог бы этим заняться, кроме меня и фонда? А в фонде не будут. Они уже не рады, что наняли меня! Если настоящая Марина Королева в конце апреля умерла, как и должна была по мнению всех без исключения врачей, то кого заботит подмена? Если на Маринино место легла другая молодая женщина, если она, бедняга, сделала себе пластическую операцию – навела эти оспины – то, черт возьми, может, у нее есть оправдания? Она все теряла в случае Мари-ниной смерти. Разве это справедливо? Что это за иезуитская жестокость вашего отца? Что за безумная страсть искушать людей?! Кем он выглядел в собственных глазах – дьяволом, богом?

– Он хотел, чтобы она поддерживала во мне жизнь как можно дольше, – прошептала Марина: теперь она не держала его руку, а держалась за нее. – И я очнулась! Отец рассчитал правильно! – Она уже плакала, размазывая слезы рукой.

– Не трите! Нельзя, чтобы попала грязь!

– Скажите, что вы ошибаетесь, прошу вас!

– Неделю назад я нашел маленькую косметологическую клинику в Семеновском переулке. Про нее и раньше была информация, что там занимаются всякими незаконными вещами. В ее компьютере есть имя Лолы Королевой. Она записалась на прием тринадцатого апреля. Потом пришла еще раз – четырнадцатого. Я туда съездил. Вначале они утверждали, что она приходила по поводу омоложения, потом стали лепить какую-то чушь, мол, она хотела сделать пластическую операцию, но передумала. Потом совсем запутались. Они страшно испугались моего визита! Через своих ребят из налоговой я проверил все их счета. Захватил и личные. По кредитной карточке Лолы Королевой хозяину клиники было заплачено пять тысяч долларов. Я спросил: «За консультацию? Не многовато ли?» Они стали говорить: предоплата. О'кей, за что? Почему не на счет клиники, а на личный счет? В ответ опять всякая муть. Если они изменили человеку лицо, то в документах этой операции не будет. А вот след денег остался. Но они будут молчать, как бы на них ни давили. Это уголовное дело. О таких случаях нужно обязательно сообщать в милицию.

– Пожалуйста, скажите, что вы врете, пожалуйста!

– Марина, я не уверен, что Лолу нужно разоблачать, – вот что я лучше скажу. Все устали от этой бесконечной истории. Империя Королева развалилась, умирает и фонд. Скоро умрет клиника. Его дочь оставалась никому не нужным напоминанием из прошлого, все ждали ее смерти. Если она умерла, то все рады, если очнулась, то все тоже рады. Но нет ни одного, кто бы радовался больше других или больше других огорчался. Любой

исход воспринимается одинаково. В последних числах апреля, после возвращения из Испании, мачеха Марины исчезла. Ее нигде нет! Если это она очнулась в клинике, то пусть будет так. Большинство людей – девяносто девять из тысячи – не против и такого исхода.

– А тысячный?

– А тысячный – я. У меня есть это письмо от Михаила Королева, и мне решать, как поступить. Хотелось бы только заметить, что лучшая месть Королеву, если бы я хотел мстить, – это примкнуть к девятистам девяноста девяти. А может, и он бы к ним примкнул? Если Марина умерла, то какая разница, кому достанутся эти ошметки былого состояния? Ведь дело-то только в них – в наследстве.

– А если ее убили? – Она не выдержала, зарыдала в полный голос. – И кто мне звонил с угрозами?

– Никто вам не звонил, перестаньте. Я подозреваю, что вы все помните на самом деле...

– Я не помню, не помню, не помню!!! Дверь распахнулась.

– Да вы что, Иван Григорьевич! Не ожидала от вас! – завопила Елена Павловна, врываясь в кабинет, как ураган. – Это же истерика!

Тут же прибежала медсестра, промелькнул Маринин шофер... Она все видела, как в тумане, ее вели под руки: вот она, милая белая палата, уснуть бы навсегда – в вену ткнулся шприц – «последняя картинка, которую видела мама... мама? или не мама? как хорошо ничего не помнить, ничего не знать...»

Ей приснились синие железные ворота. словно она смотрит на них, а сердце ее бьется в два раза быстрее, чем обычно. Под воротами утоптанная земля, торчит морда лежащей на земле собаки...

Марина глубоко дышит, чтобы успокоить сердце.

Она смотрит вперед – справа от ворот табличка с адресом.

«Улица летчика Ивана Порываева, дом 17».

Она медленно подходит и нажимает кнопку звонка. Собака изумленно поднимает глаза – видны красные полукружья век. Стучит собачий хвост, поднимая пыль с земли. Где-то далеко раздается звонок...

«Ну вот и все, – говорит голос внутри нее. – История начинается. Отныне ты сама принимаешь решения».

Турчанинов не обманывал, когда говорил, что в фонде не рады его активности. Ему об этом сказали даже не намеками – а прямо. Это произошло за два дня до встречи с Мариной.

В клинику позвонил адвокат Крючков, и уже по тому как он покашливал, приглашая Ивана Григорьевича приехать, стало понятно, о чем пойдет разговор.

В холле Турчанинова встретила симпатичная девушка в мини-юбке, эта девушка повела его за собой.

Они миновали выщербленные мозаичные круги, чугунные скамейки, мраморные скульптуры – он смотрел, как весело девушка виляет загорелыми бедрами, и ему тоже стало весело: и от девушки, и от этой Римской империи времен упадка, и, главное, ото всей этой нелепой истории, участником которой он стал.

«Да-а, Иван Григорьевич, – думал он, заходя за девушкой в лифт, – никогда не надо бросаться словами. Заявил ты в том злополучном интервью, что не желаешь быть героем фарса – с тех пор только в комедиях и играешь».

Уход из милиции дался ему тяжело. Вначале, пока приезжали все эти корреспонденты, пока звонило начальство, оставался хоть какой-то кураж. Ему казалось, что он в центре истории, он – трагический персонаж, несущий послание развращенному миру. Но интерес к нему быстро пропал, его заслонили сотни других персонажей, и вокруг него воцарилась пустота.

Начитанный, образованный и вдумчивый человек, он вдруг впервые в жизни стал размышлять о смысле вечных историй. Он начал понимать, что не сам жест является испытанием, а то, что происходит после – долгие-долгие годы после. Никакой гарантии, что твой жест оценят или хотя бы заметят, – так и живи с этими постоянными сомнениями.

Его друг – самый близкий, всегда под цифрой «3» на мобильном телефоне – говорил ему: «Не зря христиане считают гордыню страшным грехом. Впал ты в этот грех, Иван! Разве может полководец уходить из армии из-за одного, пусть даже крупного, поражения?»

«Да не одного! – горячился он. – Не одного, понимаешь?! Что это за война такая: собственные солдаты играют на стороне противника, генералы сообщают ему планы операций! Эта игра – поддавки?»

«И уныние – грех!» – грозил тот пальцем.

Отсидевшись полгода в образовавшейся тишине, он устроился в коммерческие структуры. Стал начальником службы безопасности большого частного подмосковного санатория.

Турчанинов ожидал, что здесь, в рыночном мире, ему будет очень сложно найти свое место. Всю предыдущую жизнь он посвятил службе государству и о свободном рынке думал с некоторым ужасом.

Оказалось, что законы здесь намного проще, а правила – намного ясней. Бизнес мог существовать в очень узких рамках целесообразности – они сами выстраивали его и не давали отклоняться в стороны.

Государственная машина, которой Турчанинов отдал столько лет жизни, была устроена намного хуже. Она была неповоротливой, жадной, требовала постоянного всеобъемлющего надзора, и этот надзор надстраивался все новыми и новыми этажами – казалось, процесс не закончится никогда.

Воспринимал ли он себя дезертиром? Да. Но эта мысль не очень беспокоила его.

Оказавшись на другом берегу, он яснее разглядел, с каким врагом боролся. Развращенность была всеобщей, и теперь стало понятно, что победить Королева он бы не смог никогда.

Михаил Королев выиграл дело потому, что абсолютно все, от кого это дело зависело, поддались тому или иному искушению. Пять лет назад Турчанинов думал, что искушение исходило от Королева, что этот человек был главным искусителем, почти уже не человеком – дьяволом. Но постепенно бывший следователь остыл. Для себя он решил, что не Королев был здесь главным действующим лицом. Все девяностые годы российская история играла какие-то мощные партии, и не то что Королев – президенты были пешками. Покончивший с собой богач был не хуже других убийц и воров, а Турчанинов видел всяких и некоторых даже жалел. Пожалел он и этого запутавшегося человека.

И перестал о нем думать – тогда казалось, что навсегда.

«Человек предполагает, а Бог располагает... Что же мне теперь делать?» – вот о чем он размышлял, подходя к кабинету адвоката.

Крючков сразу повел Ивана Григорьевича в ресторан, но не в общий зал, а в сигарную.

Пока им на столик ставили тарелки с салатом (новомодным, состоящим из одних листьев – Турчанинов такие не любил) и бифштексом, пока разливали красное вино по бокалам, он оглядывался по сторонам.

Комната была обита деревянными панелями почти до потолка. Вдоль стен стояли темные стеллажи. Почти все они были заставлены

полированными ящиками для сигар. В центре комнаты зеленые кожаные кресла образовали несколько кругов с низкими столиками посередине.

Они с Крючковым сели у стены – за ширмой. Здесь стол был не низкий, а обеденный, и стояли не кресла, а стулья, впрочем, тоже кожаные. «Для конфиденциальных разговоров», – добродушно подумал Турчанинов. Настроение улучшалось с каждой минутой. Он был уверен, что через полчаса освободится от этого мутного дела.

Официант поставил на стол третий прибор.

– Кто-то еще подойдет?

– Наш главный юрист, – оглядываясь, пояснил Крючков. – Да вот и он. Сейчас заморим червячка! – Адвокат удовлетворенно потер руки.

К их столу подошел вальяжный улыбчивый мужчина в красивом костюме. Он протянул руку, невнятно представился. Турчанинов не стал переспрашивать, ему показалось, что мужчина специально скомкал свое имя.

– Болезненное воображение было у нашего дорогого отца-основателя! – сказал мужчина, усевшись за стол и радостно осмотрев сервировку. – Уж вас-то зачем он рекомендовал для такого дела? Я всегда говорил, что Мишанина вседозволенность сделала его немного ненормальным. Это, знаете ли, обычное дело: человек не может не мечтать об ограничении собственных полномочий, он хочет, чтобы мир имел строгую форму и твердые стены. Если стен нет – или ему кажется, что их нет, – человек просто впадает в отчаянье.

Крючков осуждающе посмотрел на него, но главный юрист не обратил на это внимания.

– Бифштекс слишком сух! – заявил он.

– А я не люблю с кровью, – улыбнулся Турчанинов.

– Не раскусили еще ее прелести... Кровь – это всегда прелестно.

– Борис Борисович! – сердито сказал Крючков. – Давайте без философствований. Мы собрались по серьезному делу...

– Да как же без философствований, коллега? Как же без них-то? Никак без них нельзя! Михаил Александрович написал это свое посмертное письмо, чтобы что? Объясните мне, дураку, пожалуйста! Что это за дешевая комедия?

Крючков стал совсем хмурым, и Турчанинов решил вмешаться.

– Дешевой комедией это стало в тот момент, когда Марина очнулась, – сказал он. – Если уж упрекать кого-то в плохом воображении, так это судьбу.

Они вдруг одновременно посмотрели на Турчанинова с одинаковым

выражением – и он понял, что сказал то, что надо.

– Редкий медицинский случай... – осторожно произнес Крючков. – Но не небывалый.

Главный юрист откинулся на спинку стула и весело оглядел их, покачивая головой.

– Мы что – на дипломатических переговорах? – громко спросил он. – Решаем судьбу крылатых ракет средней дальности? Да что вы в самом деле – ходите вокруг да около! Иван Григорьевич, мы хотим, чтобы вы знали нашу позицию.

– Я ее знаю. Но она мне не совсем понятна. Какая проблема, если выяснится, что...

– Да огромная проблема, огромная! Вам не приходило в голову, что это вообще невозможно доказать?

– Ну уж.

– Не ну уж! Не ну уж! Это что за процесс будет курам на смех? Фонд и так дышит на ладан, у него плохая репутация, чего скрывать. А тут такой шум! И главное – как докажешь? Девушка все равно пять лет считалась неживой. Медицинские документы куда-то пропали...

– Их забрал Сергеев, – с набитым ртом пояснил Крючков.

– Ну вот! Остаются люди, которые там работали. Все они давние коллеги Сергеева, мы посылали к некоторым из них своих юристов, осторожно порасспрашивали...

– «Осторожно»! – саркастически передразнил Крючков.

Юрист пренебрежительно отмахнулся.

– Короче, они будут молчать. Даже если бы Елена Королева была жива... Предположим, она жива. Тогда это она начинает процесс... – Он поразмышлял немного. – Нет! Все равно курам на смех! Наркоманка, которая хочет унаследовать имущество внезапно очнувшейся дочери, заявляет, что дочь подменили. Бред сивой кобылы! Особенно учитывая скудную техническую базу нашего следствия! Если бы мне было позволено выбирать, я бы стал адвокатом Марины, а не Елены. Ее дело выглядело бы верней. А уж теперь, когда Елена мертва!

– Иван Григорьевич, а можно я задам один вопрос? – сказал Крючков.

– Задавайте.

– Вы сами-то как думаете: эта очнувшаяся, она кто?

Турчанинов наклонился над тарелкой и видел только их безголовые костюмы, нависающие над столом. Они напряглись и замерли, ожидая ответа. Ему даже показалось, что они не дышат.

– А вы почему заподозрили? – выдержав паузу, спросил он.

– Это все наш дорогой Крючкотворов, – недовольно выдохнул юрист. – После беседы с Мариной по поводу завещания он вдруг заявил, что покойный Мишаня описывал ему совсем другую девочку.

– Девочку! – подняв вилку, отметил Крючков. – Девочку! А та, что разговаривала со мной в клинике, была холодной и умной, как змея. И это после амнезии? Да не смешите меня, пожалуйста. Все она помнит!

Юрист снова задумался, как бы проигрывая разные сценарии будущего дела:

– Но ведь должны быть какие-то физиологические доказательства? Группа крови, цвет глаз? – неуверенно предположил он.

– Одинаковые.

– Ну хорошо, атрофия мышц! За пять-то лет!

– Вы же сами, Борис Борисович, возмущались по поводу счетов за швейцарские аппараты, – довольно ехидно сказал Крючков. – И потом, это надо было в первые дни определять. А теперь-то, спустя два месяца, что вы докажете?

– Да я и не собираюсь ничего доказывать, милый мой Владимир Викторович! – завопил юрист. – Что я могу утверждать, если я ни ту ни другую в глаза не видел? Вы с Лолой несколько раз общались, и то не уверены. А уж Марину-то мы все знаем лишь по фотографиям пятилетней давности! Без шрамов! Со шрамами ее никто ни разу не фотографировал!

Крючков повернулся к Турчанинову, слегка нахмурился.

– Вы не ответили на наш вопрос, Иван Григорьевич, – сказал он. – Как вы думаете, подмена возможна?

– Да. В конце апреля Лола пропала, перед этим она заплатила косметической клинике пять тысяч долларов. Очень вероятно, что она причастна к убийству Елены Королевой. Может, и любовник ее причастен? – Он быстро перевел взгляд с одного на другого: и юрист, и Крючков опустили глаза. – Вы знали, что Сергеев и Лола любовники?

– Да. Случайно узнали год назад.

– Хорошо же вы контролировали ее лечение!

– Ну так лечение, а не моральный облик ее мачехи и главврача.

– Это было не опасно – оставлять такую гремучую парочку у кровати больной?

– А что мы могли сделать? У Лолы были все полномочия. По завещанию она надзирала за нами, а не мы за ней.

– Могли бы, по крайней мере, сказать мне об этом.

– Знать бы где упадешь, соломку подстелил бы... Так вы считаете, Елена была убита, потому что она одна могла быть заинтересована в

возбуждении дела?

– Да, она могла заявить, что ее дочь подменили. И могла доказать подмену с помощью экспертизы ДНК. Ну и, наконец, у Лолы есть мотив: в случае Марининой смерти она оставалась совершенно без средств к существованию.

– Да и бог с ней, – еле слышно прошептал юрист.

– Но есть и некоторые осложнения. – Турчанинов взял бокал с вином, поставил локти на стол. – Все это готовилось, пока Марина была жива. Почему был выбран конец апреля? Может, произошло ухудшение ее состояния? Может, стало понятно, что она умрет со дня на день?

– Очень реальная версия!

– А по-моему, так нереальная, – лениво сказал Иван Григорьевич. – Куда реальнее, что они и без того собирались ее убить.

Юрист всплеснул руками.

– Почему же не собрались раньше?

– Не так это просто, наверное.

– А что такое «убить» в ее положении? – тихо спросил Крючков. – Вам не приходило в голову, что это значит лишь отключить один очень дорогой аппарат? Отключить его можно во многих случаях. Например, надолго пропадает электричество в районе. Или у фонда больше нет денег содержать ее.

– Есть еще ее имущество.

– А знаете, насколько бы его хватило? Вы вообще знаете, когда бы этот аппарат пришлось отключить, если бы Марина... если бы она не «очнулась»?

– Через год максимум, – сказал юрист.

– Так вам повезло, значит? – благодушно спросил Турчанинов.

– Да уж, не хотелось бы принимать такое решение...

– А на что вы рассчитывали, когда нанимали меня?

– Да на другое, Иван Григорьевич, поверьте, что совершенно на другое! Мы знали, что Сергеев – Лолин любовник. Однако мы не подозревали его ни в чем плохом – он обычный жиголо. Но он ведь стал увольнять людей и объяснял при этом, что Марину могут убить. Мы ему поверили! Если бы ее убили, это был бы страшный скандал. Он нам был не нужен. Поэтому мы вас и наняли. Охранять!

– Что ж, – произнес он. – Я выполнил задание. Она жива и даже здорова. Да! – Он совсем развеселился. – Я перевыполнил задание!

Может, ему показалось, но два еле слышных вздоха облегчения поднялись над пустыми тарелками.

– А сейчас по сигаре, господа! – радостно произнес юрист. – Как вы к сигарам относитесь, Иван Григорьевич? Нам тут давеча привезли кубинские.

– Да уж, ничего не скажешь – перевыполнили, – улыбнулся Крючков. – И за это вам полагается хорошая премия.

– Голубчик, принеси нам кубинские сигары вон на тот стол... И коньячку. Обмоем премию?

– Я бросил курить.

– Так это же сигары, Иван Григорьевич! Побойтесь Бога! Мы никто не курум – мы вкушаем!

«Нет, нет, нет, нет! Вам не удастся свести меня с ума!» – бормотала она с самого утра. Это заклинание Марина придумала, когда проснулась. Палату заливал солнечный свет, на столике стоял завтрак: яичница и кофе.

Она резко встала – специально, чтобы закружилась голова, – но голова не закружилась.

«Ты здорова как бык! Может, ты вообще здоровая молодая девка, выращенная на украинских фруктах. Не бледный московский ребенок – а южная крепкая красотка!

Нетнетнетнетвамнеудастсясвестименясума, во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь!»

Ей очень хотелось есть, и она буквально проглотила все продукты с подноса.

«Южный такой аппетит! Так и должна кушать эта энергичная мадам – она так все кушает: мужиков, квартиры, бриллианты! Ну, хорошо, пусть так. А почему это тебя, собственно, пугает? Какая тебе разница?»

Марина изумленно прислушалась к этой мысли.

Действительно, разница?

«А потом придет еще один следователь и скажет: «Извините, опять промашечка вышла. Вы и не Лола, вы бывший главврач Сергеев! – Она прыснула, и последние крошки вылетели изо рта на полированную поверхность стола. – Из-за собственной жадности вы сменили пол и уменьшили рост, вывели волосы на ногах и приклеили грудь. Вон, видите, она у вас отклеилась справа?»

Она не удержалась и посмотрела через ворот ночной рубашки: нет, не отклеилась.

«Так что не в Лоле дело, – сказала она себе. – Дело в правде. Выясни правду, и больше никто не навяжет тебе своей лжи. Ни о тебе самой, ни об отце, ни о Лоле, ни о черте лысом».

Шофер еще не приехал, но это было к лучшему: она его немного стеснялась. Ей дали машину клиники. Пока ехали по парку, она изучала карту, наконец нашла этот маленький Семеновский переулок.

Оказалось, это рядом... Сердце неприятно заныло.

Косметическая клиника находилась во дворах. Вокруг стояли серые кирпичные пятиэтажки, в одной из них, видимо, было общежитие – у подъездов сидели женщины в халатах, бегали дети, под окнами висело

выстиранное белье.

Это был старый зеленый район, заросший тополями и липами. В общем, даже уютный.

Она поправила темные очки, поднялась по ступенькам крыльца – нога застряла в выбоине, пришлось ее с силой дернуть – из-за этого слетела босоножка.

«Клиника, конечно, еще та!»

Внутри было еще хуже. Пахло чем-то несвежим: здесь, видимо, курили. Бежевые кресла из кожзаменителя посерели от грязи – особенно засаленными были подлокотники.

«Неужели Лола пришла сюда, чтобы сделать какие-то процедуры? Это невозможно. Ее внешность была ее главным капиталом, у нее были очень большие средства. Как сюда вообще можно забрести?! Только если... Как сказал Турчанинов: эта клиника известна тем, что здесь занимаются не совсем честными делами...»

Ей очень захотелось выбежать на солнце, но она сжала зубы.

«Даже если ты Лола, ты все равно пока не знаешь правды! Почему покушались на Марину, почему Михаил Королев выбросился из окна, кто звонил по телефону с угрозами – тебе придется выяснять это в любом случае!»

Из-за стойки администратора поднялась отечная женщина лет тридцати. Во рту у нее была сигарета.

– Ты записана? – сипло спросила она.

– Нет... У вас есть свободные врачи?

Женщина, не скрывая любопытства, рассматривала ее лицо. Взгляд был жадным, хамским.

– У нас один врач вообще. Он освободится через десять минут. Подождешь? Консультация стоит восемьсот рублей.

– Дороговато.

– Это хороший врач.

– Я подожду.

«Один врач – это хорошо. Шансы на то, что это он занимался моим лицом, очень велики. Он должен себя выдать... Но какие тебе еще нужны доказательства, бедняжка? Пять тысяч долларов были уплачены прижимистой Лолой этому грязному притону. Консультация стоит восемьсот рублей! За что она им платила?»

Открылась боковая дверь, из нее вышла прыщавая девчонка (видимо, из тех, что сидели у общежития), за ней – мужчина лет сорока в белом халате. Халат был ослепительным на фоне остальной грязи. Мужчина

подошел к администратору, отдал ей бумажку с написанными от руки цифрами и тут заметил Марину.

Он внимательно посмотрел на нее. Администратор его что-то спросила по поводу счета, он на секунду отвлекся, потом снова повернулся к Марине.

– Вы ко мне? – спросил он.

Она, не отрываясь, наблюдала за ним сквозь очки. Выражение его лица казалось ей немного странным, но не таким, какого она ожидала.

Если именно он навел ей эти шрамы, как он должен реагировать? С какими словами они расстались с Лолой? «Учтите! Ничего не было! Я буду все отрицать!» Но почему Лола перевела деньги с карточки, если все так секретно?

– Вы ко мне? – с возрастающим недоумением повторил врач.

– Да, я к вам.

– Заплати сначала! – грубо сказала администратор.

Она заплатила, вошла в кабинет, сняла очки, села в кресло под лампой. Он возился у какого-то столика, поглядывая на нее из-за плеча. Вид его был слегка озадаченным. Казалось, он ждет, что она первой начнет разговор.

– У меня шрамы, – произнесла Марина. – Что можно сделать?

– Как вы о нас узнали? – вдруг спросил он. – Это ваша машина стоит под окнами?

– «Мерседес»? Да.

– Как вы о нас узнали?

– Знакомые рекомендовали...

– Какие знакомые?

– Они просили не говорить...

Он резко повернулся, подошел, сел над ней, направил лампу.

– Откуда эти шрамы?

– Кислотой плеснули.

– Давно?

– Пять лет назад.

– Что вы хотите?

– Как-то отшлифовать... Говорят, можно улучшить...

– Я вспомнил, где вас видел! – вдруг сказал он. В его голосе послышалось явственное облегчение и одновременно злость. – Лучше вам уйти. Немедленно!

– Вы ведь в клинике не единственный врач?

– Я не хочу ничего знать!

– Где вы меня видели?

– И машину вашу видел! Именно этот «мерседес». Уходите, не впутывайте меня, пожалуйста.

Больше ничего добиться было нельзя. Администратор уже стояла наготове: за уплаченные авансом восемьсот рублей она готова была биться до последнего дыхания. Марина не была готова – она вылетела из клиники так, что снова потеряла босоножку.

«Похоже, это правда! – ошеломленно думала она. – Этот человек видел меня на «мерседесе» две тысячи третьего года выпуска. Но он не мог видеть Марину Королеву – она лежала в коме! Что же мне делать?! Где найти силы, чтобы идти вперед?!»

Перед глазами вдруг встал сегодняшней сон. Синие ворота, морда собаки. И этот голос: «История начинается, отныне ты сама принимаешь решения».

– Есть такая улица – летчика Ивана Порываева? – спросила она шофера.

– Есть, – сказал он. – Я там как-то стройматериалы для ремонта забирал. Она вся такая – из одних баз состоит.

– Мне нужно туда, – словно погружаясь в туман, произнесла она.

– Без проблем! – весело согласился он...

Когда отъезжали, врач смотрел на нее в окно, чуть отодвинув грязную занавеску. Халат его сиял, как неоновый светильник.

Мужчина лежал лицом вниз. Белые длинные волосы разметались по плечам, похожие на медузу с грязно-бурой сердцевинкой. Одна рука – заломлена за спину, другая – откинута в сторону и лежит посреди невиданных цветов, переплетающихся лепестки, листки, тычинки, плоды – вокруг руки цвели дивные райские сады, даже под ладонью багровел гранат с треугольной розеткой на верхушке...

– Ковер испорчен, – сказал Турчанинов, чтобы сказать хоть что-то.

– Персидский ковер, Ваня! Шелковый! – Друг протянул ему еще одну стопку фотографий. – Ох, и хорошая квартирка.

– Я знаю, я там был. Получается, незадолго до убийства... Там везде охрана, камеры. Как это могло случиться?

– Ну, ты же прошел, несмотря на камеры?

– Меня он ждал.

– И его он ждал.

– Его?

– Общительный был мужик – этот Сергеев. – Друг вздохнул. – Каждую ночь новая баба. Через день пьянки-гулянки... Одно несомненно – убийцу он провел в квартиру сам. Это был его знакомый.

– Кто обнаружил труп?

– Хозяйка квартиры вернулась из-за границы.

– Когда его убили?

– Дня четыре назад. Сейчас проводят экспертизу. Дамочка в полной истерике, – с некоторым классовым удовлетворением добавил друг.

Турчанинов улыбнулся.

Но улыбка его словно поняла свою неуместность – застыла на лице как-то нелепо, криво.

Чему улыбаться-то? Все совершенно запуталось.

Сергеева мог убить сообщник. Но если предположения Ивана Григорьевича верны, то его сообщник – Лола. Значит, это Лола убила своего любовника? Вполне возможно, ведь он опасный свидетель. Но если он свидетель, значит... Значит, у них все получилось. А если у них все получилось, то Лола – это, действительно, Марина! Так что же: это она убила Сергеева?

– Надо проверить, где была Марина Королева четыре дня назад, – неуверенно сказал он.

«Неужели девчонка может так хорошо играть?!»

– Уже проверили. Разговаривали с ее шофером, он – наш бывший сотрудник. Она в это время уже жила в квартире, а не в клинике.

– Под его присмотром?

– Он ни за что не ручается, – поиграл бровями друг. – Она не дает ему жить у себя. Хочет быть одна.

– Так-так-так... И все-таки это маловероятно. Удар тяжелым предметом? Ведь весь затылок размозжен.

– Я тоже думаю, что это сделал мужчина. Молотком. Кстати, один любопытный момент: квартира напичкана ценными вещами, но убийца ничего не взял. Там и техника, и антиквариат, и золото, и шубы, и все что хочешь. Зато убийца украл мобильный телефон Сергеева! А самое поразительное – это его поведение после убийства.

– В смысле?

– Сергееву постоянно много звонят. Мы уже опросили его приятелей и приятельниц: все они утверждают, что последние четыре дня он был недоступен. Он, но не его телефон! Иногда мобильный был отключен, а иногда – работал. Кто-то снимал трубку и молчал, слушал! Представляешь? Впрочем, последние сутки телефон отключен. Видимо, догадался выбросить. Но почему не выбросил раньше?

«"Абонент не отвечает или временно недоступен", – Турчанинов нахмурился, вспомнив. – Это было четыре дня назад. У Сергеева кто-то был в момент нашего разговора. Да не он ли, не убийца?»

– Иногда снимал трубку и слушал... – медленно проговорил он. – Ждал чьего-то звонка?

– Вроде того.

– А теперь догадался выбросить... Почему именно сейчас? Слушай, да он знает, что тело найдено!

– Сотрудник органов, думаешь?

– Не обязательно. Он может следить за домом. Надо порасспрашивать консьержей или каких-нибудь мамочек на детской площадке: не крутился ли кто-нибудь последние четыре дня. И еще... Даже не знаю, как сказать...

– Да скажи уж как-нибудь.

– Может, проверить, не было ли у Сергеева в гостях дамочки со шрамами на лице? Я, конечно, сам понимаю некоторую неуместность такого запроса, но...

– Уже проверили, – хладнокровно сообщил друг, глядя на него с усмешкой. – Не было такой дамочки. Со шрамами бы запомнили.

– Хорошо, надо показать еще фотографию Лолы. Она красивая, тоже

обратили бы внимание.

– Показали.

– Ишь ты! – Турчанинов завистливо цыкнул. – Молодцы. И что же, не было такой?

– Не было.

– Ну, как раз Лолу-то я нигде и не жду.

– И мы не ждем, – коротко сообщил друг. Они помолчали.

– Слушай, – Турчанинов перебирал фотографии, невнимательно глядя на них; скорее, успокаивал руки. – А если это вообще ни при чем? Ты говоришь: куча дамочек, пьянки-гулянки. Мог ведь и чей-нибудь муж приревновать?

– Мог. Но Сергеев – очень вероятный подозреваемый в убийстве Елены Королевой. Он был в Испании двадцать восьмого апреля, а она в этот день ждала в гости главврача клиники, то есть, получается, его. И еще один момент, Ваня. Это нашли в шкафу.

Друг протянул пластиковую папку, в которой белел листок.

Турчанинов взгляделся – у него волосы зашевелились на голове от ужаса. В верхней части листка была стандартная шапка клиники фонда, дальше шли какие-то цифры, несколько раз появлялась фамилия «Королева».

– Это же из тех бумаг, которые Сергеев забрал из клиники! – растерянно произнес он. – Это Маринина история болезни. Он ее показывал этому человеку?

– Видимо, да. Других листов мы не нашли. Надо полагать, убийца забрал их вместе с мобильным телефоном. Так что связь убийства с историей Марины Королевой очень даже вероятна.

– Эти бумаги разоблачают? – спросил Турчанинов сам себя. – То есть в них есть доказательство того, что Марину подменили?

– Кстати, Сергеев их отдал сам. В шкафах никто не рылся. Этот листок лежал в ящике – он, видимо, выпал, когда Сергеев все это доставал. Либо он его не стал брать, потому что там нет ничего важного. На дверце шкафа есть только отпечатки Сергеева. За день до его смерти приходила хозяйская уборщица, а она старательная мадам, все протирает. Нет, он сам их достал.

– Может, под угрозой? На него наставили пистолет?

– Если был пистолет, почему убили молотком? Да и потом он повернулся к убийце спиной. Сам провел его в квартиру. Нет, похоже, он этого человека не боялся.

Турчанинов снова посмотрел на фотографию убитого. На ней не было лица, поэтому в его памяти навсегда остался лишь нереально синий цвет

глаз да смуглый лоб под светлыми прядями. Очень красивое лицо осталось в его памяти...

Много ему наврал тот человек на их единственной встрече.

– Вы ей нравились? – спросил его Турчанинов тогда.

– Нет, – ответил ему будущий покойник.

– Почему?

– А ей красавцы не нравятся. Ей богатые нравятся. Я для нее нищий и, значит, низший сорт.

– А она вам нравилась?

– Вы интересный нейрохирург. Своеобразный такой...

Вот какой забавный вопрос: нравилась ли Лола Сергееву? И такой сложный – он на него не ответил.

Но перед этим солгал.

Теперь Турчанинов думал: Лола любила бывшего главврача. Их любовь была долгой, и для Лолы она была связана с риском потерять то, к чему она всю жизнь стремилась. Никто не знает, когда эта связь началась – возможно, еще до того как она вышла замуж за Королева. Ведь Сергеев был студентом, потом аспирантом, потом преподавателем медицинского института, в котором Лола работала лаборанткой, а потом и пробовала учиться.

Значит, муж был для денег, а Сергеев для души?

В последние годы жизни Королев говорил всем, что уже не любит жену и готов с ней развестись. Он хотел как-нибудь так все раз-рулить, чтобы не было скандалов – он устал от скандалов. Лола предлагала простой вариант: он ей платит два миллиона долларов, и она тихо уходит.

А он вдруг закусил удила.

Может, будь у него меньше неприятностей, он бы сел спокойно и посчитал. Уж что-что, а считать-то он умел. Да разве его покой не стоил двух миллионов? Наверное, стоил.

Но он уперся, стал воспринимать требование как шантаж, говорил, что она не получит вообще ничего. А может, просто не хотел ее отпускать? Все-таки любил?

А вот Сергеев – как он относился к своей любовнице?

Турчанинов листал уже добытые свидетельские показания. По ним разбежались, расползлись похожие друг на друга женские истории. Везде было одно и то же: роман, романчик, быстрая связь, долгая связь, вот и хозяйка квартиры утверждает, что они спали несколько раз. Сергеев – жиголо. Прав адвокат Крючков.

Как же надо любить, чтобы прощать все это?

Каким же подлецом надо быть, чтобы говорить: не любила?

Наврал ли он насчет другого? Например, насчет Лолиного звонка из Испании? Или насчет причины, по которой он уволил всех сотрудников и забрал все документы? Теперь уже не узнаешь.

Где-то вдалеке раздался звонкий женский смех. Турчанинов поднял глаза от бумаг и задумался.

... Обшарпанный коридор, залитый солнцем. Весна.

– Девушка, вы только представьте, какие у нас могут быть дети! Девушка, я к вам обращаюсь!

Она оборачивается, ее зеленые глаза по-кошачьему сужают зрачки.

– Ну, прямо! Дети! Размечтался...

– Это откуда у нас такой красивый акцент? Девушка никак с Украины? А вы знаете, девушка, что у украинок другое строение некоторых органов?

– Ой, да глянь! Это каких таких органов, интересно?

– Девушка, я, между прочим, врач! Заявляю вам как официальное лицо: у украинок совершенно другие ноги. Они не худые, но очень красивые. Невероятно красивые. Вот как у вас! Завтра у нас семинар как раз на тему украинских ног. Вы не могли бы прийти к нам в виде учебного пособия?

Она смеется, у нее белоснежные зубы. Конечно, он избалованный парень, и таких надо остерегаться – мама предупреждала! – но его глаза светят странным лунным светом. Это судьба. Это любовь.

А за любовь можно отдать все...

Перед нею бетонный забор. Он расходится в обе стороны от синих плотно закрытых ворот. Справа от ворот табличка – «Улица летчика Ивана Порываева, дом 17», под табличкой – кнопка звонка.

В ушах такой же гул, как во сне, а в груди – такое же сумасшедшее биение сердца.

Нет только собаки.

В глазах от ужаса темно, и кажется, что на месте собаки лежит ее тень. Собаки нет, но тень есть. Стучит собачий хвост, поднимая пыль.

Тук-тук, тук-тук...

Нет, это где-то вдали забивают гвозди. Или выбивают ковры?.. Какие ковры, Марина?! Улица состоит из одних бетонных заборов – ни единого дома, хотя здесь и написано: дом 17.

Она подошла к воротам, и вдруг что-то в ней дернулось и заныло.

Марина оглянулась по сторонам: все спокойно, никого нет. Шофер сидит в машине, читает какой-то детектив, мимо изредка проезжают грузовики, тормозя на повороте. Вдали виднеется огромная куча песка, работает ковш экскаватора. Жарко, пыльно...

Она через силу подняла руку и нажала на кнопку. Где-то далеко послышалось слабое треньканье, зашаркали шаги. «Сейчас» – недовольно повторил мужской голос, приближаясь.

Теперь она ждала чего угодно.

Например, ворота откроются, и за ними окажется кто-то, кого она сразу назовет по имени. Или там будет незнакомый человек, он удивится: «Лолка? Привет, старая перечница! Куда пропала?» – и это будет такой человек, который узнает ее даже с этими шрамами. Или это будет еще какой-то носитель тайн, хранитель ключей. Ведь если его синие ворота сняты ей ночью, значит, этот человек...

Ворота открылись, за ними стоял неопрятный старик в черной форме то ли сторожа, то ли разнорабочего. За ним был еще один мужчина – помоложе. Он казался слегка пьяным. Она вспомнила, что сегодня суббота.

– Что надо? – неприветливо спросил старик.

– Это Ивана Порываева, семнадцать? – «Ничего умнее в голову не пришло... Так готовилась к тому, что он сам все скажет, – а он не говорит, он спрашивает...»

– Ну дак здесь написано, что Ивана Порываева. Ты читать, что ли, не

умеешь?

Видно было, что ни тот ни другой не собирались говорить ей: «Привет, старая перечница!»

– Я ищу.. Да, я ищу базу стройматериалов...

– Это не база стройматериалов.

– А что это?

– Это не база стройматериалов, – повторил старик, намереваясь закрыть ворота.

Она вдруг шагнула вперед, придерживая их. Внутри нее опять все заныло, словно от простуды...

– Как же! – сказала она. – Я здесь была несколько лет назад, здесь были такие хорошие цены... База переехала?

– Да не было здесь базы никогда.

– Но я же помню! Здесь еще собака была, она лежала под воротами...

Он перестал давить на ворота и наконец поднял на нее глаза. Было ясно, что ее шрамы не производят на него никакого впечатления. Наверное, и не такое видел.

– Помочь? – крикнул из окна машины шофер.

Она покачала головой.

Более молодой мужик, видимо, только сейчас заметил, что она приехала на «мерседесе». Его взгляд стал более уважительным.

– Когда, говоришь, ты здесь была? – спросил он. – Несколько лет назад? Сейчас-то чего надо?

– Хорошие цены были на стройматериалы, – с упрямством дебила повторила она («Может, подумают, я такая жадная, что не отвяжусь, пока не выясню»).

– Дядя Коля, здесь правда никогда не было базы стройматериалов?

– Да врет она все, – вдруг сказал старик. – Не могла она здесь быть несколько лет назад...

Ей показалось, что в лицо подули могильным холодом. Кончики пальцев сразу стали ледяными.

– Не могла наша собака лежать здесь под воротами несколько лет назад.

– Почему, дядь Коль?

– А потому! – злобно ответил он молодому, не отводя взгляда от Марины. – Потому что ворота наши были заделаны снизу, вот почему! Листы были железные прибиты. С тех пор как Рекс человека покусал. Мы эти листы сняли только полгода назад, они были ржавые, страшные. Так что не выдумывай, дочка, иди подобру-поздорову...

– Во как! – уважительно и равнодушно сказал молодой. – Ты, дядя Коля, прямо припечатал! Пошли дальше пить.

Теперь она ворота не держала. Она стояла перед ними, как баран, – просто тупо смотрела на них. У сказанных слов был только один смысл.

Она была здесь не раньше, чем полгода назад. Как и в косметологической клинике.

А значит, еще полгода назад она не находилась в коме. Она спокойно разгуливала по улицам Москвы – красивая, веселая, – а сама все планировала, планировала свой поступок. Как бы получить наследство Марины Королевой? Как бы подменить собою эту мерзкую дуру, которой все досталось с рождения за просто так? Как бы отомстить этому уверенному в себе богачу, этому жирному пауку, насосавшемуся из людей соков до полного отвращения к себе?

На! Получай!..

Неужели так было?!

«Неужели так было? – прошептала она. – И мне теперь придется знакомиться с собою *такой!* Как мозг смирится с таким поворотом на сто восемьдесят градусов? Из жертвы стать палачом!»

Словно обрадовавшись ее смятению, словно ухватившись за него, как за пузырек воздуха, поднимающийся со дна на поверхность, все картинки, которые она вспомнила за последние дни, выстроились в хоровод, и он медленно плыл перед глазами, похожий на кольцо дыма.

Вот парочка на фоне леса, и не просто на фоне леса, а обязательно сквозь стекло – и глаза вспомнили царапины на стекле.

Вот собака под воротами: такая мирная, такая страшная. И тело снова заныло, а в голове сгустился жар.

А вот и что-то новенькое – поле.

Где-то неподалеку тявкнула собака, Марина резко обернулась.

На блестящем боку «мерседеса» она увидела свою изломанную фигуру: на месте лица светлело пустое круглое пятно. Его пустота была такой страшной, что Марина дернула головой.

По отражению пробежала зыбь, оно пришло в движение – пустое пятно медленно перетекло на стекла. Там все повторилось заново: кривая темная фигура, пустое светлое пятно, зыбь, рама и дальше – небо, уже не отражающее ничего.

Из жертвы стать палачом.

«Да почему же? – мягко спросил кто-то внутри нее. – Ты ведь ничего не знаешь, зачем же ты читаешь приговор? Из какой жертвы и каким палачом? Не приговаривай себя заранее».

«Мудрая мысль!» – сказала она вслух закрытым воротам.

... Ей показалось, что тень собаки привстала и низко наклонила голову...

Премия, которую умирающий, но щедрый фонд заплатил Турчанинову за полтора месяца работы, составила пять тысяч долларов. Он даже не ожидал такой огромной суммы.

Ему ужасно хотелось узнать формулировку – под каким-то же соусом они эти деньги в бухгалтерии провели? – но было неудобно спросить. Да они бы и не сказали. Они с таким восторгом отпустили его восвояси, словно боялись, что он в последний момент передумает.

Иван Григорьевич усмехался про себя. Они, наверное, считают, что следователи бывшими не бывают. Что он, Турчанинов, изголодался по милицейской работе, поэтому набросится на это дело и всех выведет на чистую воду.

Турчанинов понимал, почему они боятся расследований. В завещании Королева было строжайшее условие, соблюдение которого только и давало им такую хорошую и сытую жизнь. Ведь их «Римская империя» может умирать десятилетиями, и все это время они будут набивать свои карманы за ее счет.

Но только в том случае, если за Мариной будет обеспечен нормальный уход.

Они делали все, что могли, но она умерла, как и предсказывали все без исключения врачи. Это печальный исход, но он предусмотрен завещанием основателя.

Они делали все, что могли, и она ожила, вопреки всем врачам, благодаря их непрерывной заботе. Этот исход не предусмотрен завещанием основателя, но это прекрасный исход!

А если они все делали через пень-колоду, и ее убили, после чего подменили женщиной, которую отец-основатель не просто не любил, но еще и лишил наследства? Вот это исход! Предусмотреть такую галиматью было бы трудно, но Королев ее предусмотрел: пользоваться имуществом фонда можно было только в том случае, если о Марине денно и нощно заботились.

В общем, если бы Турчанинов стал упорствовать, начался бы хаос.

Уже в машине он достал деньги, пересчитал их, представляя, как обрадуется жена. «Зарплату вам тоже заплатят полностью! – торопливо говорил ему бухгалтер. – Не волнуйтесь! За два месяца, как договорились».

То есть еще тысяча двести. И еще две тысячи аванса.

Он заработал за два месяца почти десять тысяч!

Турчанинов засмеялся, как мальчишка.

Наверное, Михаил Королев не радовался так своим миллионам, как он этим деньгам.

«А чему он, интересно, радовался? – подумал Турчанинов. – Удачной сделке? Разгрому конкурента? Поражению его – следователя?»

Потом он попытался представить, что ощущают люди, которые получают десять тысяч долларов каждый месяц. Вот как те хозяева квартир, о которых говорил покойный Сергеев. А те, кто им платит десять тысяч, получают еще больше! Как они себя ощущают?

Он весело поразмышлял на тему, куда бы он девал все эти кучи денег. Пристроил тысяч двести, дальше застопорилось – стало как-то скучновато.

Турчанинов завел машину, вырулил со стоянки.

Если бы эти ребята знали, куда он едет! Если бы они догадывались, что он решил не сдаваться, пока не поймет всю правду. Наверное, они правы: следователи бывшими не бывают.

Степан Горбачев был последним человеком из списка, с которым Турчанинов еще не познакомился.

Горбачев приходил в клинику и мог подбросить старую газету, в которой была статья о настоящем нейрохирурге Турчанинове. Человек, подбросивший эту статью в кабинет, хотел сказать главному врачу: «Я знаю, что ты обманываешь. Ты другой Турчанинов. Я хочу, чтобы ты понял: каким бы ни был твой замысел, я знаю о тебе больше, чем ты хочешь». Кому принадлежат эти несказанные слова?

Если газету подбросил Иртеньев, то это мог быть жест презрения. Мол, все у вас в клинике плохо, а уж эти игры в известных нейрохирургов и вовсе недостойные.

Если ее подбросил Сергеев, то он хотел сказать, что понял, почему его заменили. Его заменили, потому что поверили в его опасения. Или потому что подозревали его самого. Но он разгадал замысел и теперь хочет продемонстрировать, что он умнее, чем им казалось.

А если газету подбросил Степан Горбачев?

Чтобы предположить его мотивы, с ним надо хотя бы познакомиться.

Дом Горбачева находился в Северном Бутове, у кольцевой дороги. Наверное, это были первые дома района – первый осторожный шаг города за пределы МКАД. Они стояли крепостью вдоль трассы, здесь было шумно и воняло выхлопными газами.

Турчанинов долго мучился, пристраивая машину, потом долго искал нужный подъезд – все таблички с номерами были замазаны или выломаны.

Наконец нашел.

Лифт не работал, из шахты ощутимо несло гарью.

Ругаясь про себя, он поднимался на десятый этаж.

«И это друг Михаила Королева? – сердито думал он. – Лучший друг, как мне было сказано. Живет в таком плохом доме! В мире Королева не принято помогать друзьям? Да нет, принято, как и везде. Странно».

Дверь ему открыл краснолицый полный блондин в брюках и белой рубашке. Вначале Турчанинову показалось, что мужчина – альбинос, но затем он повнимательнее пригляделся: «Э, нет! Мужик пьет, и пьет давно!»

Движения его рук, тела казались суетливыми, нервными, преувеличенными. Впрочем, многие алкоголики так себя ведут. Наверное, он не хотел, чтобы его пристрастие было заметно: по крайней мере, Турчанинов именно так объяснил себе парадную одежду хозяина квартиры.

Единственная комната оказалась на удивление чистой. Вещей было немного.

– Все равно встретились, – Степан Горбачев шел за ним следом, тяжело дыша («Проблемы с сердцем» – догадался Турчанинов). – Не в тот раз, так в этот. Ну и хорошо.

Они сели в велюровые кресла с вытертыми подлокотниками.

– Что ж вы не дошли-то до меня? Я вас ждал.

– Честно?

– Если можно.

– Боялся я. Вдруг, думаю, поведете к Марине. Это ужас какой! Пять лет человек в коме, очнулась – отца уже нет в живых... В общем, струсил. Когда меня охранник не захотел пускать, я даже обрадовался.

– Мне говорили, вы были друзья с Королевым?

Степан искоса глянул на него. Глаза были воспаленные, красные...

– Да вы понимаете, наверное, что дружба наша была такая... Своеобразная. Вот ни разу не заехал к его дочери... Мы много лет не общались и помирились только незадолго до его смерти. Хорошо помирились, душевно. Всю грязь с себя смыли. Но знаете, такие большие перерывы в отношениях не проходят бесследно. Все равно что-то ушло...

– Понятно. – Турчанинов помолчал. – Степан, мне садовник сказал, что из клиники вы ушли по другой дороге.

Горбачев моргнул, пожевал губами.

– Да, это так, – неуверенно произнес он. – Дело в том, что я увидел человека... Которого не хотел видеть. Он шел навстречу, и мы бы обязательно столкнулись. Он меня не знает, но мне было неприятно. Я, можно сказать, сбежал в кусты.

– А что это был за человек?

– Даже и не знаю, как сказать... Короче, любовник моей бывшей жены...

Турчанинов смотрел на него безо всякого выражения. Голова его, тем не менее, напряженно работала.

«Навстречу Горбачеву должен был идти Сергеев. Он еще и любовник жены Горбачева? Наш покойный пострел везде поспел!»

– Вы имеете в виду Сергеева? – спросил он.

– Я не знаю его фамилии.

– Это такой красивый высокий блондин с длинными волосами и синими глазами?

– Да.

– Я слышал, что он был любовником жены Королева.

Степан недоуменно посмотрел на него, снова пожевал губами.

– Лолы?

– Да.

– Ну так и я о ней.

– Не понял.

– Лола – моя бывшая жена.

– Ваша бывшая жена? – Турчанинов непроизвольно скосил глаза. Он увидел убогую полированную стенку, старый маленький телевизор, потом – грузинский рог для вина, висящий на цепочке. Хозяин перехватил его взгляд и как-то жалко улыбнулся, развел руками.

– Это было давно, – сказал он. – Очень давно.

– Так Королев увел у вас жену? Вы поэтому много лет не общались?

– Да. Но он не уводил. Она бы все равно ушла. Ей нужны были деньги, она была шикарная...

– Значит, ее отношения с Сергеевым начались еще при вас?

– Еще при мне. В первый год нашей жизни. Я их застукал на кафедре, где она работала лаборанткой.

Турчанинов старался не смотреть в упор, но все-таки смотрел внимательно. Никаких особых чувств на лице Степана Горбачева он не заметил. Тот говорил равнодушно, словно не о себе: видимо, все давно перегорело.

По спине Турчанинова пробежали мурашки: как и любой нормальный мужчина, он считал описываемую ситуацию одной из самых страшных на свете. А если потом ты вспоминаешь ее так равнодушно, так спокойно – это еще страшней! Неужели так бывает?! Он часто представлял себя в положении других людей, но теперь в голове образовался некий заслон.

Поставить на это место свою жену и самого себя он не смог.

– Он тогда заканчивал медицинский институт, – добавил Горбачев.

– Если вы их застучали, почему же он вас не знает?

– Я не смог ворваться... – Степан улыбнулся. – Что нужно делать в таких случаях? Наверное, резать их ножом, стрелять из пистолета? Но у меня не было ни ножа, ни пистолета. Я тогда увидел, что эта ситуация скорее смешная, а не трагичная... Я просто тихо ушел.

– То есть скандала вы не устраивали?

– Нет. Потом, очень скоро, она ушла к Мише.

– Говорят, ее отношения с Сергеевым не прекратились и после этого?

Степан помолчал, как-то странно глядя вбок.

– Не прекратились... – нерешительно сказал он.

– Откуда вы знаете?

– Мой институт находится рядом с медицинским. Я ведь когда-то был преподавателем. Я там всегда ездил по короткой дороге. По боковой. Уже после того как Лола ушла, я видел ее с этим человеком. Даже много раз видел. Они целовались за трансформаторной будкой. Там такое тихое место... Она и в общепит к нему бегала постоянно... Она его любила, вообще-то, и сейчас любит, я думаю. Короче, я понял, что Миша тоже с рогами. Мне неприятно признаваться, но я обрадовался.

– Да почему же неприятно? И я бы обрадовался.

– Да?.. – равнодушно спросил тот. – Все равно, наверное, это некрасиво? Ну, в общем, я долго с Мишей не общался, ничего о нем не знал. Читал только в газетах, что над ним идет суд, даже о Марине не слышал. А где-то года два назад он мне позвонил. Сказал, что глупо все вышло, что хотелось бы встретиться. И приехал. Только тогда я узнал, сколько у него было неприятностей в последние годы. Мне его так жалко стало, я даже заплакал...

– А вы не сказали ему о Лолином любовнике?

– Нет. Зачем?

– Значит, вы с ним помирились?

– Да. Мы хорошо поговорили, очень хорошо... И он очень хороший человек. Он мне даже деньги завещал. Я машину на них купил.

За раскрытыми окнами невыносимо гудела дорога. Пахло мазутом, пыльной листвой и немного – лесом, который начинался у дома и расстился зеленым ковром до горизонта.

– Какой у вас тут лес, – машинально произнес Турчанинов.

– Хороший, – Степан снова улыбнулся. – Я на лыжах зимой хожу...

– И дачи не надо.

– Нет, дача – это другое. Вот у меня дом – семьдесят километров от Москвы, от бабушки достался. Что вы! Там все другое, и воздух особенный. А уж в поле выйдешь: тишина, травами пахнет. Что вы... Здесь разве так?

– Дача – это хорошо. У вас по какому направлению?

– По Ленинградке. Не доезжая до Клина.

– У меня там тетка живет в деревне Давыдково. Действительно красиво.

– Давыдково – это чуть дальше. У меня знаете какое название? Рвачи.

Турчанинов засмеялся.

– Никто не верит! – Степан развел руками, улыбаясь.

– Да уж... Значит, когда вы двадцать второго мая пришли в клинику, то не захотели встретиться с Сергеевым и потому свернули в сторону? Вы шли мимо окон коридора. Вы что-нибудь слышали? В коридоре кто-нибудь был?

– Я видел, что он прошел по коридору. Потом он остановился у какой-то двери – его загоразживала занавеска – и начал разговаривать с Лолой.

Турчанинов глубоко вдохнул. Задержал дыхание, успокаиваясь. Осторожно выдохнул.

– С кем?

– С Лолой. Она ведь Маринина мачеха, разве она не была в больнице?

– В тот день – нет. Мне кажется, вы ошибаетесь.

– Может быть, – покорно согласился Степан. – Я просто слышал, как Сергеев говорил Лоле, что она его о чем-то не предупредила, а он волнуется...

– Она отвечала?

– Я не слышал.

– Почему же вы решили, что это Лола?

– А он говорил: Лёлик. Ее так многие называют. Мне показалось, она была в палате. Он сказал что-то вроде: «Сюда идут, я не могу больше разговаривать», потом хлопнула дверь и через несколько минут, действительно, туда подошли люди. Кажется, вы и были. А с вами два пожилых человека – мужчина и женщина – и медсестра.

– Так... Что-нибудь еще вы видели? Вы ведь за ним наблюдали, Степан?

– Да, наблюдал, – спокойно признался тот. – Чего уж скрывать? Я видел, как он выбросил пакет, который был у него в руках до этого.

– Куда выбросил?

– В урну.

– Зачем?

– Он достал оттуда газету и с ней зашел в какую-то дверь.

– В мой кабинет.

– Не знаю. Через несколько минут он оттуда вышел уже с кучей толстых книг. Вот и все, что я видел.

«Итак, пока я разговаривал с Иртеньевыми в своем кабинете, Сергеев разговаривал с Лолой. Это было прямо в дверях Марининой палаты – только там в коридоре была задернутая занавеска: чтобы когда открывалась дверь, Марине не резало глаза. Он мог говорить и по мобильному, но тогда это странное место для разговоров. Мог он говорить и с ней, лежащей в палате... Неужели эта девочка способна так врать?! – снова подумал он. – Впрочем, какой характер нужно иметь, чтобы вообще решиться на подмену! Обезобразить лицо, лечь на место убитой или умершей, разыгрывать амнезию. Да и не только это! Была еще поездка в Испанию, была наркоманка, которой воткнули в вену шприц с героином – ну и нервы!.. Значит, он поговорил с Лолой, а потом услышал, что по коридору идут люди. Пока я находился с Иртеньевыми в палате, он зашел ко мне и подбросил газету... Он знал, что я не врач, а только выдаю себя за врача».

– Вы встречались с Лолой после развода? – спросил он. Степан на секунду задумался, и у Турчанинова вдруг промелькнула мысль, что алкоголик за ним внимательно наблюдает.

– Я ее видел недавно.

– Недавно? Это когда?

– Где-то в конце апреля. Тридцатого числа, кажется. Она ко мне приезжала.

– Сюда?

– Нет, на дачу. Приехала такая черная, что дальше некуда. Из Испании, кажется, вернулась.

– Зачем она приезжала?

– Да хотела посоветоваться.

– У вас были такие хорошие отношения?

– У нее легкий характер, она не любит конфликтовать. Она мне и раньше звонила, но не часто – раза два за год.

– И о чем она хотела посоветоваться?

– Она сказала, что у Марины ухудшение, что она может умереть каждый день. Она назвала это «завихрения в башке», ну там анализы были какие-то сумасшедшие...

– Так.

– А ее Миша пугал, что если Марина умрет, ей ничего не достанется.

Для нее это трагедия, она привыкла широко жить. Да и любовник ее привык... Короче, она меня спросила: «Ты как думаешь, он пугал или серьезно мне ничего не оставил?»

– А почему она это спрашивала у вас?

– Она считала, что я его лучше знаю. Видимо, он хорошо обо мне отзывался. Ее впечатлило, что он сам мне позвонил тогда, он вообще-то был гордый, для него это нехарактерный поступок.

– И что вы ей сказали?

– Что не знаю.

– Вы действительно не знали? Или думали, что Королев ей ничего не оставил?

– Я не думал, что там есть какие-то шансы. Впрочем, она сказала: «Ты с ним был в таких плохих отношениях, а он тебе деньги на машину завещал. Может, и мне завещал?», а потом добавила: «Скорее всего, нет. Такая скотина».

– Она была искренняя девушка, – сказал Турчанинов.

– Почему вы говорите: была?

Они оба замолчали, глядя в глаза друг другу.

– Вы от меня ничего не скрываете? – спросил Степан.

– Нет. Почти ничего.

– А что вы вообще ищете?

– В Испании убили первую жену Королева. Кроме того, есть нераскрытое покушение на Марину.

Ему показалось, что Степан не удивился.

– Разве эти дела связаны? – спросил он.

– Не знаю. Я стараюсь выяснить. Кстати, Королев вам что-нибудь рассказывал о покушении на дочь?

– Он сказал только, что покушение было, что ее облили кислотой. Дурацкая история, правда?

Теперь Турчанинов смотрел на него прямо, не скрывая своего внимания.

– Дурацкая? – медленно повторил он. – Не очень удачное слово.

Было видно, что Горбачев смутился. И даже испугался.

– Я неправильно выразился, извините.

Спустя полчаса Турчанинов уже ехал по кольцевой дороге. Дома закончились, дымили трубы ТЭЦ, впереди горели факелы нефтеперерабатывающего завода.

«Что ж, теперь ясно, кто подбросил газету, – бормотал он себе под нос. – Теперь известна почти каждая минута того дня, и есть куча

доказательств, что Марину подменили. Но правда при этом так же далека, как и раньше!"Кому мешает нынешняя ситуация?" – спросил адвокат Крючков, и было не известно, что ответить. Но ведь ответ есть: дело не только в спокойствии директоров фонда. Есть еще убитая Елена Королева, есть убитый Сергеев, возможно, есть убитая Марина. Разве безобиден тот монстр, что ходит сейчас под маской амнезии? Три трупа – это минимум. А если этот монстр неменяем?»

Его машина шла в крайнем левом ряду. Как обычно, он был самый забитый. Турчанинов чертыхнулся и начал перестраиваться.

Машины шли ровными потоками на разной скорости. Иногда они менялись местами, и снова по дороге текли ровные полосы бесконечного кругового конвейера.

Неожиданно одна из машин зажгла поворотники.

Начала перестраиваться, чего-то испугалась, чуть-чуть притормозила.

И в ту же секунду, как по мановению злой и могущественной руки, правильность ряда нарушилась, сбилась, кто-то не рассчитал скорости, вот уже завизжали тормоза...

В последнюю секунду он вывернул руль.

Пролетел в образовавшийся промежуток.

Руки покрылись ледяным потом, ноги стали ватными.

Он ожидал страшного скрежета, даже втянул голову в плечи, но машина протиснулась в щель, никого не задев.

Другие автомобили продолжали биться друг о друга, он оторвался от аварии и только после этого перевел дыхание.

В зеркале заднего вида во всех подробностях развернулась миновавшая его чаша. Авария перегородила дорогу, он удалялся от нее, оставляя за собой пустое асфальтовое поле.

«Один дурак – и столько проблем! Еще только задумал перестроиться, а уже авария на пять машин».

И вдруг ему показалось, что в голове забрезжила догадка.

Он нахмурился, глядя перед собой, и теперь почти не видел дороги...

«Только задумал перестроиться, – бормотал он. – А уже столько проблем».

По сердцу снова прошел холодок, но теперь он был другой – приятный.

Как же он обманывал себя все эти годы!

Выходил в парк санатория, шумно вдыхал, говорил: «Счастье-то какое! Дышится-то как!», гордо оглядывал сосны, задира голову, выискивая дождевые облака...

Это сейчас он был счастлив. Только сейчас – впервые за пять лет.
Он занимался любимым делом.

Мир, который открывается лишенному памяти человеку, в общем-то ничем не отличается от того мира, который открывается человеку при рождении.

Как только в ребенке пробуждается сознание, он в подарок получает Вселенную, о которой ему сразу будет многое известно. Почти все в этом знании принимается на веру. То есть ребенок верит, что мир таков, каким его описывают родители, учителя, книги, фильмы – и очень редко впоследствии размышляет, истинны ли эти знания.

Если же возникают какие-то сомнения, то он начинает собственное расследование, ничем, по сути, не отличающееся от того, которое ведет сейчас лишенная памяти Марина.

Когда она задумалась об этом, ей стало намного легче.

Что она знала о мире до потери памяти? Примерно то же, что и сейчас. Она и сейчас помнила, что Земля круглая, а Вселенная бесконечная, но эти факты, по большому счету, были очень условными. Наверное, ей об этом впервые сказали, когда она стала что-то соображать, скорее всего, лет в шесть или в семь (никто не помнит, когда ему это впервые рассказывают, и амнезия здесь ни при чем!); с тех пор она помнила: Земля круглая, Вселенная бесконечная, помнила даже после комы – но что это были за факты?

Очнись она на триста лет раньше, ей бы сказали совсем другие вещи.

Если бы Марина проснулась, скажем, Коперником, то она подвергла бы несомненный факт сомнению, стала докапываться до правды, и ее объявили бы сумасшедшей. Если бы она очнулась Джордано Бруно, ее бы даже сожгли. При этом Земля оставалась бы круглой, а Вселенная бесконечной.

Или нет? Как это возможно: быть бесконечным? Какая глупость, граничащая с амнезией – верить в бесконечность чего бы то ни было! Люди прячут от себя собственное неверие в настоящие размеры Вселенной (а некоторые сомневаются в форме Земли), они делают вид, что не помнят о смерти, а Бог есть. Разве это их собственные открытия? Да они просто очнулись – один Лолой, другой Мариной, третий следователем Турчаниновым – и не желают копаться в подаренных им историях. Вот и все их отличие от нее.

Забытое после комы было отсечено от оставшегося в памяти какой-то

зыбкой и неверной линией. То есть это было не так: «Досюда помню, а дальше – нет». Это было совсем по-другому. В основании ее личности лежал огромный пласт несомненных знаний. В этом пласте зияли разнообразные пробелы, определить происхождение которых было невозможно. Она помнила улицы Москвы и географию России, помнила столицы европейских государств, но не знала столицу Гвинеи-Бисау. Она помнила Пушкина, Фета, Чайковского, Вагнера, но не помнила, кто написал: «Мы вспоминаем не то, что знали, а то, что когда-то вспомнили». Когда она забыла это? До комы или после нее? Ее не очень волновал ответ на этот вопрос. Скорее всего, до. А если даже и после, то какая разница, что за столица у Гвинеи-Бисау? Хорошо бы, чтобы и прочие, такие же ненужные факты забылись за компанию.

Собственно, неприятна была не сама амнезия, а эта невозможность определить, какие вещи она забыла до, а какие после. То есть, что она сможет вспомнить, если выздоровеет, а чего не сможет, поскольку никогда не знала.

Марина теперь по многу часов лежала в кровати с закрытыми глазами. Она думала о том, что внутри нее должны появиться пейзажи, лица – они-то и помогут определить, кто она на самом деле. Но когда они действительно стали появляться, она внезапно поняла, какие похожие вещи должны были видеть дочь и жена Михаила Королева.

Воспоминания, которые начали приходить к ней, не были из разряда забытых – она с ними, видимо, проснулась, просто не тревожила до поры до времени. Например, она видела сосны, мощеную дорожку, искусственную речушку с двумя круглыми мостиками. Шофер уже рассказал, при каких обстоятельствах впервые познакомился с ней, описал и эти мостики. Это был дом в Жуковке, проданный два года назад. Часть суммы пошла на ее лечение, часть – на покупку другого дома, более скромного, на Киевском шоссе.

Итак, это был загородный дом Михаила Королева. В нем жила Марина и жила Лола. Они обе теперь могли вспоминать эти круглые мостики.

Еще она вспоминала какой-то солнечный сад. Что за солнце освещало его? Солнце Украины или солнце Свердловска? И там и там была милая, уютная провинция, а также чьи-то теплые колени в ситцевом сарафане (колени матери? бабушки?).

Даже больничный коридор, даже медицинский институт (его она не помнила и не надеялась, что вспомнит: слишком близко к трагедии он подходил) – даже они могли всплывать и перед глазами падчерицы, и перед глазами мачехи.

С невнятным и тягостным страхом она ожидала увидеть лицо того, кто позвал ее из коридора после пробуждения и назвал «Лёлик». Ей рассказывали, что любовник Лолы – красивый мужчина; очевидно, его лицо должно появиться перед ее глазами как последнее доказательство: оно проступит близко-близко, оно будет прекрасным и любимым... Но потом она поняла, что и это не будет доказательством. Ведь этот мужчина был врачом и в течение пяти лет наклонялся над спящей Мариной, и, если она действительно Марина, то она не умирала эти годы, а копила силы для пробуждения, и значит – могла видеть его лицо сквозь ресницы. И даже могла любить его. Пациенты любят своих врачей, да...

«Мы вспоминаем не то, что знали, а то, что когда-то вспомнили». Это, кажется, Ахматова... Ахматова – это высокая, худая, горбоносая и красивая женщина. Разве ты знала ее, Марина? Почему же ты называешь ее высокой, худой, горбоносой и красивой, да еще так безапелляционно называешь?

Именно тогда ей стала приоткрываться и еще одна удивительная особенность памяти – ее навязанный другими характер.

Шофер рассказал Марине о речушке с двумя круглыми мостиками, и сразу же со дна ее памяти всплыла соответствующая картинка. Но что, если это не память, а воображение? Вдруг она просто представила то, что рассказал шофер, подобно тому, как писатель рождает несуществующие миры, а мир настоящий потом в них верит, и Анна Каренина прямо-таки ложится на рельсы и из-под них брызжет настоящая кровь? Да и кто реальнее, если разобраться? Сосед с третьего этажа, этот тихий незаметный жулик, пришедший в мир на какую-то секунду и умерший от инсульта, или Анна Каренина?

Она видела, как на дне памяти колышется ил воспоминаний; ей начинало казаться, что этот ил – теплый, мягкий, осклизлый – намного реальнее всего, что она знала в своей прошлой жизни.

Она видела детскую ножку, болтающую в иле, она даже слышала довольный смех, вслед за которым кто-то сказал: «Там могут быть пиявки!», но совсем не ощутила страха, как не ощутил его, наверное, маленький хозяин ноги.

Она не знала, придумала ли эту ножку, видела ли ее когда-то наяву, но только сейчас эта ножка существовала – не с большим и не с меньшим основанием, чем сама Марина.

Да и была ли Марина собой? Вне зависимости от того, кем она была – была ли она собой?!

Если она когда-то была Мариной, то что в ней осталось от той девочки – после пяти лет, проведенных в коме?

Если она когда-то была Лолой, что в ней осталось от той беззаботной и веселой красотки – после страшного решения, принятого из-за денег и любви?

Если она Марина, в ней даже полностью сменились все клетки. Если же она Лола... То и ее клетки сменяются через пару лет.

Зазвонил телефон. Она неохотно открыла глаза, понаблюдала за мухой на потолке, вздохнула. Телефон был настойчивым, словно звонивший знал, что она колеблется – подходить ли. Опять угрозы? Ей было все равно.

– Да, – тихо сказала она в трубку.

– Марина? – это оказался Турчанинов. – Как ваши дела?

– Благодаря вам прекрасно.

– Обижаетесь? Я не дал ход делу...

– Я так поняла, что вам и не дадут его дать. Извините за корявую фразу... Фонду это не нужно. Да и вам, по большому счету, истина не нужна. Что вам с ней делать? Передавать дело в суд? Вам-то зачем? И потом, вы вряд ли платили налоги с тех денег, которые получили от фонда. Не очень бы хотелось отдавать государству даже малую часть, правда?

Он молчал.

– Что вы молчите?

– Я думаю, – еще немного помолчав, произнес он. – Вот эта фраза про налоги, она кому больше подходит: Лоле или Марине? В принципе, и той и другой. Лоле палец в рот не клади, а Марина могла пойти в отца... Обeim подходит! Удивительно.

– Так вы отдали государству положенное?

– Нет.

– И не отдадите?

– Государство обойдется.

– Вы стали понимать Михаила Королева?

– А я всегда его понимал, – неожиданно сказал он. – Но это ничего не меняет.

– Что вам от меня надо?

– Вы, может, думаете, что я хочу выяснить правду, чтобы разоблачить вас? – По голосу было слышно, что он улыбается. – Нет, Марина. Единственное, что меня мучает – это мысль, что вы притворяетесь. Точнее, мне-то кажется, что это невозможно, но все факты доказывают обратное. Вот я и думаю, неужели я такой неопытный дурак? Вроде, раньше не был.

– Потеряли квалификацию. Кажется, он рассмеялся.

– А какие факты? – повеселев от его смеха, спросила Марина.

– Знакомый вашего отца Степан Горбачев утверждает, что в тот день,

когда приехали Иртеньевы, бывший главврач разговаривал через приоткрытую дверь с вашей мачехой. Судя по всему, она была в вашей палате. Но я зашел туда буквально через пару минут...

– Он разговаривал со мной, – перебила Марина. – Он не видел моего лица, я закрывалась от света одеялом.

– А с чего это бывший главврач решил, что мачеха может лежать в Марининой кровати, даже если учесть, что он не видел вашего лица?

– Я не знаю. Он назвал меня Лёликом.

– Многие ее так называли.

– Я вам сразу об этом сказала.

– Нет, Марина, не сказали. Вы просто спросили, может ли пройти в клинику чужой.

– Я тогда вообще не знала своего имени. А что, это доказательство?

– Того, что меня мучает? Нет. Это может быть доказательством лишь того, что вы – Лола.

– А это не одно и то же?

– Конечно, нет... Марина, я повторяю еще раз: я не собираюсь доказывать, что произошла подмена. Но мне, конечно, очень любопытно, потеряли ли вы память.

– Ну, это просто! – сказала она. – Потеряла, можете мне поверить.

Он снова засмеялся.

– Ведь могло быть как, – весело произнес он, – увидев, что состояние Марины критическое, Сергеев и Лола решили произвести подмену. Возможно, глупая идея, но эта глупость на их совести. Во всяком случае, они понимали, что заступников у Марины нет, а фонд заинтересован в том, чтобы все было шито-крыто. На всякий случай они забрали документы, уволили старых сотрудников, чтобы не мешали на первых порах, сделали пластическую операцию. Потом, очевидно, нужно было сделать что-то такое, что симитировало бы кому. Хотя бы приблизительно. И вот тут, после какой-то медицинской процедуры, может, укола – сейчас уже не определишь, – Лола на самом деле потеряла память! Что вам говорил Сергеев в тот день?

– Что он почти месяц не спит, и что она его о чем-то не предупредила. Я уже не помню.

– Почти месяц? Он говорил это двадцать второго мая. Получается, он переживал с конца апреля.

– Получается. А вам не кажется, что он должен был продолжать попытки связаться со мной?

Турчанинов молчал. «Врет? Не врет?» – думал он. С охранником

беседовали, и тот утверждал, что к Марине никто не приезжал. Правда, она его несколько дней не вызывала, куда-то ездила без него. И еще был странный звонок, после которого пришлось вызвать «скорую». Это вполне мог быть Сергеев...

– А кто вам звонил, Марина? – спросил он. – Ну, когда вы потеряли сознание.

– Мне звонили с угрозами.

– С угрозами? Какими?

– Кто-то сказал: «Думаешь, денежки тебя защитят? Я все равно узнаю правду. Я убью тебя».

– Убью? За что?

– Для того чтобы понять это, надо хотя бы узнать, кому звонили.

– Слушайте, – он неуверенно откашлялся, там, на другом конце провода. – На самом деле, я звоню вот по какому поводу. Я не знаю, кто вы, но вы можете быть Мариной. А если это так, то... Я ведь принял предложение вашего отца. И даже получил за работу деньги. Короче, если вам нужна помощь, сразу звоните. На мобильный или на домашний.

Поразительно, сколько сил дали ей эти простые слова! Положив трубку, она улыбалась.

«Если вы Марина, то...»

Да это целых пятьдесят процентов! Очень неплохие шансы! Надо только продолжать двигаться. Нельзя сдаваться, что бы ни случилось.

«Кто бы мог сказать такие слова? – подумала она. – Которая из двух? Она заслуживает уважения, эта дамочка».

Лола Максимовна Королева очень гордилась своим именем, придуманным ею в семилетнем возрасте, и даже в Москве не пожелала называться так, как звали ее по паспорту – Лилией. Она видела, что многим москвичам имя «Лола» кажется вычурным, но это ее не задевало.

Ее вообще было трудно задеть чем бы то ни было. Она не стеснялась громко смеяться, не обижалась, когда ее называли «глупой», – она была доброй женщиной. Она, конечно, могла огрызнуться, но только в том случае, если считала, что обидчик перешел все границы.

Лола родилась в маленьком городке Восточной Украины, находящемся на стыке между угольными районами и даже слегка закопченном угольной пылью, но все-таки стоящем в стороне от шахт. Шахтеров в городке не было, с работой было трудно еще до всяких кризисов.

Нравы в городе царили противные. Здесь было принято, например, схватить на танцплощадке понравившуюся девушку и потащить ее в кусты. С ней произошло так же. Тот, кто тащил, сказал: «Будешь рыпаться, зубы выбью!», а зубы у нее были самые красивые в городе, их было жалко. Таким и был ее первый любовный опыт.

«Ты, доча, сама виновата! – сказала ей мать. – Чего ты шляешься по этим танцулькам? Еще, упаси Господь, отец узнает! И хорошо хоть не беременная!»

Обратиться в милицию казалось им глупостью несусветной. Во-первых, в милиции только посмеются, во-вторых, это позору-то сколько!

Третья причина была и вовсе поразительной. Ее обидчик вдруг заявился к ним домой и еще в коридоре начал краснеть, пыхтеть, запинаться. Только по выражению его лица они догадались, что он делает ей предложение.

Оказывается, это был акт любви! Оказывается, «он давно за ней наблюдал, и она самая красивая девчонка».

– Что ж, бывает, – философски заметила мать. – У черномазых вообще девок крадут. А любят потом как, золото покупают, я на курорте видела: обвешанные прямо с ног до головы...

(Лолина мать всю жизнь мечтала иметь много золотых украшений, но было их у нее чуть-чуть: обручальное кольцо, две цепочки и сережки с сапфирами – последние хранились Лоле на свадьбу).

Лола долго смотрела на этого человека, полускрытого сумраком

тесного коридора, и вдруг осознала, что ничего не помнит! Была ли боль? Был ли стыд? Или, может, ненависть? Все это ушло из ее памяти навсегда.

Потом она узнала, что такова особенность ее организма. Она забывает все неприятное ровно через неделю, и у нее снова хорошее настроение.

Поняла она и другое: женщина сильна. Конечно, бывают ситуации, когда женщину хватают за волосы и тащат в кусты, ей причиняют боль и даже топчут ногами, но по большому счету мужчина всегда стоит в темном коридоре и что-то лепечет, а женщина стоит напротив и решает.

Если она, конечно, настоящая женщина.

Впрямую она парню не отказала. Лола только сообщила, что у нее серьезные травмы, что надо долго, упорно и дорого лечиться, и уж потом... Это оказалось выгодным делом: он таскал ей фрукты, давал деньги. А когда она на эти деньги приделась, уже появился другой мужчина.

Ему было сорок пять, он был влиятельный в городе человек. Лола могла бы сильно отомстить своему обидчику, но поскольку она все давно забыла, он избежал наказания. Ну, может, помучился слегка, когда узнал, кто стал Лолиным покровителем, ждал, наверное, удара по башке в темной подворотне, может, уже умер от рака, выросшего на тех его страхах... Лоле было не интересно, как сложилась его дальнейшая судьба.

Мать была от нового покровителя в восторге, а отец, наоборот, сердился. Любовник был его ровесником, да еще и бандитом.

Вот из-за этой невыносимой обстановки, из-за собственной гордости, которую Лоли-на мать считала совершенно дебильной, отец начал ездить в Москву на заработки, а потом и пропал. Они даже обрадовались.

Покровитель был женатым человеком. Лола часто встречала его жену в универмаге: та смотрела искоса и что-то шипела себе под нос, а люди, находившиеся в универмаге в этот момент, замолкали и начинали жадно наблюдать. Это было одно из главных городских развлечений.

Жена была толстая и старая. Ее ножки были похожи на бутылочки, а глазки заплыли жиром. В норковой шубе она выглядела смешно. И особенно смешно было то, что покровитель подарил жене шубу из кусочков, а Лоле – цельную. Универмаг просто писался от восторга, когда они в этих шубах встретились – еще бы, такая комедия! «Ирония судьбы, или новые приключения Шурика», как любили у них говорить.

Ну, а потом этого человека посадили. Шубу пришлось продать – надо было на что-то жить, пришлось также устроиться на работу в больницу. Она слышала, что жена ездит к нему на свидания и верно ждет – ну а как еще? Жена есть жена.

Спустя год Лола поехала в Москву к отцу. Мать дала ей такой наказ:

«Найди этого говнюка и скажи, чтобы он тебе помог зацепиться». Легко сказать! Как это – найти человека в Москве?

Но она даже не успела об этом задуматься – встретила Степана...

Турчанинов держал в руках фотографию Лолы и внимательно смотрел ей в глаза. Эта женщина не казалась ему очень красивой. Ему вообще не нравились яркие красотки, особенно хохлушки. У нее были большие глаза, а он предпочитал чуть раскосые. Она была блондинкой, а ему нравились шатенки. Впрочем, яркие люди на фотографиях получаются хуже, чем в жизни. Ведь и Сергеев так: ни одна фотография не смогла бы передать лунный свет, исходивший от его глаз. О Лоле говорили: редкостная красавица – значит, так и было.

Путь этой женщины был ему известен и понятен. Она вышла замуж за Королева в девяносто седьмом году, а в две тысячи третьем овдовела. Ее дальнейшие передвижения по жизни были буквально запротоколированы охранниками клиники – она приходила сюда каждые два дня (не только к падчерице, как теперь понимал Турчанинов, но и к любовнику). А в конце апреля исчезла.

К этому моменту она уже мало напоминала ту Лолу, которая вышла с Киевского вокзала с одной легкой сумочкой в руках. Она сильно изменилась. У нее теперь не было акцента, она не говорила свое обычное «Ой, да глянь», означавшее, как он догадался, «Перестань», «Да ты что?!», и «Не говори глупости». Лолины вкусы давно стали вполне столичными. Она очень модно одевалась, иногда выдавала себя за женщину с высшим образованием (врача) и, когда надо, казалась неприступной.

Турчанинов объездил ее знакомых. Это были одинокие дамы полусвета. Ему показалось, что они относятся к Лоле с легким презрением. Возможно, из-за ее любви – здесь, как и положено в свете и полусвете, было не принято сильно влюбляться, тем более в жиголо. То, что она сильно влюблена, сомнению не подвергалось.

– Она отдает ему половину всех денег! – с ужасом говорили ему. – Но они оба такие непрактичные, они столько тратят! Ей всегда хотелось подарить ему квартиру – она собирается разменять свою – но у них даже не хватает времени этим заняться. Они как два подростка!

– Почему он не женился на ней?

– Андрюша и семья?! Ха-ха-ха! Хорошая шутка!

Перед ним сидела потрепанная и очень загорелая дама с открытым тощим животом. У нее была тонкая-претонкая кожа, под кожей ходили сухие старые мышцы. Дама была похожа на кошку той породы, что не имеет шерсти. На ней висело много ярко-желтого золота, на каждом пальце

было чуть ли не по три кольца – Турчанинов догадался, что так сейчас модно. Все вещи дамы были яркие, сверкающие, от нее сильно пахло духами, а лицо было странно неподвижно, словно парализовано.

Он оглянулся – квартира состояла из одной огромной комнаты и называлась «студия» – вернул взгляд на женщину и подумал: если он сейчас скажет, что Лола теперь покрыта оспинами и строит из себя потерявшую память, эта женщина запросто грохнется на пол.

Ему и самому это казалось невероятным.

Но как тогда объяснять многочисленные факты?

В апреле Лола дважды посетила косметологическую клинику и перевела туда пять тысяч долларов. Таких цен нет в прейскуранте, но такие деньги этой клинике уже платились – за незаконную операцию по перемене внешности. Это было несколько лет назад, доказать ничего не смогли, но подозрения остались.

С двадцатого по двадцать девятое апреля Лола была в Испании. Отдыхала? В четырехзвездочном отеле? Скорее, воспользовалась им как местом для ночевки. Взяла машину напрокат и поехала в Марбеллу.

Покойный Сергеев утверждал, что Лола звонила ему из Испании уже в июне. Скорее всего, он, как и во всех других случаях, врал. Дело даже не в том, что ее фамилия не была зарегистрирована на границе (она могла выехать под другой), а в том, что никакого нового нефтяного мужа у нее не было. В этом были уверены все ее подруги, в том числе и самая близкая – хозяйка «студии».

– Да нет! – энергично воскликнула она, разгоняя рукой сигаретный дым, так что золотые искры с браслетов разлетелись по студии фейерверком. – И никого она никогда не искала, кто это вам такую чушь сказал? Такой банальный штамп – мол, если красавица, значит, ищет богатого мужа.

– А Лола не банальная?

– Она простая, но не банальная. – Женщина остро взглянула на него, и он понял, что и она не банальная и к тому же не простая. Перед ним сидела умная мадам. Возможно, она и не заработала на квартиру и золотые кольца – в общепринятом смысле не заработала – но даже если она получила все это от какого-то мужчины, то ведь для этого нужно не меньше ума и характера. Во всяком случае, не всем такое дарят.

Ему показалось, она поняла, о чем он думает. Он внутренне поежился, поскольку не любил, когда женщина все понимает. Проницательный взгляд на женском лице – первый признак старости.

– Может, единственное банальное, что в ней есть, – это имя, –

добавила женщина. – Но и то. Держаться за идеалы юности получается только у сильных людей.

– Вы шутите?

– Я абсолютно серьезно! Между прочим, я ее уважаю. За то, что она никогда не старается казаться кем-то. У нас это принято, но она стоит на своем. Может, поэтому она и не стала очень богатой.

– А вы знали Королева?

– Видела пару раз. Мерзкий тип.

– Почему?

– Такой вседержитель, Зевс-громовержец, тьфу! Он искренне верил, что только ему понятно, как надо жить. Мол, он всего добился потому, что он лучше всех. Не потому, что государство умыло руки или другие оказались более порядочными, а потому, что он такой супер-пупер гениальный.

– Странная точка зрения для женщины вашего круга.

– А какого моего круга? Что вы знаете о моем круге?

«Если рассуждать логически, то ее спонсор – такое же говно, как и Король, – добродушно подумал он. – Она с ним намучилась, зарабатывая на квартиру и золото. Такой тип мужчин она должна ненавидеть».

– Значит, вы не верите, что Лола вышла замуж?

– Не верю.

– А вы давно ее видели?

– Когда она вернулась из Испании.

– А точнее?

– Точнее не помню. Помню, что она была очень черная. Она быстро загорает.

«Значит, после двадцать девятого апреля».

– Может, уже были майские праздники?

– Майские праздники для меня ничем не отличаются от других дней. Не старайтесь, я не вспомню.

– Ясно. В каком настроении она была?

– В каком? Да пожалуй, в плохом. Что-то ее тревожило. Часто задумывалась, а это ей было несвойственно. Я предложила вечером сходить в ресторан, но она сказала, что уезжает к каким-то врачам. Мол, далеко ехать, она не успеет.

– К врачам?

– Она сказала что-то вроде: «Не могу, меня ждут врачи».

– Не уточнила, что эти врачи – косметологи?

– Сейчас новая мода – хвастаться своими процедурами и

пластическими операциями, – неожиданно сообщила дама. – Раньше все говорили: моя красота врожденная, теперь говорят: я сама себя сделала. Такой шик. Но Лола – провинциалка. Она никогда не скажет, что делает себе уколы ботокса. А вот я делаю, например!

«А мне-то зачем знать про твои уколы?» – начиная раздражаться, подумал он.

– Больше вы Лолу не видели?

– Нет.

– И не разговаривали с ней?

– Нет.

– И не интересовались, где она?

– Я в одном ресторане встретила Андрюшу...

– Сергеева?

– Да. Я спросила, где Лола, он ответил, что она продолжает отдыхать.

На Сардинию, кажется, умотала.

«Патологически лживый покойник!»

– А я знаю, что его убили, – заявила дама. – Хозяйка той квартиры – моя подруга. Как же она разозлилась! Теперь хату придется продавать, но среди наших все уже знают, что там было убийство. Может, из провинции кому? Квартира-то эксклюзивная.

– Слушайте, а как же она ему оставила такие хоромы? – никак не прокомментировав эту реплику, спросил он. – Ведь она знала, что он любит другую.

– Любит? Ха-ха. Он любил только себя. Он был всеобщим достоянием.

Он не заметил в зеленых глазах дамы ни тени огорчения. Она не нахмурила лоб – впрочем, вряд ли она могла это сделать: он был натянут, как барабан. Турчанинову показалось, что дама слишком многое понимает, и ему было неуютно рядом с этим пониманием. К тому же, ему было стыдно за свои ботинки, брюки, даже за ту свою неумную радость по поводу свалившихся с неба десяти тысяч долларов. Нет, он не казался себе жалким; ему просто хотелось покинуть этот золотой мир, эту рассыпающую искры Хозяйку Медной горы – ну ее к черту...

Дело не в классовом подходе: они с ней разные по биологической сущности. Она – породистая кошка без шерсти, он – заросшая дворняга с лохматым хвостом... Собака...

И надо же такому случиться, что когда он думал об этом, ему позвонила плачущая Марина и стала говорить, говорить, говорить, захлебываясь. И как раз про собаку, потом про какого-то летчика, потом про серную кислоту – целый водопад слез изливался на него из трубки, он

вначале слышал только оглушающий шум, но потом сквозь этот шум стал проступать смысл и он услышал следующее:

«Иван Григорьевич, я не имею права к вам обращаться, потому что я не Марина! Я не Марина, и это не мой отец заплатил вам, у меня есть последнее, самое главное доказательство – я не имею права, но мне не к кому больше обратиться! Вы должны помочь мне в любом случае, ведь вы следователь! Вы следователь, а я не Марина!!!»

И он тут же поехал к ней домой.

День с самого утра задался странным.

Когда она вышла во двор (сзади шел угрюмый шофер), у нее заныло сердце. Пришлось даже остановиться, сделать несколько глубоких вдохов. Женщины на детской площадке уже не обращали на нее внимания, болтали о своем. Оттуда слышалось женское щебетание и веселый детский говор.

Потом проехала машина, за ней долго тянулся шлейф шума, потом громко стукнула дверь и заработала дрель. Она еще успела подумать, как много у города разных звуков.

И вдруг сквозь детские голоса, шипенье шин, дребезжанье дрели она услышала, как кто-то позвал:

«Лола!»

Она резко обернулась на голос.

Перед ней была детская площадка. На ней сидели пять мамаш и играли пятеро детей. У кустов рабочий в оранжевом жилете ремонтировал ограждение. На стоянке стояли трое мужчин в костюмах и разговаривали. Один из них посматривал на нее. Или не на нее? Кажется, он посматривал на шофера?

Наверное, она как-то странно застыла, потому что все они – и мамаша, и рабочий, и мужчины, и даже дети – вдруг тоже стали смотреть на нее. Ей показалось, что время остановилось.

«Послышалось? Кто это крикнул?!»

Хлопнула дверь машины, и она пришла в себя. Шофер уже сидел за рулем, поправлял боковые зеркала. Она снова глубоко вдохнула и села рядом с ним.

На сегодня была запланирована поездка в медицинский институт. Откладывать больше не было смысла – все равно туда надо будет съездить. Она бы пока не рискнула приближаться к клубу, но сам институт был немного дальше от главного кошмара ее жизни, начинать надо было с него. У нее был старый пропуск, оказалось, он еще действует – вахтер даже не взглянул на фотографию.

Это место ей было абсолютно незнакомо. Она даже остановилась в растерянности.

Мимо нее прошуршала компания девушек в белых халатах, открылась и закрылась дверь аудитории, запахло чем-то сладковато-неприятным. Запах ей тоже был незнаком, но она поняла, что так может пахнуть

формалин.

Марина шла по холлу: видимо, здесь, за стеклянными стенами, располагался анатомический музей. В шкафах стояли и лежали зелено-желтые экспонаты, какие-то пробирки, банки, висели диаграммы и таблицы, разумеется, присутствовал скелет. Она знала, что он здесь будет, но не потому что вспомнила; просто он должен стоять в медицинском институте, и где-то рядом обязательно есть белый муляж человека из мышц, и у него обязательно разодрана одна нога, чтобы были видны красные переплетенья мускулов...

Сердце невыносимо затрепыхалось.

«Да что же это!» – тихо произнесла она, опершись на стеклянную стену. Захотелось прижаться лбом к стеклу, чтобы остудить голову.

Она уже умела определять, что из появляющегося в голове – знание, а что — воспоминание. То, с чем она проснулась, лежало тяжелой лепешкой, то, что приходило после, тянуще восходило снизу вверх. Оно словно бы шло не из головы, а из пяток, слабым электрическим зарядом пронзало все ее тело, и иногда на его пути встречалось сердце. Вообще же, ощущение воспоминания было похоже на страх.

Сильно пахло сигаретным дымом.

«Вот оно что! Здесь где-то курилка!»

Она пошла на запах.

Да, это был аппендикс в боковом коридоре. Сейчас там было только два человека: лето, сессия закончилась. Один из них взглянул на нее с любопытством, другой – безо всякого выражения. Почти сразу же они загасили сигареты в банке из-под шпрот, стоявшей на подоконнике, и прошли мимо нее в холл.

Аппендикс никуда не вел. В нем было три двери, и все они принадлежали не аудиториям, а каким-то подсобным помещениям. Возле одной из дверей были свалены пустые картонные коробки. Здесь лаборатории? В такой лаборатории когда-то работала Лола.

Марине показалось, что она слышит писк мышей.

Она тихо продвигалась к месту для курения – шла, как по проволоке, боясь упасть...

Сейчас будет окно, возле которого другая, прежняя, Марина стояла и плакала.

Насмотревшись в него тогда, она заявила, что никогда не надо стремиться к правде.

Что за потусторонний пейзаж должен был открыться этой счастливой и со всех сторон защищенной девочке?..

Марина нынешняя оперлась на холодный подоконник и посмотрела вперед.

Перед ней было поле. Летнее поле, заросшее сорняками. Слева стояла трансформаторная будка, справа шла стройка – наверное, ее не было пять лет назад, когда другая Марина смотрела в это окно. Может быть, эта стройка даже заслонила то главное, что заставило плакать счастливую и защищенную девочку.

Проехала машина, значит, за полем дорога.

Никаких воспоминаний, никаких электрических зарядов, все совсем не страшно.

Может, Марина плакала, потому что влюбилась? Может, роман с мальчиком-дипломатом еще продолжался? Где он теперь, этот мальчик? Наверное, в Англии. У него красивая жена, приличные дети.

Чем может огорчить обыкновенное поле? А чем могут напугать обыкновенные ворота? Собака бьет хвостом, поднимает пыль...

Есть такая страшная сказка про медведя с липовой ногой: как он отгрыз лапу, чтобы выбраться из капкана, а потом сделал себе протез и пошел к мужику мстить. И эта липовая нога скрипела и скрипела, наводя ужас на мужика. Кажется, медведь съел мужика? Вот это сказка! Готовит ребенка к жизни, что называется. К той жизни, в которой ребенок будет искать свою память: биться в ворота, охраняемые собакой... да...

Она отвернулась от этой скучной заоконной картинки, присела на подоконник. Теперь ей хотелось спать.

Она посмотрела на дверь, за которой пиццали мыши («это в башке у меня пицтит, не иначе»), сонно взглянула на картонные коробки...

И вот тут ее пронзил электрический заряд такой силы, что она подпрыгнула и сдавленно пропиццала, как мышь.

Нет, это было не воспоминание. Это была вполне реальная надпись на коробке, сбоку: «ОАО АММОС. Улица летчика Ивана Порываева, дом 17».

Марина наклонилась к коробке – все правильно, это не галлюцинация, а настоящий адрес. Она толкнула дверь в лабораторию.

Немолодая женщина, сидевшая за столом и что-то писавшая, повернулась в ее сторону.

– У вас здесь коробки, – хрипло произнесла Марина.

– Хотите взять? Нельзя, – спокойно сказала женщина. – Нам нужно для отчетности.

– А что в них было?

– Да разное... Нам для лаборатории нужно...

– Там написано АММОС. Что это за предприятие?

– Кажется, производство серной кислоты. Да, АММОС – это кислота. – Взгляд женщины внезапно стал тревожным, видимо, она как-то начала объяснять себе Маринины шрамы. – А вы не та ли девушка, что очнулась после комы? – неожиданно спросила она и встала.

– Мне плохо...

– Присядьте! Идите сюда!

За шкафом оказалась кушетка и стол, покрытый клеенкой. На нем стоял электрический чайник, лежали конфеты, печенье.

– Ложитесь, ложитесь, вот давайте я вас пледом укрою... Неужели это вы? Вы у нас учились, правильно? Ох, сколько же было шума! И главное, когда милиция разбиралась с кислотой, нашу лабораторию прямо замучили. Проверяли до последнего грамма, но, слава Богу, все сошлось! Это просто чудо, что сошлось, разве у нас тут такой уж строгий контроль, правильно? Но сошлось, и от нас отстали. Как будто трудно в Москве купить кислоту! Да вот езжай на Порываева и покупай сам! У нас Иртеньева преподает, она сказала, что вы очнулись. Она ведь теперь ваш врач, да? Вот это чудеса, а как вас зовут?

Это была милая женщина. Если бы не она, можно было повеситься. Ведь разве трудно купить серную кислоту в Москве? Езжай на Порываева и покупай сам! И разве невероятно, что дело о наследстве готовилось заранее – за целых пять лет! И не было никаких зловных конкурентов, была только простая девушка Лола, которая просила два миллиона долларов – всего-то два миллиона! – но не получила их. «Тебе ничего не достанется! – кричал ей жадный муж. – Все достанется дочери, потому что она родилась принцессой, а ты родилась дешевкой и дешевкой умрешь!» Разве можно кричать такие слова человеку?

«Ты вспомнила место, где покупала кислоту для покушения, – сказала Марина себе. Перед глазами мельтешила лаборантка: ставила чайник, двигала конфеты, шумно удивлялась. – Это сколько же народу ты угробила? А теперь решила все забыть? Замечательно!»

Она достала телефон и позвонила следователю Турчанинову.

Восемнадцатого июля в здание фонда вошли судебные приставы. Их давно ждали – было уже несколько постановлений о наложении ареста на имущество.

Сотрудники воспринимали происходящее по-разному. Кто-то до сих пор надеялся, что обойдется, кто-то и за месяц до этого убеждал каждого встречного, что империя рухнула и никакой надежды нет. И те и другие сильно расстроились. Нужно было искать новую работу, оставались большие долги по зарплате – вряд ли их когда-нибудь вернут. У каждого были свои маленькие трагедии. Один выплачивал кредит за четырехкомнатную квартиру, другой мечтал пересесть в новую «ауди», третий обещал девушке свозить ее на Мальдивы.

– Какие драмы! – иронично говорил главный юрист (у него с деньгами все было очень хорошо, но по убеждениям он был социал-демократ). – Того и гляди нашим бездельникам придется ездить на метро!

– И начнутся самоубийства, не иначе, – весело поддержал его один из завсегдатаев сигарной. – А вы, Борис Борисович, говорят, в «Лукойл» переходите? Завидую!

– Не завидуйте. В наше время везде неспокойно.

– Так идите юристом в окружное управление культуры, отдайте долг родине. Вот уж где спокойно! Я тут недавно объявление видел – аж три вакансии. И зарплата хорошая, тысяч пять, кажется. И что приятно – рублей. Стабильная валюта, только укрепляется.

– Зря зубоскалите, ничего смешного. Вы вон тоже из судей ушли.

– Мишаня отучил меня от любви к этой профессии.

– Мишаня нас от многого отучил. И многому научил.

– Скоро, похоже, начнут сажать и в управлении культуры...

– И все-таки этот крах – как он символичен! – вдохновенно произнес главный юрист. – Пусть и в управлении культуры сажают. Это ведь самоочищение нашей страны!

– Я наконец понял, кого вы мне напоминаете! Васисуалия Лоханкина. «А может, в этом есть сермяжная правда?»

– Да ну вас!

– Ха-ха-ха...

Сигары и коньяк кто-то разобрал еще накануне – сейчас курили свое. Настроение у всех было неплохое; здесь сидели только главные, те, кто не

пропадет ни при каких обстоятельствах. На многих из них давно уже шла настоящая охота, почти каждый теперь обдумывал по два-три предложения. Но грустно было и им. Все-таки большой кусок жизни, довольно беззаботный, безбедный.

– А если бы Марина не очнулась? – вдруг спросил Крючков. – Ведь денег совсем не осталось.

– Перевели бы в государственную клинику, – предположил юрист. – Или нет? Вы как думаете?

– А я не хочу об этом думать, – сердито сказал один из завсегдатаев. – Я хочу закрыть эту страницу своей жизни и забыть фамилию Королевых. Все, хватит. Надо забыть, как забыли и выбросили девяностые годы.

– Ба! Что это вы разошлись? Чем вам Мишаня насолил? Да и дом на Николиной горе, насколько мне помнится, вы купили именно в девяностые. Сейчас-то уж не угнаться.

– Зря вы считаете чужие деньги.

– Да упаси Господь! Просто не люблю, когда кусают руку дающего.

– И дом я выставил на продажу. Все равно ездить далеко.

– Миллиона полтора просите?

– Нет. Дача у меня скромная. Прошу миллион четыреста...

– Ха-ха-ха...

– Ну, по домам? – сказал Крючков и хлопнул себя по коленям.

... – Значит, видели во сне? – немного растерянно спросил Турчанинов, ставя чашку на стол.

Они сидели в Марининой кухне. Начинались сумерки. Серебристый летний свет бросал на предметы мерцающие лучи: вспыхивала то чашка, то ваза, то картина на стене. От этой красоты немного ломило в груди.

– Я вам рассказала всю правду. Что мне теперь делать?

Он не знал, что сказать. Признаний было слишком много, все они были удивительными.

Кто-то окликнул ее во дворе, назвав при этом Лолой.

В косметологической клинике врач сказал: «Я вспомнил, где вас видел». Узнал он и «мерседес» 2003 года выпуска.

Она видела во сне ворота, за которыми продают кислоту. Очень вероятно, что она была там именно для того, чтобы кислоту купить. Значит, она именно тот человек, который причастен к покушению на Марину Королеву? Самой-то Марине Королевой что делать на этой чертовой улице?

Доказательств того, что перед ним сидит Лола, более чем достаточно.

Бывшая лаборантка медицинского института, она действительно знала, где купить кислоту, чтобы расчистить себе путь к наследству.

К мачехе на встречу Марина бы пришла.

– Я рассказала правду, – тихо повторила девушка. – Я Лола?

Самое поразительное, что ответ на этот вопрос интересовал его в последнюю очередь. Так уж он был устроен, такая у него была многолетняя следовательская привычка, она въелась в плоть, растворилась в крови: выбрав цель, он шел к ней, не отвлекаясь на другие, пусть даже самые соблазнительные.

Прежде всего, он хотел знать, говорит ли она правду. Действительно ли она потеряла память?

Ведь кто-то убил Сергеева! Бывший главврач – скорее всего, убийца Елены Королевой. Убрав его, некто хорошо подстраховался. Логично, если это сделал сообщник. Но это означает, что сидящая перед ним девушка пару недель назад совершила убийство, после чего забрала из квартиры убитого свои медицинские документы.

А что, если это вообще ее хитрый расчет – шаг на опережение? Попытка признаться во всем (а точнее, в том, что он, по его собственным заверениям, не собирается разоблачать), чтобы замаскировать единственное убийство, которое не закрыть за давностью лет, которое обязательно будут расследовать, – убийство Сергеева.

Турчанинов внимательно посмотрел Марине в лицо.

Теперь она была без очков. Сумерки немного смягчили черты, но лицо все равно было некрасивым. Говорят, так выглядела половина человечества до изобретения прививок от оспы.

Проблема была не только в шрамах – некоторые пропорции лица были сильно нарушены, и нос казался слишком маленьким, а подбородок – слишком большим. У Марины были красивые глаза – зеленые и длинные. Иван Григорьевич постарался мысленно разгладить неровности и вернуть прежние черты (вначале одни, потом другие), но у него ничего не получилось. Лицо оставалось таким же – не уродливым, а просто несимпатичным.

– Вы недостаточно подробно рассказали, как съездили на эту Ивана Порываева. Больше ничего не вспомнили? Саму собаку видели? Почему она вас так пугает?

– Собаку я не видела.

– А слышали?

– Кажется, кто-то тьявкал в глубине. Но мне не было страшно.

– А что сказал старик?

– Что несколько лет назад я не могла видеть собаку под воротами.

– Почему?

– Потому что раньше снизу были прибиты железные щиты.

– Железные щиты?

– Их сняли полгода назад.

– Зачем там были щиты?

– Рекс покусал человека, и их прибили.

Турчанинов удивленно помолчал.

– Если вы видели морду собаки под воротами, значит, вы были на этой базе не раньше, чем полгода назад.

– Да. И значит, я не Марина. Полгода назад Марина была в коме.

– Но как же тогда покушение, в котором вы себя обвиняете? Если Лола покупала кислоту, то это было пять лет назад.

Теперь удивилась Марина. Видимо, эта мысль еще не приходила ей в голову.

– Значит, я была на этой базе дважды, – наконец, произнесла она. – Пять лет назад, когда покупала кислоту, и меньше полугодом назад, чтобы... Не знаю, зачем.

– Чтобы облить еще кого-то?

Он даже попытался пошутить, чтобы отвлечь ее! Ему казалось, что она сейчас свалится со стула.

– Да какая разница, для чего! Главное, что я видела собаку под воротами, значит, была там совсем недавно. Когда Марина лежала в коме!

– А может быть, пять лет назад там тоже не было щитов?

– Как это не было щитов? – пробормотала она. – Старик сказал: были.

– Но не вечно же?

– Вечно, вечно, вечно!

– Марина! – он прикрыл рукой ее кисть. – Собаки не вечны. Когда-то Рекс укусил человека. Возможно, это было три года назад или четыре. Именно тогда щиты и прибили.

– Но ведь и тогда получается, что я не Марина.

– На первый взгляд, да, – вздохнул он. – Ведь кислоту купили, чтобы облить Марину.

Ситуация, в которой он оказался, была настолько бредовой, что он даже старался не задумываться лишней раз. Сидящей напротив него девушке он не верил ровно на пятьдесят процентов. На другие пятьдесят процентов он был убежден, что она не только говорит правду, но еще и является дочерью Михаила Королева. Сейчас ему пришло в голову, что испытываемая ею раздвоенность и вовсе чудовищна. В конце концов, он может в любой момент все бросить, а ей нужно как-то определяться.

«А можно ли не определяться? – вдруг подумал он. – Ну, начать все с

чистого листа, забыть. Сказать себе: я такая-то и такая-то, это аксиома, баста».

Правда ли, что в тот день в клинике Сергеев разговаривал с ней как с Лолой, а она ничего не понимала? Действительно ли кто-то позвал ее сегодня во дворе? Кто звонил ей с угрозами и звонил ли? Турчанинов вынужден был признать, что самый короткий путь объяснений – она лжет. Но был ли этот путь верным?

... Из фонда ушел последний сотрудник. Везде выключили свет, здание погрузилось во мрак.

Поперек большинства дверей протянулись бело-красные ленточки, в коридорах на полу лежали листы бумаги, под столами в кабинетах темнели квадраты, густо очерченные пылью – там еще утром стояли компьютеры. Одна из чугунных скамеек холла лежала на боку возле ног мраморной скульптуры. Разумеется, уже украли несколько плазменных мониторов и восемь мобильных телефонов.

«Римская империя пала».

Пришли варвары.

На второй неделе дело наконец сдвинулось с места. На такую удачу даже не рассчитывали.

У Сергеева могло быть много врагов, в основном, среди обманутых мужей. Если верить молве, бывший главврач был очень энергичным любовником.

Спустя некоторое время выяснилось, что молва сильно преувеличивает.

Следователи, ведущие дело, восприняли новый факт с некоторым мужским облегчением: все-таки неприятно сознавать, что ходят по земле такие половые гиганты, в то время как ты, замотанный на работе, доползаешь вечером до кровати и ничего тебе уже не надо... и задаешь себе вопрос, нехороший такой, провокационный: «Мечтает ли жена о таком красавчике, дамском угоднике? – Хорошо бы, чтобы он был вымышленным, этот силач».

Да, почти все оказалось мифом. Просто красивый парень: веселый, хотя и недобрый. Никаких особых оргий, и любовниц – вполне человеческое количество (у некоторых сотрудников следственного отдела так и побольше было). Все эти дамы были разведенные или овдовевшие, знающие, чего хотят, и напористые. Сергеев, скорее, сдавался, нежели завоевывал.

Собственно, любовниц оказалось три. Все они были значительно старше его. Наибольшие потери понесла третья – хозяйка квартиры. Ее хоромы до убийства стоили миллион долларов, теперь их продать стало проблематично. Риэлтер сказала: года через два, когда все забудется.

Квартира была набита ценными вещами. Меркантильное равнодушие убийцы показалось следователям даже несколько нарочитым. Он и не пытался разыграть картину ограбления, пустить следствие по ложному следу. Он пришел к Сергееву с четкой целью и достиг ее. Последствия его волновали мало. Он был уверен в своей безнаказанности или он был дурак?

Из квартиры пропали две вещи: папка бумаг, в которых отслеживалась история комы сергеевской пациентки за последние пять лет, и мобильный телефон. Что касается первого, то копать в этом направлении казалось следователям бесперспективным, ведь девушка очнулась. Если бы она умерла, в бумагах могли быть обвинительные свидетельства (скажем, плохо лечил, пропустил что-то очень важное), но она, наоборот, ожила, и теперь

эта папка становилась никому не нужным хламом.

– Это сумасшедший аспирант! – весело предположил главный балагур следственного отдела. – Аспирант-маньяк! Он крадет самые интересные медицинские случаи, чтобы вставить их в свою диссертацию. А?

– Хватит болтать! – рассердился самый пожилой.

– В прошлом году убили из-за марки, помните?

– Она стоила сто тысяч долларов, эта марка.

– А это нормально? Как может марка стоить сто тысяч долларов?!

– Есть, которые стоят миллион.

– Дурдом! И в этот дурдом аспирант-маньяк вписывается прекрасно.

Это, конечно, была шутка, но с легкой руки балагура дело стали называть «делом аспиранта».

Мобильный телефон казался более серьезной зацепкой. По какой бы причине убийца его ни взял, то, как он его использовал, наводило на размышления. В течение четырех дней он периодически отвечал на звонки, а сразу после того, как труп Сергеева нашли, он этот телефон выбросил. Значит, он получал информацию из милиции либо следил за домом.

Самое удивительное заключалось в том, что поблизости от дома Сергеева жила его бывшая пациентка – Марина Королева. Их разделяли три или четыре квартала. С учетом того, что именно история ее болезни была похищена вместе с мобильным телефоном, девушку нельзя было сбрасывать со счетов. Единственная заковыка заключалась в том, что у Королевой была слишком запоминающаяся внешность. И хотя алиби у нее не было, не было и оснований для подозрений: девушку со шрамами никто во дворе сергеевского дома не видел.

Следствие не знало, какую сумасшедшую версию носит в себе Иван Григорьевич Турчанинов. Не факт, что, узнав, оно бы поддержало ее. Но все-таки эта версия грызла его изнутри и мучила. Он не понимал, что делать – такое с ним случалось редко.

В конце концов, Марина Королева, кем бы она ни была на самом деле, может и теперь все забывать. То есть это она убила Сергеева, но забыла об этом. Невероятно? Не более невероятно, чем то, что она очнулась.

Он съездил к дому Сергеева дня через два после разговора с Мариной и только тогда узнал, что у следствия уже есть подозреваемые. Выяснилось это из разговора с консьержами.

– Да мы же вчера все сообщили вашим коллегам, – сказали консьержи, взглянув в его старый документ.

– Я занимаюсь этим делом параллельно, – туманно пояснил он.

– Они искали людей, которые могли оши-ваться в доме или во дворе

после убийства.

– Вы таких людей видели?

– Ну да. У нас во дворе шли работы, коммунальщики что-то благоустраивали. Ну, от ДЕЗа...

Он сразу представил работягу в оранжевом жилете и тут же понял, что не представил его, а вспомнил. Но почему он вспомнил? Откуда это воспоминание?

Иван Григорьевич просто видел, как этот человек копается у ограждения.

«Бедная Лола-Марина, – в тысячный раз подумал он. – С ней это происходит каждый день!» – и по тем самым законам памяти, о которых он думал в тот момент, его осенило, что это воспоминание пришло из ее рассказа. О том, как во дворе ее позвали: «Лола». Она сказала: «Мамаши с детьми, трое мужчин в костюмах, коммунальщик в оранжевом жилете».

– Эти люди были в оранжевых жилетах? – спросил он.

– Ну, как обычно. Такая униформа...

– И как долго шли эти работы?

– Ну, мы не могли точно вспомнить, позвонили в ДЕЗ. Получилось, что за два дня до убийства они начались, а через шесть дней после убийства закончились.

– Они что: все время копались во дворе?

– Да, они его полностью благоустроили. Положили тротуарную плитку, оборудовали детскую площадку, установили ограждения. Сажали что-то, вон эту махину притащили. – Консьерж кивнул в сторону развесистого железного куста с цветочными горшками на ветках.

– И это единственные люди, кого вы заметили? – вздохнув, спросил Турчанинов.

Консьерж развел руками.

– Ваши коллеги тоже не очень обрадовались, – признался он. – Их заинтересовало только то, что коммунальщики хранили инструмент в подъезде Сергеева. Там на первом этаже есть подсобка.

– То есть они спокойно входили в подъезд.

– Ну да.

«Если среди них был убийца, то он умный человек, – подумал Турчанинов. – Рабочие в оранжевых жилетах – это, вопреки всем законам зрения, не яркие, а почти прозрачные пятна! На них никто не обращает внимания... Но если он действительно умный, то он не оставил следов... Как же он устроился на работу?» – и Турчанинов снова вздохнул. Он уже предполагал – как.

– Гастарбайтеры, конечно. – Он сказал это не вопросительно, а утвердительно.

Консьерж огорченно смотрел на него.

– Ваши коллеги ходили в ДЕЗ и навели там шороху, даже, кажется, пообещали оштрафовать. Но вы же знаете, кто работает на этих сезонных работах. Оформляют своего, потом за копейки нанимают каких-нибудь киргизов, разницу себе в карман кладут. Чего уж разоряться-то? Все так делают. Мы им спасибо должны сказать, этим гастарбай-терам. Город хоть чистым стал.

Турчанинов равнодушно кивнул: в санатории, где он работал начальником охраны, все было точно так же.

– Но внешность их вы запомнили?

– Ну, опознали бы... Наверное...

«Потрясающий расчет! В оранжевом жилете – и невидим. Какой умница!» Турчанинов еще не знал, что главный балагур следственного отдела дал убийце кличку «аспирант»; знал бы, удивился еще больше.

– Неужели киргизы на вид?

– Да нет, вы что! Хохлы или белорусы...

Пришлось идти в ДЕЗ. Там сразу поднялся крик – за минувший день директор, вероятно, обдумал свое положение и решил, что доказать ничего нельзя. Пришлось выслушивать, что ДЕЗ никому не навязывает своих услуг, что все эти кооперативные дома и эти товарищества собственников жилья пусть ищут других дураков обслуживать их за копейки. Турчанинов слушал, глядя на директора почти с ненавистью, и снова думал, что государственные люди обнаглели вконец.

Свой вопрос ему удалось вставить лишь через десять минут.

– Но какие-нибудь документы вы спрашивали?

– У ихнего бригадира был паспорт, он русский, он из Тамбова! Отказывать в приеме на работу из-за отсутствия прописки незаконно! Вот вы все за законы, а это незаконно, и я вообще не должен...

– Я вас просто прошу помочь, – перебил Турчанинов. – Где этот бригадир сейчас?

– Он у нас работает в другом дворе. В шестом доме.

– А остальные?

– Отработали и разбежались. И вообще, они пили, мне кажется. Я бы их больше не нанял. А бригадир – россиянин, он из Тамбова, он русский...

Турчанинов нашел бригадира уже к вечеру. Как раз этот-то, из Тамбова, и был пьяным. Он сидел на лавочке возле кустов, лениво переговаривался с двумя таджиками, сидящими на траве, и отхлебывал

пиво из бутылки. Лицо у него было красное – видимо, сгорел на солнце.

– Меня уже допросили! – развязно сообщил он. – И криминала не обнаружили. Я и не должен документы проверять, пусть ДЕЗ проверяет.

– Сколько человек работало у двенадцатого дома?

– Четверо.

Таджики залопотали, потом засмеялись.

– Это вы их нанимали?

– Да прямо! Ты больше нашего директора слушай. Он и нанимал, а теперь все на меня валит. Да пусть валит, мне насрать, я этой работой не дорожу...

– Где он их нашел, как вы думаете?

– Я после рабочего дня никак не думаю. Клянусь, ни одной мысли нет в башке! Как назло.

– Я не милиционер, я частный детектив.

– Увлекательная работа, – с большим интересом произнес бригадир. –

А как платят, нормально?

– И все-таки, где он их нашел?

– Один здесь все время ошивается, но работник из него – как из меня балерина. Ну, когда никого нет, его берут. За бутылку. Двое других пришли в ДЕЗ сами. Как раз нужно было в двенадцатом доме двор привести в порядок, мне их Михалыч и дал. Сказал, чтоб за неделю управились.

– Вы о них что-нибудь знаете?

– Что я о них могу знать? Алкаши... Вот Уруз, – он показал пальцем на одного из таджиков, – он киргиз и не пьет. Религия не позволяет! Хорошая религия мусульманская, да, Уруз? У него два высших образования, секи! Он строитель. Что, Уруз, не нравился вам Советский Союз? Независимости хотелось? Получили независимость, довольны? Вот придурки! Так вам и надо.

Таджик, оказавшийся киргизом, беззлобно улыбнулся.

– Видишь, как ты много знаешь об Уру-зе, – ласково произнес Турчанинов. – И о тех ребятах ведь знаешь.

Бригадир сильно удивился.

– Ну, тот, что здесь ошивается, я о нем кое-что знаю, – согласился он. – У него мать алкоголичка, они жили в этом районе, еще в коммуналке. Он здесь каждую подворотню знает. Даже откопал однажды какое-то говно, которое еще в детстве закопал. Секи?

– А двое других?

– Один приезжий. С Хохляндии, кажется. Если бы я сразу знал, я бы его не взял – терпеть не могу хохлов. Хитрый! Себе на уме, сволочь.

– Сколько ему лет?

– Да за пятьдесят, пожалуй. Кстати, у него одного легкого нет, вспомнил! Он дышал так смешно, как будто он резиновая игрушка и у него в боку дырка!

Уруз снова улыбнулся, другой киргиз, видимо, не понял ни слова.

– Так. А третий?

– А третий молчал все время. Вот о нем, честное слово, бля буду, ничего не знаю! Только имя и фамилию.

От неожиданности Турчанинов рассмеялся.

Бригадир, видимо, решил, что ему не поверили, и обиделся.

– Чего ты ржешь? – спросил он. – Правда. Он сказал, что его зовут Михаил. А фамилия Королев.

... Марина шла к своему подъезду. В руках у нее были два пакета с продуктами – она возвращалась из супермаркета. На дне пакетов лежали сыр, сосиски, хлеб, дальше йогурты, творог, еще выше яйца; пакеты оттягивали руки. Она очень жалела, что рядом нет шофера. Нет, не из-за тяжести: ей казалось, что за ней следят.

Марина теперь пугалась собственной тени. Ее предупреждали в клинике, что реакция на произошедшее будет отсроченной, то есть труднее всего станет примерно через месяц. Так и получилось.

Пытаясь анализировать свою жизнь, она ясно увидела, что она – девушка, проведшая пять лет в коме, круглая сирота, оставленная один на один с миром, многие законы которого она даже не помнит. «Вам будет трудно, – говорила Иртеньева. – Но вы должны знать, что это нормально. У вас даже появится отчаянье, и это тоже хорошо! Так лечат многие упорные хронические заболевания: вызывают обострение и лечат уже открытую форму. Иначе хроническую болезнь не победить – она должна выплеснуться наружу».

Иртеньева вообще много Марине объясняла, относилась к ней как к студентке медицинского института. Бывшей и будущей, хотя какое может быть будущее? Разве теперь сдашь все эти вступительные экзамены? Ей в последнее время часто снилось, что она стоит у школьной доски и ее спрашивают о чем-то – она понимает, что вопрос связан с физикой, и покрывается холодным потом: ничего из физики она не помнит.

Узнав об этих ее кошмарах, Иртеньева рассмеялась и сказала, что они бывают у многих людей, и дело не в амнезии. «Мне, например, снится, что я должна сдавать экзамен по диалектическому материализму. Марина, я точно так же покрываюсь холодным потом. Однажды даже прозвучало название: эмпириокритицизм! Как же я испугалась: такое страшное

название! Кретинизм – куда лучше».

Они обе смеялись над этими словами.

Иртеньева говорила еще, что при первых признаках отчаянья нужно обратиться к ней – в любое время дня и ночи; что она даст специальные таблетки... Марина боялась этих таблеток, потому что очень боялась теперь что-то забыть, даже поняла, что никогда не сможет пить вино, ведь и оно может исказить ее восприятие мира. Такое ценное, с таким трудом добытое... В эти минуты Марина верила, что она – Марина.

Обещанное отчаянье начало прибывать, как прилив: медленно и неотступно. Его она боялась не очень сильно, гораздо страшнее было знание, связанное со всеми этими преступлениями и возможностью оказаться не тем, кем она проснулась. Это был бы уже не прилив – цунами. Выжить в нем казалось ей почти невероятным.

Марина шла со своими пакетами и ругала себя: она по привычке посчитала, что десять часов – еще не ночь, но заканчивался июль, и день сильно укоротился. Тени сгустились, кусты приблизились к дорожке и даже задевали ее лицо. Хотелось протянуть руки перед собой и идти так, но руки были заняты.

За кустом кто-то зарычал, сердце ухнуло в пятки.

Вчера она слышала по телевизору, что в Москве развелось огромное количество бездомных собак, и они даже загрызли какую-то женщину на пустыре... Какая страшная смерть. Рычание словно двигалось следом, там, за кустами...

«А вдруг это собака из моих снов? Вдруг это Рекс?... Что-то хлопает: это выбивают ковер или стучит собачий хвост? Да это удары сердца! – Оно билось уже в горле и в ушах. – А если я сплю, то может быть все что угодно. В том числе самое страшное. Сны разума рождают чудовищ, кто это сказал? Кто это сказал?! Как можно не помнить таких очевидных вещей! Проклятая уродка, кто это сказал, вспомни!!! Успокойся! Успокойся... Во сне не может быть страшнее, чем наяву. Твоя явь намного страшнее любого сна... Если это собака, бежать нельзя...»

Кусты кончились, она вышла к освещенному подъезду и обессиленно опустилась на лавочку. И ноги и руки были слабыми, словно их кости размягчились до консистенции зефира.

Просидев несколько минут, Марина глубоко вдохнула и решила продолжать путь. В конце концов, остается самая безопасная его часть. Подъезд на замке.

Она открыла его ключом, поднялась к лифту, нажала кнопку – руки дрожали не только от испуга, но и от тяжести пакетов. В закрытом лифте ей

стало лучше, хотелось ехать так до утра.

Двери открылись, Марина с ужасом посмотрела перед собой.

Лестничная площадка была абсолютно темной. Кто-то выкрутил лампочку? Или она перегорела?

«Да успокойся, подъезд на замке! Нужно пройти только шесть шагов, достань ключи заранее...» Она послушно достала ключи. «Неприятен только закуток у соседской двери, – предательски сказала память. – Там так темно и страшно, там может поместиться человек. Он выдвинется из темноты и медленно пойдет к тебе, а ключ все не будет, не будет попадать в замочную скважину. И это будет бесконечно, но и это кончится, ах, лучше бы оно не кончалось, ведь даже страх не так страшен, как смерть...»

Лифт уже три раза закрывался, и она снова открывала двери, нажимая кнопку. Воображение ворочалось внутри нее, готовясь представить новые сцены, – скажем, его руку, хватающуюся за дверь лифта, его лицо, внезапно появляющееся из темноты. Марина уже вообще не знала, что делать: теперь ей было страшно и спускаться. Она стояла и думала, что кто-то же должен появиться в подъезде! Десять часов – это еще не ночь.

И точно, внизу, на первом этаже, женский голос крикнул: «Лифт сломался, что ли?» От этого крика ей сразу стало легче. Она шагнула вперед, прошла шесть шагов, поднесла руку с ключами к замочной скважине.

И в этот момент произошло то, что в таких подробностях описывало ей воображение. Тьма в закутке у соседской двери зашевелилась, раздвоилась, ее громадный кусок оторвался и медленно двинулся по направлению к Марине.

Ключ вошел в замочную скважину, как нож в тело, а пакеты упали, и оказалось, что там еще были стеклянные бутылки...

Вопреки собственным представлениям о том, какие факты являются странными и удивительными, Иван Григорьевич Турчанинов не очень удивился, услышав из уст пьяного тамбовского бригадира фамилию Королева. Уже немного позже он попытался проанализировать причины собственного хладнокровия и пришел к выводу, что чего-то подобного он и ожидал.

Многое в этом деле давно казалось ему слишком картинным. Картинным был и этот жест возможного убийцы.

Турчанинов сидел в опустевшем дворе и переживал, что у него нет пива, как у бригадира. Было бы уютно и весело прихлебывать его из бутылки, сидя на темной, шелестящей листьями площадке – как в молодости!

На такой площадке он познакомился с женой, только пили они тогда портвейн. Он учился в высшей школе милиции, она – во втором медицинском институте. Их вузы были соседями, и сами они жили рядом – на улице Волгина. Хорошее время... Турчанинов улыбнулся.

Тогда было так же тепло, и так же шелестели кусты. Светил фонарь, вокруг него вилась мошкара. В годы его молодости район, где находилась высшая школа милиции, не был застроен, как сейчас, и когда они отходили целоваться, вокруг них были поля, и однажды на пустую дорогу выбежал ежик.

Он бежал, смешной-смешной, а по дороге ехала милицейская машина, и они испугались, что она ежика задавит, – бросились наперерез, машина остановилась, а ежик забежал под машину и там спрятался.

Полчаса они вместе с милиционерами пытались его достать, и милиционерам даже не пришло в голову плюнуть на ежика и поехать дальше.

И полей тех нет, и милиционеры совсем другие...

Сейчас, наверное, ему и не узнать тех мест. Они остались только в его памяти, и они такие красивые, какими, наверное, и не были никогда наяву. В них нет шума, грязи, проблем, раздумий, есть только тишина, спасенный ежик, хорошие милиционеры – если через час после той остановки они остановились снова и отбили кому-то почки, он этого все равно никогда не узнает, – и есть только любимое лицо в обрамлении темных кудрявых волос.

Он с удовольствием ступил на это поле памяти и даже почувствовал теплое сопротивление травы под ногами. Это была какая-то другая Москва – тихая, молчаливая, безопасная. Работа милиционера стабильна, работа врача почетна, они с будущей женой такие беззаботные... Да и не в работе дело – он и без работы был бы счастлив в том дне. Как мало надо человеку, в общем-то. Чтобы кто-то любил и любить самому. Такой простой рецепт...

Поле, на котором он стоял, не имело границ, казалось, оно круглое и просто заворачивается за горизонт. Только слева в небе мерцали огоньки домов. Пахло полынью и тысячелистником. Это была не деревня, не город, не юг и не север, не лето и не зима: настоящее поле памяти, поселиться в котором, как он догадался только теперь – счастье невыразимое.

Он слышал стрекотание кузнечиков и тихий смех. Он видел лицо жены и видел себя самого, стоящего рядом с ней, обнимающего ее – видел как бы и от первого лица и от третьего одновременно.

Это была такая славная и нежная картинка, что он улыбнулся и в реальности, на этой своей сегодняшней лавочке в центре Москвы.

А потом поле завертелось и захлопнулось. Турчанинов вернулся с него без всякого сожаления – мысль, пришедшая в голову, показалась ему важной.

«Марина рассказала, что из курилки медицинского института тоже видно поле. Там есть трансформаторная будка. О ней я уже где-то слышал... Ну да! О ней рассказывал Степан Горбачев. За этой будкой целовалась его жена Лола – так же, наверное, как и я на своем поле. Если дочь Михаила Королева стояла в этой курилке, она могла видеть маму, целующуюся с неизвестным мужчиной. Как она должна была отнестись к этому?»

Мысли вернулись к фамилии Королева.

«Итак, если Сергеева убил человек, называвший себя Михаилом Королевым, то почему он так себя называл? Он умный человек, его план с оранжевым жилетом сработал великолепно. Он мог бы оставаться умным и дальше. Достаточно было стащить из этой квартиры несколько ценных предметов, и следствие пошло бы по версии ограбления. Но он не стал этого делать. Он взял медицинские бумаги, даже не проверив, не осталось ли что-нибудь в шкафу, и взял телефон, по которому отвечал до тех пор, пока мы не нашли тело Сергеева. Мог он и догадаться о том, что коммунальщики заподозрят и даже допросят. Но такой осторожный, выдававший себя за гастарбайтера, не предъявивший никаких документов, он, тем не менее, сказал бригадире имя и фамилию. Он собирался недвусмысленно заявить, что это дело связано с Мариной Королевой. Он не

хочет, чтобы его разоблачили, но хочет, чтобы мы знали причины убийства. А какие могут быть причины?»

Зазвонил мобильный. Он взглянул на высветившийся номер: Маринин шофер. Посмотрел на часы: одиннадцать ноль пять. В груди кольнуло. Звонок слишком поздний, чтобы быть не важным.

– Иван Григорьевич! – Шофер был в панике. – Беда! Я тут к Марине по пути заехал, хотел проверить, как да что, – мобильный ее не отвечал, я и заехал, думал проверить... Беда, Иван Григорьевич!

«Господи, бывший милиционер, а не умеет держать себя в руках».

– Говорите связно. Что случилось?

– Короче, у дверей валяются пакеты с продуктами, все разбито, яйца какие-то выкатились...

– Только пакеты валяются? Больше ничего?

(Он хотел спросить: «Тело не валяется?» – но не смог).

– Нет, там никого нет, но эти пакеты, яйца, бутылки разбитые... Я стал в дверь звонить, но никто не отвечает!

– У вас же есть ключ.

– Да есть-то он есть, но дверь не открывается! Словно ее подперли изнутри!

– Подперли изнутри?!

– Да! И телефон домашний занят! Сняли трубку, понимаете? Мне милицию вызывать?

– Да, конечно. Я тоже сейчас подойду, я тут рядом.

Уже сказав эти слова, он подумал: «Это плохо, что я рядом, вообще-то...»

Степан Горбачев хорошо помнил день, когда ему позвонил Миша. У него в тот период было просветление: пару месяцев назад он закодировался, и теперь ему казалось, что бросить пить у него получится.

Все последнее время он убирал квартиру: тер, мыл, как ненормальный, и не потому что так уж у него было грязно (хотя было грязно), а потому что получал от этого физическое наслаждение. Он и руки теперь мыл по несколько раз на дню.

Зазвонил телефон, и Степан, прежде чем взять трубку, обтер ее тряпкой.

– Привет, Степа, – сказал мужской голос, который он узнал только через секунду, а в эту секунду просто наблюдал за подступившей к сердцу печалью. («Миша!» – ахнул он про себя). – Узнаешь?

– Миша, – сказал он вслух. – Как я рад тебя слышать...

И вдруг заплакал.

– Ты меня слышишь? – спрашивал Королев. – Я тебя не слышу.

– Нет, я слышу, Миша. Рад, говорю, тебя слышать.

– Я тоже. Мне сегодня с утра так муторно было, я долго не мог понять, в чем дело, а потом понял: я видел тебя во сне. Мне ужасно захотелось поговорить с тобой. Во сне была еще толстуха с нашего курса, как же ее звали, такая смешная была, мы ее дразнили.

– Ее звали Пионерская Зорька.

– Точно! У нее был пионерский голос... А по имени как?

– По имени не помню.

– Как ты, Степа?

– Да я нормально. Пью только. Но я завязал, закодировался!

– Ты не пей, это вредно.

– Да я понимаю...

Они еще несколько минут разговаривали в таком же духе: ходили кругами, словно прислушивались к собственным ощущениям. Наверное, ощущения удивили обоих. Ни Степан, ни Королев не предполагали, что так растрогаются.

Уже через полчаса Михаил приехал к нему домой. Степана поразило, как он постарел. В глазах друга он увидел ответное удивление; что ж, он ведь предупреждал, что пьет.

Королев был очень скромно одет, безо всяких телохранителей, без

подарков и, разумеется, без бутылки. Степан поставил чай. Он ждал, что Королев удивится чайнику – старому-престарому – все его девки поразились, что он не удосужился купить электрический, но Миша не обратил на чайник внимания, и это словно разогнало пелену, остававшуюся между ними.

Отрешенный взгляд друга смягчался только изредка: когда встречался со взглядом Степана. В остальные моменты он как бы смотрел сквозь вещи, не видел их и не хотел видеть. Вначале Горбачев подумал, что именно такой и должна быть пресыщенность, которую часто теперь напяливают на людей с неограниченными возможностями, но потом у него мелькнула странная мысль, что он разговаривает с покойником.

– Слышал, наверное, какое у меня горе? – спросил Королев.

– Ты, Миша, не бери в голову, все рассосется. Наши власти попугают-попугают, да и отстанут. Дело-то ты выиграл, а там уж так все туго завязывалось... – Он еще продолжал говорить, но уже понимал, что говорит не то.

– Да ты не знаешь? У меня же Марина чуть не умерла.

– Как это?!

– Да ударили по голове на дискотеке...

– Не насмерть?!

– Нет.

– Ну слава Богу!

– Да, все нормально. Лежит, конечно, в больнице, но врачи говорят: все будет хорошо... Она в коме.

– В коме? Это значит без сознания?

– Да, без сознания... Давно уже.

– Она выкарабкается.

– Конечно, выкарабкается! И главврач этот – козел, ничего не понимает, ненавижу пессимистов... Зачем ты пьешь, Степа?

– Я слабый человек. Наверное, поэтому.

– Я искал тебя в институте, мне сказали, что ты давно уже там не работаешь. Я почему-то не догадался сразу позвонить по домашнему, мне всегда трудно привыкнуть, что у кого-то перемены происходят гораздо медленнее, чем у меня. Так почему ты ушел? Из-за пьянки?

– Ну, разумеется.

– Где же ты работаешь?

– Да где придется... Не бери в голову.

– Ты начал пить из-за Лолы?

– Ты, Миша, видимо, решил брать на себя все грехи мира?

– Я грешный человек, чего уж скрывать. Степан вдруг ощутил острую радость: он давно не общался с теми, с кем был достоин общаться. В последнее время вокруг него была всякая нечисть. Алкаши да дешевые девки, с ними не поговоришь. Некоторые из нынешних молодых и в школе-то никогда не учились, он, бывший преподаватель, даже устал удивляться. А ведь он был умный и образованный человек, когда-то он разговаривал так, что девочки-студентки летели к его огню, как бабочки.

– Боюсь, это сорт гордыни, – произнес Степан. – Ты, наверное, грешный человек, но ты виновен не во всем плохом, что произошло в мире. Так что не приписывай себе моего падения. Хотя ты косвенно к нему и причастен.

– Из-за Лолы?

– Ты все еще с ней живешь?

– От нее не отвяжешься... Ты не ответил на мой вопрос.

– Я любил Лолу. Она неплохая женщина. А может, плохая? Я так и не понял.

– А я понял: она плохая.

– Она простая. Плюс начисто лишена сострадания.

– Ты дал определение того, каким не должен быть человек.

– Человек должен быть сложным и добрым?

– Именно. Сложным и добрым.

– Может быть... А должен ли он быть смелым?

– Смелым? – удивился Королев.

– Помнишь, как у Булгакова: «Трусость – самый страшный порок».

– Никогда не любил эту книгу и ничего не находил в этих словах.

– А я в последнее время думаю, что меня сгубила моя трусость. Сидел, как зайчонок в своей норе – поганый трусливый зайчонок, вот и досиделся...

Слова лились, как вода из чайника. Михаил сначала удивленно смотрел на него, потом, видимо, увлекся, проходя вслед за Степаном этот путь...

Он начинался с их встречи у новых горбачевских «Жигулей» («Я был в белых носках?» – тихо ахнул Королев), он заворачивал к офису, отделанному пластиковыми панелями («Помню, помню. Какое чудное время! Все тогда получалось!»), вел дальше, к особняку («Там на меня было совершено первое покушение», – помрачнев, сказал Миша)... И вот уже Степан просится на работу, а после отказа проклинает себя последними словами, шепчет себе днем и ночью: «Трус! Трус! Трус!»

– Я все понял! – вдруг остановил его Королев. – Дело не в трусости,

дело в зависти. Это она тебе сгубила жизнь.

– Зависть? – медленно повторил Степан. От медленного произнесения это слово показалось ему неприятно и неприлично свистящим.

– Ну да!

Они были так возбуждены и обрадованы встречей, что чай из старого чайника по-настоящему опьянил их.

– ... У тебя был свой путь, замечательный, зачем ты все время сравнивал? Ты съел себя, брат.

– Может, ты и прав, – удивленно сказал Степан. – Завистливый я какой-то уродился. Но как определить, где отсутствие зависти, а где лень? Ну вот, скажем, сидит человек всю жизнь на одном диване, детей нет, жена сбежала, ему говорят: ну делай что-нибудь! А он отвечает: я не завистливый.

– Ну и пусть сидит. Что, он тебе мешает, что ли?

– Так это я сижу!

– А зачем ты сидишь на этом своем диване? У тебя был институт, была партия, какой диван-то? Жил бы да радовался. Ты не помнишь, нам однажды на лекции по философии одну притчу рассказали, я ее очень люблю и часто вспоминаю. Про раббе Мойшу.

– Да, помню, это из Талмуда. Хорошая притча... Значит, зависть? Наверное, ты прав. Смотри-ка, ты умный!

Они помолчали, улыбаясь.

– И все-таки я не понимаю, – снова произнес Степан. – Как определить, где отсутствие зависти, а где лень?

– Говорят, надо понять, чего ты хочешь. Так, наверное. По-настоящему хочешь. Некоторые, вон, всю жизнь тужатся, стремятся к чему-то, скажем, бизнес строят, работают по двадцать часов в сутки, а потом на закате жизни понимают, что больше всего им хотелось сидеть на берегу реки и ловить рыбу.

– Но, Миша, так хорошо рассуждать, если всего добился. А если ты просидел всю жизнь на берегу реки, если ты до старости ловил эту чертову рыбу, то тебе любой может ткнуть: «Все ты, брат, просидел, все пропустил».

– Да ткнуть можно любому. Надо меньше прислушиваться к тем, кто тычет. Их цель одна – чего-то от тебя добиться. Они ведь не тычут, Степа, они подталкивают в нужном для них направлении. Я этого нахлебался досыта.

– Значит, я должен был услышать, что хочу оставаться простым преподавателем? Что я счастлив, когда я простой преподаватель?

Миша пожал плечами и не ответил.

– А чего хотел ты? – спросил Степан. – Ты добился, чего хотел?

– Я хотел... – Миша помолчал. – Я хотел изумлять... Да, я хотел быть поразительным. И я добился. А если меня посадят, к чему, собственно, все и идет, я изумлю еще больше. Обо мне станут писать газеты, может быть, три десятка правозащитников выйдут на демонстрацию – нет, не для того чтобы поддержать меня, а чтобы укусить власть. Сейчас мне понятно, что для счастья недостаточно желать, нужно еще четко осознавать цену, которую ты согласен заплатить за осуществление желания. Я ведь не был согласен изумлять «любой ценой», но вел себя так, словно согласен. Цена – это очень важно. Странно, что я, бизнесмен, только недавно это понял. Я даже на рынке до сих пор люблю торговаться, а здесь платил, не задумываясь. Меня развели, как лоха, Степа... Вот Лола, кстати, в этом смысле молодец. Она и желает, и цену осознает. Природная такая мудрость.

– Так что все-таки с Лолой? Почему от нее нельзя отвязаться?

– Два миллиона требует.

– Ого! – Степан замолчал, потом осторожно коснулся Мишиной руки. – А для тебя это много?

Миша хотел что-то сказать, но вдруг осекся и засмеялся.

– Да не хочу я ее отпускать, Степа. Тебе врать не буду. Люблю я ее.

– Она заслуживает.

– Да не заслуживает она! Но люблю. Так мне и надо, все я привык покупать, ее тоже купил. Да и она меня любит, дурочка, только не понимает этого.

Он посмотрел на Степана с надеждой, словно хотел, чтобы Степан сказал: «А как тебя можно не любить, Миша? Ты настоящий мужчина, ты борец».

Это было правдой: Королев – настоящий мужчина, борец. Но за это можно любить, а можно и ненавидеть. Это уж как повезет: любят за просто так. За черт знает что любят! За глаза какие-нибудь, за собой же выдуманные достоинства...

– Как тебя можно не любить, Миша? – тем не менее, сказал Степан. – Ты настоящий мужчина, борец.

– Устал я только, – пробормотал Королев. – И врач этот меня расстроил.

– А тех, кто Марину... Их нашли?

– Нет.

– Это с твоим бизнесом связано?

– Да не знаю я!

Они сидели до утра. С первыми лучами рассвета все вдруг преобразилось, как в сказках от крика петуха – серый и тусклый московский день накрыл их возбужденное опьянение и остудил его. По лицам поползли морщины, лицо Степана стало сизым, он вдруг понял, что это их последняя встреча.

Нет, он не ожидал, что Королев покончит с собой – просто он был уверен, что больше им незачем встречаться. Бывают в жизни такие встречи: они наполнены радостью узнавания и надеждами на продолжение, но их смысл только один – завершить то, что не завершено. На них обычно просят прощения либо признаются в любви, которой не вернуть. Ими пишутся финалы историй, и из них не вытянешь больше ни одного слова.

«Какой красивый мир сидит во мне до сих пор, – думал этот бывший ученый, глядя на неуклонный подъем по серому небу чуть более светлого серого сияния. – Ничем его не истребить...» – Он еще чувствовал в себе силу думать, но желания думать уже не было.

Когда через месяц Степан узнал о самоубийстве Королева, он не удивился, но очень долго плакал. На похоронах он встретил Елену, она выглядела еще хуже, чем Миша в гробу, и Лолу – эта совсем не изменилась.

Она бросилась ему на шею, но такой встречи, какая была у него с Королевым, с ней не получилось.

А вот отношения, как ни странно, завязались. По ее инициативе. Она часто теперь звонила, отчитывала его за возобновленное пьянство, даже несколько раз приезжала по его просьбе и разбивала бутылки с водкой.

Последний раз она приехала тридцатого апреля.

Турчанинов шел быстрым шагом и преодолел расстояние в четыре квартала за десять минут. Он думал, у подъезда уже будет стоять милицейская машина, но никого не увидел. Свет ярко горел над входом и внутри, ничего зловещего вокруг не было.

Иван Григорьевич в некоторой растерянности остановился перед запертой дверью, и ему тут же показалось, что сзади рычит собака. Турчанинов быстро оглянулся: с детской площадки на него смотрела какая-то дворняга. Она низко наклонила голову и наблюдала за ним, даже и не рыча – скорее, булькая горлом.

«Черт, когда они рычат, это плохой знак, – подумал он. Лучше бы лаяла... Как войти в подъезд?» Ему захотелось не войти туда, а вбежать.

Тут же в освещенном холле, за фикусом, кто-то прошел. Человек приблизился, и Турчанинов узнал в нем Марининоного шофера.

– Не приняли вызов, можете себе представить! – растерянно сказал тот, пропуская следователя внутрь. – Сказали: вызывайте МЧС или ДЕЗ, пусть они дверь выламывают. Мол, мы тут при чем? И все пьяные...

– Охамели совсем, – Турчанинов поймал себя на излишней поспешности, с которой захлопнул дверь. Он оглянулся: дворняга лежала возле песочницы и, кажется, собиралась поспать. «Накрутил себя!» – с облегчением подумал он.

Они пошли к лифтам.

– Что случилось, рассказывайте.

– Да я все рассказал. Дверь изнутри подперта чем-то.

– Не закрыта?

– Нет, чуть-чуть отходит.

– Там тело, думаете?

Шофер вдруг перекрестился, причем как католик – слева направо.

– На тело не похоже...

– Что же это тогда?

– Да сейчас сами все увидите... Они еще знаете что сказали? Если будет труп, тогда вызывайте! Ну не сволочи?

– Мы с вами из милиции ушли, как нам теперь судить кого-то?

– Ничего себе! Я налоги, между прочим, плачу! Хотя вы правы, – вздохнув, согласился он.

Лифт остановился на десятом этаже. Двери открылись.

– А почему темно?

– Лампочки вывернуты. Турчанинов, сделав усилие над собой, вышел на лестничную площадку.

Осмотрелся, поежился: растерзанные пакеты лежали в квадрате света, падающего из открытого лифта, картину надвое пересекала его же собственная тень. Все это выглядело жутко.

Лифт шумно закрылся, стало совсем темно. Он достал из кармана фонарик, осветил в замочную скважину – никаких царапин. Дверь казалась приоткрытой на несколько миллиметров. Он постарался приоткрыть еще, но у него ничего не получилось.

– Это не тело, – сказал он. – Тело бы обратно дверь припирало, и нужно было бы ее приоткрывать снова. И сопротивление было бы мягким... Марина!

За дверью было тихо. Он приложил ухо к щели: ему показалось, что-то ритмично капает или стучит. «Незакрытый кран? Нет». Звук, скорее, был похож на сигнал электрического будильника. Турчанинов вдруг вспомнил тот эпизод дела о покушении на Марину Королеву, где охранник прислушивался к телефонным звонкам. Ему стало очень неприятно, но благодаря воспоминанию он догадался: это телефонные гудки. Шофер говорил, что трубка снята.

Соседская дверь открылась так неожиданно и с таким грохотом, что они оба дернулись, а шофер даже вскрикнул.

Из-за двери выглядывала молодая и симпатичная женщина.

– Вы кто? – без особой тревоги спросила она.

– Мы пришли к вашей соседке, а дверь открыть не можем. Там заперто, телефон не отвечает. Мы волнуемся.

– А-а, – спокойно протянула она. – А то вы меня напугали. Я даже в милицию позвонила, но они там все пьяные...

– Что ж вы дверь-то открываете?

– А что?

– Да мало ли кто ходит!

– А я по тембру голоса поняла, что интеллигентные люди. – (Турчанинов возмущенно цыкнул). – У вас есть ключ? Не можете открыть? А она дома? Думаете, что-то случилось? – быстро и сочувственно спрашивала женщина.

– Да. Видите, продукты валяются. Вы ничего не слышали?

– Я слышала, что лифт постоянно открывался и закрывался. Глянула в глазок, но ничего не увидела. Было темно. Или стоял кто-то.

Турчанинов встал спиной к соседской двери. Слева от него была

неглубокая ниша, в которой мог запросто поместиться человек. Если он вышел из ниши по направлению к Марине, то его спина должна была полностью закрыть обзор.

– Криков не было?

– Мне показалось, чей-то негромкий голос. Потом что-то разбилось, я подумала, это в мусоропроводе. Если в мусорку бутылки бросают, они гремят на весь дом. А знаете что? У нас балконы смежные. Хотите, слазьте туда?

Он смотрел на женщину с удивлением и симпатией. Женщины, вообще, не переставали его поражать. Иногда ему казалось, что только в них спасение. Они бывают такими смелыми, такими бесшабашными...

Турчанинов не хотел лезть через балкон, да и не его это было дело, если что-то случилось. Но перед этой женщиной стыдно было выглядеть не отважным.

Они прошли по коридору, свернули в спальню. В квартире было чисто, светло, уютно, пахло чем-то ванильным – наверное, выпечкой. Не хотелось уходить отсюда, тем более через балкон.

Турчанинов встал на плетеное кресло, стараясь не глядеть вниз. Но город все равно засиял по окраинам его взгляда, зашумел под ногами. Откуда-то взялся сильный ветер. Иван Григорьевич вроде и не смотрел по сторонам, а уже видел и огоньки Кремля, и две освещенные высотки на горизонте, и даже сияющую излучину ночной реки. От страха зрение обострилось. Впрочем, он думал, будет страшнее.

Соседка предложила этот вариант от чистой души: перегородка между балконами была не широкой, ему не пришлось выставлять зад наружу и висеть над пропастью. Ну, может, только нога вылезла за перила на пару секунд да мысль в голове пронеслась: «Сейчас этот человек, что мог выйти из ниши, выйдет из квартиры на балкон... Какие глубокие царапины в перегородке оставят на прощание твои ногти, Иван Григорьевич!» Он нервно хмыкнул.

Теперь он стоял на балконе и набирался сил для того, чтобы двинуться дальше. Маринина комната была полностью закрыта от него занавеской, свет в комнате горел.

Вдруг прямо перед его глазами явственно прошла тень. В комнате кто-то был, и этот кто-то ходил в полный рост. Турчанинов буквально рухнул на пол балкона.

Тут же по закону подлости его нога коснулась то ли палки, то ли швабры, та упала с грохотом на плитку, внизу залаяла проклятая собака. За шторой снова появилась тень, она остановилась напротив балкона и стояла,

не двигаясь.

Он подумал, что, возможно, успеет перелезть обратно, но никогда не решится на это, потому что если балконная дверь откроется, когда он будет перелезать, его даже не надо будет никуда толкать – он свалится с десятого этажа сам, от одного ужаса.

Турчанинов нащупал рукой упавшую палку и резко выпрямился.

– Я следователь московской милиции! – крикнул он на весь двор. («Дурак ты, а не следователь!» – сказал внутренний голос, похожий на голос жены). – Предупреждаю, я вооружен!

Он толкнул от себя балконную дверь и снова крикнул свои идиотские слова. Тень взмахнула рукой, и сквозь штору на него обрушился какой-то предмет. Хорошо, что Турчанинов выставил вперед палку. Предмет больно стукнул его по кисти, упал на пол и разбился. Турчанинов со всей силы рванул штору, отодрал ее от себя – жизнь в это время, как и было обещано, пронеслась перед его глазами...

Посреди комнаты стояла Марина и смотрела на него совершенно безумным взглядом.

Прошла, наверное, минута, не меньше. По крайней мере, за это время через перегородку успел перелезть шофер. Он ввалился в комнату, наступил на разбитую вазу, запутался в шторе, бросился к Марине, чертыхаясь, – Турчанинов стоял и смотрел.

– Вы? – повторяла Марина. – Вы?

Шофер куда-то ее тащил, пытался расспрашивать, а Марина не отводила своего безумного взгляда от Турчанинова. Наконец шофер усадил ее на диван, побежал за водой на кухню. На столике из снятой трубки тоскливо гундели короткие гудки.

Турчанинов подошел, положил трубку на место. Потом вышел в коридор: дверь была приперта комодом.

– Что случилось? – спросил он, вернувшись.

– Вы? – повторила она. – Откуда вы здесь?

– Почему вы забаррикадировали дверь, почему сняли трубку? В квартире еще кто-нибудь есть?

Марина помотала головой. Шофер, наклонившийся над нею с водой, опрокинул чашку ей на колени. Она даже не вздрогнула.

– Марина, вам надо вернуться в клинику и продолжить лечение, – сказал Турчанинов.

– Я не сумасшедшая.

– Вы больны.

– Вам не удастся свести меня с ума.

- Я и не пытаюсь. Но вы больны.
- Иван Григорьевич! – осуждающе сказал шофер. – Давайте хоть расспросим, что произошло!
- Хорошо. Что произошло, Марина?
- Я не хочу об этом говорить.
- Потому что ничего не произошло, ведь так?
- Иван Григорьевич!
- Он зло обернулся к шоферу.
- Я не напрашивался! Это вы меня вызвали!
- Я вас вызвал помочь!
- Что значит «помочь»? Помочь играть в этом спектакле?
- Как вам не стыдно! Вы посмотрите на нее!
- Она неменяемая.
- Меня ждали... – вдруг сказала она.
- Кто ждал? Где?
- У соседской двери есть ниша... Там стоял человек. Мужчина.
- Он напал на вас?
- Нет, он просто вышел оттуда и сказал...
- Что сказал?
- Он сказал: «Лола, прости меня за то, что я с тобой сделал».
- С большим человеческим удовлетворением Иван Григорьевич увидел, как челюсть шофера поехала вниз. «А то раскомандовался! – подумал он. – Узнай с мое, а потом призывай к терпимости».
- Вы бы его узнали?
- Нет. Я его не видела. Я пыталась открыть дверь, а он говорил это за моей спиной... – Ее лицо сморщилось, стало совсем уродливым, по лицу потекли слезы. «Как некрасиво плачут некрасивые женщины», – вот что он думал в тот момент, и думал еще о Михаиле Королеве, враге, человеку, испортившем ему жизнь, отобравшем любимую профессию... Хозяин мира Михаил Королев, такого момента ты не представил бы и в самых тоскливых своих снах.
- Я больше не могу, – причитала она. – Я не хочу жить, зачем я проснулась?
- Значит, он не нападал? Он потом стучал, звонил?
- Нет!
- Почему же вы задвинули дверь комодом?
- Мне было страшно.
- А трубку зачем сняли?
- Этот телефон все время звонил, звонил, звонил!

– Марина, это я звонил! – испуганно сказал шофер.

– Я не могла слышать эти звонки! Уходите! Мне ничего не нужно, оставьте меня в покое!

Турчанинов потер лицо руками.

– Я не хотел выяснять всю правду, вы это знаете. Но правда сама не отпускает меня на волю. Обещаю вам: я все выясню. Кто не спрятался, я не виноват.

– Я не прячусь, клянусь вам, – прошептала она.

Дело о покушении на Марину Королеву занимало двадцать шесть огромных папок. То, что сердобольный следователь дал Марине, было справкой, составленной им самим из фактов, по поводу которых он сам решал, какие важные, а какие – нет. В общем, это была фигня на постном масле.

Турчанинов попросил все дело. На него посмотрели, как на сумасшедшего, но старые связи сработали, его допустили в архив.

Он сидел там уже вторую неделю: приезжал после работы, простояв в чудовищных пробках, уставший, голодный и злой. Он понимал, что его инициатива плохо воспринимается бывшими коллегами, он и сам был бы недоволен, ведь такое его вмешательство означало, что он им не верит.

Но он обязательно должен был проверить свою версию: Иван Григорьевич считал возможным, что Маринина мачеха каким-то образом участвовала в покушении. В таком ракурсе дело, кажется, не рассматривали. Он не понимал почему.

– А что вы ищете? – спросил его следователь, спустившийся в архив, чтобы наконец внести ясность в ситуацию.

– У меня есть подозрения, что покушение совершила Маринина мачеха.

Он ожидал вполне логичного вопроса: «Откуда эти подозрения?» – и ожидал его с неловкостью, ведь ответ на этот вопрос: «Из снов почти сумасшедшего человека» – совершенно невозможен, особенно в управлении внутренних дел.

Но следователь лишь пожевал губами.

– Иван Григорьевич, вы же знаете, как вас здесь уважают... Вы классный специалист и понимаете, что спустя пять лет ничего не докажешь.

– В суде – нет. Но я не собираюсь передавать дело в суд. Я пытаюсь понять, почему одна из важнейших версий была отброшена в сторону без проверки.

– Он нас фактически содержал...

– Кто?

– Королев.

– И?

– Такой был авторитарный человек, вы же сами должны помнить...

Турчанинов выпрямился над бумагами.

– Вы хотите сказать, что это по его желанию вы перестали заниматься Лолой?

Следователь неопределенно покачал головой.

– Не говорите ерунды! Его отношение ко второй жене было плохим, он бы не оставил без внимания ни одной улики.

– Дело не в этом... Я присяду? Так устал, у нас тут чистки, слышали, наверное? Все нервы измотали! Так вот, версия с мачехой сначала не казалась нам невероятной. Более того, помните это странное заявление охранника, что его что-то ударило по глазам? Мы долго пытались понять, что он имел в виду своим «призраком». Мужик-то был умный, опытный, интуиция прекрасная, какие, к черту, призраки. Он ведь как объяснял: перед глазами появилось то, что не должно было появиться никоим образом. А перед его глазами была дорога. Появление чего-то на дороге и насторожило его.

– Вы решили, что он видел мачеху? Скажем, в окне проезжающей машины... – Турчанинов задумался.

– Повторяю, это был очень умный человек со сверхъестественной интуицией. Представьте себе ситуацию: он стоит и курит. Подсознательно ему не нравится, что он стоит тут, а Марина танцует там. Ему не нравится ее настроение в последние дни, не нравится, что она куда-то ездила без него, что она поехала на эту ранее ненавистную дискотеку. Он явно напряжен. Его напрягает даже пакет в ее руках, ведь он о нем потом непрерывно вспоминает в показаниях. Что за пакет? Какая косметичка? У Марины сорок сумок, одна другой дороже. Есть и маленькие, и расписные всякие, и специально для косметичек – зачем пакет? И вот такой умный и напряженный человек смотрит на дорогу и вдруг какую-то секунду видит в окне проезжающей машины лицо жены Королева! Он знает, что она должна быть у больной матери на Украине. Если он ее внезапно увидел, это и стало спусковым крючком для его тревоги. Это ведь его реплика была в деле: «Лола ненавидит больных, даже к больным родственникам никогда не приближалась». Зачем он это сказал? Думаю, включилось подсознание.

– Да вы фрейдист! – насмешливо сказал Турчанинов. – Больная мать – это все-таки отдельная тема. Куда больше меня интересует другое: вы сказали Королеву об этой версии?

– Мы намекнули на Лолу как на одного из кандидатов. Мол, могла и не уехать, могла в это время гулять с любовником. Он сразу отверг эту версию. Хотя, как вы правильно заметили, он утверждал, что Лолу не любит.

– Он ее не любил или утверждал, что не любит?

– Мне показалось, что утверждал. Всего лишь утверждал... Знаете, он считал ее заблудшей, но бросить не мог. И главное, он не верил, что она способна на зло. На измену – возможно, но не на убийство.

– Поэтому и отверг эту версию?

– Как бы вы поступили на его месте? Полное отсутствие короля доказательств – мотива! А делать такие страшные дела без мотива – непозволительная роскошь.

– Мотив? Зависть. Ненависть.

– По отношению к Марине? Не было. Было лишь немного жалостливое презрение. Марина была неприспособленной к жизни, некрасивой, несимпатичной, полностью управляемой деспотичным отцом. Угрюмая, непростая девушка, ходячий комплекс, она не умела находить общий язык с людьми. Он все выжег вокруг нее, и если уж кто-то кого-то ненавидел, так это Марина мачеху, а не наоборот. Все утверждали, что жизнерадостная Лола ее жалела. Скажу и еще кое-что, раз уж у нас тут такой момент истины... Ох, непросто признаваться. Короче, мы ведь проверили ее алиби. Не было его, Иван Григорьевич.

Он этого ждал, а следователь, видимо, ждал, что он ждет.

– То есть она на Украину не ездила? – уточнил Турчанинов.

– Нет, она туда ездила и гостила, по утверждениям матери, всю вторую половину сентября. А вот соседи утверждали, что она приехала в самом конце месяца, то есть позже.

– А вы говорили об этом Королеву?

– Да. Но на него это не произвело впечатления. Кто такие эти соседи? Мать твердила, что Лола ухаживала за ней с девятнадцатого числа. Если честно, я эту Лолу тоже перестал подозревать. Я подумал, что даже если соседи говорили правду, то она виновна в супружеской измене, не более того. Ну посудите сами, Иван Григорьевич: кислота в лаборатории мединститута, в которой у Лолы оставались знакомые, совпала до грамма, на предприятии, где ее производят, Лолу не опознали, да и вообще, найти человека, купавшего кислоту в Москве, нереально. Мотива никакого. Как себе это представить? Злая мачеха покупает кислоту, выманивает падчерицу на задний двор дискотеки, обливает ее этой кислотой, потом бьет по голове, потом уезжает на машине? И при этом фактически не обеспечивает себе алиби! А вот если она сказала мужу, что едет к матери, а сама на недельку задержалась с любовником – это и правда куда реальнее. Здесь же Москва, а не бразильский сериал. Кажется, и Королев это понимал.

– Ну и ну... – Турчанинов покачал головой. – Но какая-то версия у вас

была основной?

– Его бизнес.

– Понятно...

И после этого разговора он продолжал приезжать в архив как на работу. Наверное, бывшие коллеги думали, что он скучает по милиции. Однажды его даже остановил в коридоре главный чистильщик кадров – великий и ужасный Гудвин, как две капли воды похожий на своего еще более великого и ужасного предка (родство с которым он отрицал, но которое подтверждалось абсолютным портретным сходством). Этот человек остановил Турчанинова в коридоре, и Иван Григорьевич, независимый начальник охраны частного санатория, ощутил некоторое волнение под взглядом рачьих глаз, страшно описанных Алексеем Толстым в книге «Петр Первый».

– Честные люди нам нужны, – сказал Гудвин. – Подумайте, Иван Григорьевич, не вернуться ли? Кто-то должен разгрести эти авгиевы конюшни.

– Я подумаю, – пообещал Турчанинов.

В тот день он в сотый раз читал описание места покушения. Периодически поднимал глаза от бумаг – чтобы они отдохнули и чтобы представить себе то, что уже виделось до малейших деталей.

Вот она лежит среди шприцев, использованных презервативов и осколков стекла. Вот горит свет над крыльцом, а рядом шебуршит лес, скрывающий наркоманов. Орет музыка из раскрытого окна. Бедный охранник смотрит на лежащую девушку и думает, что кончена не только ее жизнь. Вот слетевшая с ноги туфелька, вот каблук, застрявший между плит крыльца...

Вот едет «скорая»...

Вот она уже приехала...

Вот медицинские описания.

Ужас! Лицо разъедено кислотой, череп разбит, еще и нога подвернута – она бы хромала не меньше двух месяцев – он это представил, а потом прочитал в сотый раз: «Ожоги лица, черепно-мозговая травма, рваная рана ноги».

– Что? – громко спросил он вслух. – Какая рана?!

Это надо же! Он читал это описание сто раз! И только сегодня он вначале представил, потом прочитал, а потом уже понял, что написано совсем не так.

Какая рваная рана?!

Девушка подвернула ногу – ее каблук нашли между плит. Это

несомненно. Она, видимо, потеряла равновесие, может, даже упала – или, может, ее толкнул убийца. Но при чем здесь рваная рана ноги?!

Турчанинов вдруг представил картинку из медицинских учебников – человека из мышц, у него обязательно они где-нибудь разодраны, чтобы студенты видели, что к чему...

И в этот момент он все понял. словно мягкий, теплый, сумеречный луч прошел сквозь потолок и все верхние этажи, спустился с небес и коснулся его головы, захватив своим золотистым светом лежащие перед ним бумаги. Это была главная минута – в его жизни она бывала часто, она была его счастьем. В такие моменты он раскрывал дела.

– Где же Лола?! – бормотал он. – Почему ее не ищут? Она пропала в конце апреля, как же так!

Иван Григорьевич быстро встал, сложил папки, отнес их на место.

Когда он вышел из управления, было десять часов вечера.

Делать или не делать пластическую операцию? – вот вопрос гамлетовского накала. Делать ли уколы ботокса, инъекции рестилайна, убирать ли бульдожьих щечки, надувать ли овраги, идущие от крыльев носа к уголкам рта, натягивать ли лоб и что делать с шеей, с которой ничего нельзя сделать?

Хорошо быть красивым. Еще хорошо быть худым и высоким. Неплохо иметь длинные ноги, и очень важно совпадать со своим временем. А то есть такие несчастные люди, которые с особенной тоской смотрят фильмы шестидесятых и говорят себе под нос: «Ни фиги себе, жопа! Да я бы здесь была королевой красоты!» Даже пленительная кавказская пленница – не худышка, а от фотографий роковой красавицы Мата Хари можно умереть со смеху.

Дело ведь не столько в цене пластических операций (хотя и в ней тоже), дело в принципиальной позиции: насколько молодой должна быть женщина к тому моменту, когда она умрет от старости, и насколько некрасивой имеет право быть женщина вообще.

Противники омолаживания говорят, что его сторонники не знают меры, что они готовы бесконечно улучшать себя, и это свидетельствует об их глубочайшей неуверенности и даже неких более серьезных проблемах. Себя надо любить всякой – утверждают противники. В их мнении много правильного, но, конечно, они правы не на сто процентов.

Мы ведь одеваемся красиво? И моем картошку, прежде чем сварить ее, не только из-за скрипа земли на зубах, но и вообще – из любви к красоте. И приятно сохранить молодость, чтобы лишней раз прославить Бога, создавшего этот мир. В конце концов, если бы пластические операции были дешевы и абсолютно безопасны, кто бы от них отказался? Кто?! Много ли женщин никогда не пользовались косметикой? Если не считать Афганистан и Эфиопию, то, наверное, таких нет.

Но все-таки, что делать человеку, лицо которого изуродовано так, что его уже не изменишь никакими пластическими операциями? Тому, кто мечтает не о красоте и молодости – а просто об отсутствии уродства либо не очень заметном уродстве? И что делать чрезвычайно маленькому мужчине или безногому ребенку, или дряхлой кокетке – как им стать свободными и счастливыми в этом мире, где красота бьет некрасивое на всех фронтах? Тема явно заслуживает отдельного исследования...

Турчанинов ходил вдоль стен косметологической клиники и разглядывал рекламные плакаты, рассказывающие о том, как жир расщеплять, вырезать, дробить, высасывать (его собственный даже заныл от страха), потом перешел к рекламе отбеливания зубов, потом внимательно прочитал расценки на уколы красоты и мезотерапию.

Несмотря на обилие этих плакатов, клиника была мерзкая. Здесь сильно воняло куревом, мокрыми коврами и протухшими тряпками. Ему сказали, что врача пока нет, но Иван Григорьевич знал, что тот здесь. Марина говорила ему об ослепительном халате, и нечто ослепительное, действительно, промелькнуло в окне, когда он поднимался по ступенькам. Судя по обстановке, больше ничто в этой клинике не могло быть такого белого цвета.

Наконец врач понял, что Турчанинова не пересидеть.

– Извините, был занят, – буркнул он, появляясь на пороге своего кабинета. – Проходите. Вы из милиции? По какому поводу?

– Вы знаете, по какому, – лениво произнес Турчанинов и довольно нагло уселся в кресло перед столом.

У него было трудное положение. Доказательств никаких, а врач – не дурак. Если он упрется, придется уходить отсюда несолоно хлебавши. Было бы обидно делать это на самом финише.

– Ребята сказали мне, что вас уже подозревали в незаконной пластической операции.

– Почему «уже»? Вы меня подозреваете во второй раз?

– Нет, не подозреваю. Но я хочу знать правду.

– А вы знаете, что я могу послать вас на три буквы?

– А вы попробуйте, – холодно предложил Иван Григорьевич. – Вы попробуйте, а я посмотрю.

– Будем драться? – оскалился врач.

– Вы, наверное, не понимаете, о чем речь. Я ведь не милиционер, а частный сыщик.

– Тогда тем более можно послать.

– Тогда тем менее можно послать, – поправил его Турчанинов. – Дело-то в чем? В том, что планировалась подмена дочери одного очень богатого человека. Саму девочку должны были убить, а может, уже убили.

– Может?

– Это вы мне и расскажете.

– Я? Вы лучше уходите.

– Я уйду, – сказал Турчанинов и сделал вид, что собирается встать. – Но на прощание сообщу, что поднялась такая буча, после которой вам

самому, возможно, понадобится пластическая операция. По смене внешности или даже пола. Вам никогда не хотелось научиться рожать?

– Слушайте, что вам надо? – Врач развел руками. – Не берите меня на испуг. Ваши так называемые ребята должны были вам сказать, что та операция, в которой меня подозревали, была спасением для человека. Это наше проклятое государство должно было его охранять, но у нас тогда, видите ли, еще не приняли закон о защите свидетелей. Во всем мире приняли, а у нас – нет. Был бы он простым человеком – его бы уже убили. Он оказался непростым и сам о себе позаботился.

– Откуда она узнала о вас?

– Кто «она»?

– Эта красивая женщина, которая тринадцатого апреля приезжала к вам на «мерседесе» и просила сделать ей операцию.

– Не понимаю.

– Откуда она узнала о вас?

– Я знаю Андрея...

– Сергеева?

– Я больше не скажу ни слова.

– Тогда я скажу. Вы Андрея не знаете, а знали. Его недавно убили.

– Как?!

– Да вот так. Может, все-таки поговорим?

– Но я ни при чем!

– Расскажите мне все, и я уйду.

– Она приехала по звонку Сергеева, действительно, на «мерседесе». Привезла фотографию какой-то женщины со шрамами, спросила, можно ли сделать такие же. Я сразу отказался! Она снова записалась на прием, приехала на следующий день и опять попыталась обсудить со мной условия. Очень наглая дама! Потом мне начал звонить наш хозяин, он уговаривал.

– Он тоже врач?

– Ну да. Также косметолог, но плохой... – врач опустил взгляд.

– И тоже знал Сергеева?

– Он нас и познакомил. Я Андрею как-то родинку с попы срезал.

– Значит, вы отказались?

– Я давал клятву Гиппократу. Я не могу навредить.

Турчанинов хотел сказать что-нибудь ироничное, но передумал.

– А как вы считаете, хозяин клиники мог взяться за такую операцию? – спросил он вместо этого.

– Это очень сложно. Он ведь теперь бизнесмен, давно никого не лечил.

В нашем деле нельзя делать перерывов...

– А если бы ему заплатили пять тысяч долларов?

– Ох, он очень жадный, копейку из рук не выпустит. Это был бы большой соблазн, конечно. Но ему сделать такую операцию и правда трудно.

– А мог бы он найти другого врача, чтобы не терять деньги?

– Да черт его знает! – врач сердито дернул головой. – Сейчас все что угодно может быть! Кстати, эта девушка с фотографии приходила ко мне. На том же «мерседесе» приехала. Я вначале и не понял, думаю: откуда я ее знаю? А потом вспомнил, что мне ее фотографию показывали!

– А не могла это быть подруга Андрея, ну, та красавица? – после паузы спросил Турчанинов.

Врач смотрел на него, выпучив глаза.

– А зачем бы она ко мне приходила? – шепотом спросил он.

Следующим пунктом был дом номер 17 по улице летчика Ивана Порываева.

Турчанинов стоял перед синими воротами и думал, что он теперь персонаж сна. От этой мысли слегка кружилась голова.

Вдруг волосы на его голове и даже теле встали дыбом – из-под синих ворот высунулась собачья морда, а потом и вся собака стала протискиваться наружу.

Он начал пятиться к машине, но собака показалась полностью, и он увидел, что она еще совсем маленькая и веселая. Она крутила хвостом во все стороны и шла боком, согнувшись чуть ли не пополам. Так собаки обычно просят, чтобы их погладили.

– Портос, сюда иди! – раздался злой голос.

Ворота приоткрылись, из них вышел угрюмый старик в черной униформе. На Турчанинова он не посмотрел, хотя Ивану Григорьевичу показалось, что он его прекрасно видит боковым зрением и даже разглядывает.

Старик схватил щенка за шкуру и потащил к воротам.

– А Рекс где? – спросил Турчанинов.

– Сдох, – не оглядываясь, буркнул старик.

– Полгода назад? Поэтому и сняли щиты?

Старик остановился перед воротами, спина его напряглась. Руку он разжал, и щенок скрылся под воротами.

– Теперь опять придется щиты прибивать, – сказал Турчанинов спине.

Даже после этих слов старик не оглянулся, лишь чуть повернул голову к плечу. Видимо, он вообще предпочитал смотреть боком.

– А это не твое дело, – спокойно произнес он. – Надо будет, приедем, а не надо – так оставим. У тебя, по крайней мере, спрашивать не будем.

– Ишь ты! – уважительно сказал Иван Григорьевич. – Какой ты независимый перец!

– Я не перец. И ты головой думай, прежде чем говорить. Я тебе в отцы гожусь.

– Мой отец здороваается, когда к нему люди приходят. «Папаша»...

– Здравствуй! – с вызовом сказал старик, и слегка развернул корпус – Какими ментовскими тропами тебя занесло, «сын»?

– Да вот ищу тех, кто кислоту налево продает.

– Ошибся адресом.

– Кто, видя невменяемую девушку, тем не менее продает ей кислоту в количестве, достаточном, чтобы облить другую девушку.

– Ошибся адресом, – повторил старик и теперь повернулся полностью. У него оказались темные и страшные глаза, живущие как бы отдельной – лютой – жизнью. Он прятал взгляд словно из сочувствия к окружающим: чтобы не обжигать людей и не пугать их.

– Даже твой покойный Рекс почувствовал, что девушка не в себе! Даже собака старалась остановить, а ты, сука, продал.

– Ты сам сука.

– Когда прибили щиты под ворота?

– Давно.

– Сколько лет назад?

– Слушай, – старик вдруг заговорил тихо. Он даже подошел к Турчанинову, приблизил свое лицо, а от его глаз полыхнуло горячей и сумрачной ненавистью. – Я тебе вот что скажу: я тебя не боюсь, мусор. И ни одного слова ты из меня не вытянешь, понял? Я вообще никого не боюсь и никогда не боялся.

– А Бога? – насмешливо спросил Иван Григорьевич. – Бога ты боишься?

– А ты что, папа римский? Бог без тебя со мной разберется, понял?

Было ясно, что он действительно не скажет ни слова. Турчанинов таких много видел на своем веку. Это была какая-то особая порода людей – чудовищно злобная, независимая и не приручаемая ни за какие коврижки.

«Ну и иди к черту», – подумал он. Даже если бы старик что-то сказал, его слова – не доказательство.

Уже сев в машину, он набрал номер следователя, который вел дело Марины.

– Вы не проясните мне один момент? Когда Марину нашли, у нее

оказалась рваная рана на ноге.

- Да, я помню.
- Почему она вас не заинтересовала?
- Она была не свежая. И обработанная.
- Ах вот как... – Турчанинов поднял брови.
- Хотя она, видимо, сыграла роль.
- Какую?
- Марина споткнулась на лестнице потому, что вообще хромала.
- Не из-за плит и каблука?
- Это уже последствия.
- А Королев знал, откуда эта рана?
- Нет. Он сказал, что еще два дня назад ничего такого не было. Потом

домработница сообщила, что Марину накануне куснул пес в Жуковке. Бродячий какой-то... Ну, а вообще нам было не до этой раны. И она была небольшая.

– Понятно, – задумчиво произнес Турчанинов. – Спасибо, – он нажал отбой. – Обработанная рана... Обычно обращаются в травмпункты. Но в какой обратилась она?

Шансов было мало. Девушка могла поехать в ближайший, а могла – в дежурный. Могла по месту жительства, а могла – в любую из московских больниц, встреченных по пути. Хранят ли там статистику?

Тем не менее, он поехал. В ближайшем травмпункте ему сказали, что данные пятилетней давности у них не хранятся, еще и посмотрели, как на дурака. «У нас шесть тысяч покусанных людей в год!» – сказала медсестра. Он подумал, что нет смысла начинать копать в этом стоге сена. Пять лет назад Марина была прописана на улице 1905 года, но могла обратиться не по месту прописки, а по месту жительства – где-то по Рублевскому шоссе. Он все-таки позвонил в тот, что на 1905 года, и ему сказали, что для милиции поискать можно. Турчанинов оставил им свой телефон, попросил позвонить в любом случае и пообещал огромную коробку конфет. Что-то его грызло – какие-то сомнения.

«Все эти муниципальные пункты – такие неприятные. Кажется, что она должна была обратиться в какое-то другое место... Стоп! А можно ли получить такую помощь платно?» – он набрал телефон справочной. Ему сказали, что да, такая служба есть, и продиктовали несколько телефонов.

Теперь его машина стояла на обочине дороги, а сам он тратил деньги с мобильного и чувствовал при этом удовлетворение: он не украл королевские десять тысяч, он их честно отработывает!

- Да, мы уже существовали пять лет назад, – гордо сказала ему

девушка по третьему из набранных номеров. – Может быть, единственные в Москве!

– Единственные – это хорошо, – устало одобрил он. – И у вас-то, поди, данные хранятся? Да их и немного, наверное.

– А что вы ищете?

– Мне нужен сентябрь двухтысячного года. Конец месяца. Фамилия девушки Королева. Ее покусала собака.

Она копалась не меньше пяти минут, а он смотрел на проезжающие машины. Они пронеслись: «у-уух!» – и его собственная качалась от ударов воздуха.

– Да, есть такая, – радостно сказала девушка. – Марина Михайловна Королева. Она приехала в семнадцать ноль-ноль двадцать седьмого сентября. Рваная рана ноги, но небольшая.

– Тем не менее, после таких хромают?

– Там гематома обычно образуется, она сдавливает ткани, это очень больно.

– Вы ей обработали?

– Да. Ну и еще укол от столбняка и от бешенства... – Девушка немного растерялась и понизила голос. – Это незаконно: от бешенства можно делать только на государственных пунктах, но мы все-таки делаем. У нас и вакцины самые современные. Это ничего?

– Ничего, – успокоил он. – Вы ведь должны записывать и адрес, где произошло нападение собаки?

– Да. С ее слов. Улица летчика Бабушкина, 17.

Он улыбнулся и прикрыл глаза. Трудно с ходу придумать ложь, тем более, если ты правдив или высокомерен с рождения. Сколько дел раскрывается на неумелой лжи.

Марина не хотела, чтобы знали, где она была. Но и придумать улицу сразу оказалось трудно. Хорошо, что на свете есть не один летчик, а много. Много, много летчиков. Россия – родина самолетостроения. Тупалев, Микоян... Колбаса...

Турчанинов спал в машине, откинувшись назад. Мимо пронеслись реактивные самолеты: «уу-ух»!

... Из государственного травмпункта так и не позвонили. Даже огромная коробка конфет их не соблазнила.

К тому времени уже составили фотороботы всех рабочих, благоустроивавших двор дома номер двенадцать. Один из них нашелся сам: тот самый коренной житель, что родился здесь в коммуналке.

Это была его Москва, отсюда их с матерью переселили еще в семьдесят восьмом – дали квартиру у черта на куличках, в одном из двух новых панельных домов, стоявших посреди полей и деревень. Младшему брату нравилось, а он умирал от тоски. До остановки надо было топтать по непролазной грязи, а к единственному телефонному автомату выстраивалась такая очередь, что мама не горюй.

Мама не горевала, она даже наладилась покупать у деревенских козье молоко, и говорила, что эта гадость полезна для здоровья. Но ей было трудно, конечно, возвращаться из центра по вечерам – она была уборщицей и работала допоздна. А ведь им дали очень престижную квартиру в экспериментальном кооперативном доме. Он был построен для секретного конструкторского бюро и самими конструкторами любовно для себя спроектирован. Мать в этом бюро мыла полы, вот ей и отвалили от интеллигентских щедрот.

Потом у матери появился сожитель-алкоголик, и тогда он окончательно переселился к себе в Москву. Окраины этот человек так и не признал. Уж такой он уродился аристократ. Жил по подвалам, но в центре.

Его долго спрашивали о двух других рабочих, и он прямо раздувался от гордости: свидетель! Он готов был даже привирать, чтобы доказать свою нужность, но они поняли, что он привирает, и обложили его матом.

Он сказал им, что человека по фамилии Королев он потом встречал в соседних дворах и сильно удивлялся, что тот все еще в форме и с инструментом. Неизвестно, поверили ли они в это. А ведь это было правдой.

Успехи были и у испанской полиции. Она нашла того, кто продавал героин; этот продавец насаждал кучу народа, включая иностранного красавца с синими лунными глазами. Поразительно, но румынский нелегал использовал то же слово для описания глаз покупателя. «Lupaг!» – повторял он. Узнав этот факт, Иван Григорьевич Турчанинов подумал, что у любви бедной Лолы были оправдания.

Ее апрель был насыщенным и тревожным. У падчерицы начались

«завихрения в башке», они могли свидетельствовать об ухудшении и обернуться большой проблемой. Сладкая жизнь заканчивалась, а продавать себя за деньги, пусть даже и нефтяной шишке, эта женщина не хотела. Иван Григорьевич думал с печалью и удивлением, что относится к ней вовсе не плохо и даже покровительственно.

Наверное, вслед за всеми остальными он попал под обаяние простоты – той, что хуже воровства, но, несомненно, симпатичнее его. Иногда он с ужасом понимал, что способен влюбиться в такую женщину, способен, даже отдавая себе отчет в том, что будет несчастен с нею и возненавидит потом.

Собственно, влюбиться в неумную и нечестную красавицу – что же в том удивительного? Так повелось с незапамятных времен: в неумных и нечестных влюбляются ничуть не меньше, чем в умных и порядочных, а иногда и больше. Метания души и разума начинались на другом этапе: Лола не была стервой и не была хищницей, она также не была предательницей; она была себе в ущерб – вот что было невыносимо для размышлений Ивана Григорьевича. Он таких женщин встречал, и они всегда оставляли в его сердце привкус печали и жалости. Это были настоящие мотыльки, летящие на пламя, а желать зла женщине-мотыльку, пусть даже и убийце, настоящий мужчина не сможет никогда.

Нет, он не считал, что мужчина сильнее или умнее женщины. Он любил говорить в компаниях, что эволюция хорошо позаботилась о слабом поле, а феминизм сделал его почти неуязвимым. Он встречал женщин, которые были умнее его (хотя Иван Григорьевич считал себя очень умным), видел тех, кто устойчивее к стрессам, напористее, жестче и даже сильнее физически. Процентом десять знакомых женщин, как он думал, лучшие боссы, чем все ему известные мужчины. Он знал также двух женщин-миллионеров, причем они сами заработали свои деньги и ни один мужчина им не помогал – они утверждали, что, наоборот, мужчины мешали. Было ясно, что еще лет пятьдесят, и столетия угнетения забудутся навсегда (само угнетение Турчанинов хотел бы поставить под сомнение, но не мог – он был передовых взглядов и за это считался среди мужчин оппортунистом). Женщина станет абсолютно равной. Она, конечно, слабее физически, но она будет меньше болеть, лучше приспособливаться к переменам, а потом и добьется отмены того, что напоминает ей о физическом неравенстве. Скажем, даже пощечина будет караться так, как сейчас – изнасилование. От демонстрации физической силы отучат, можно не сомневаться.

Наверное, вслед за этим и вымрут женщины-мотыльки. Летучие, лживые, странные, преданные, честные, глупые, мистически прозорливые –

такие двойственные, словно сделанные из двух разных существ: женщины и мотылька. Ведь вымерли мужчины восемнадцатого века: легкомысленные и напудренные, умеющие жить, как никто и никогда позже – такие обольстительные любовники и жуиры. Красота не защищает от ухода из истории – вот в чем дело! «Кто не жил в восемнадцатом веке, тот никогда не жил», – грустно говорил Талейран после революции, да и все остальные утверждали: это было несравненное и прекрасное время, но оно кануло навсегда. В эволюции побеждает сильнейший, а не прекраснейший.

Да, вот такая Лола: одному изменяла, другому была предана, сегодня расчетливая, завтра щедрая, ее ничто не удержит, она ценит всякие смешные мелочи, но не ценит самого важного; непредсказуемая, жестокая, делающая всех вокруг несчастными, не приносящая воды умирающему, а завтра, наверное, плачущая над вымышленными героями ток-шоу – может, пусть она лучше сгинет?

Зачем он думал об этом? Зачем расстраивался и шептал себе под нос? Черт его знает. «Просто, отвык в санаторной глуши от маленьких и больших трагедий, – пытался он себя образумить. – Одичал, все теперь в новинку...» Возможно, так и было.

Двенадцатого августа, в пятницу, он отпросился с работы пораньше и отправился завершать эту разбередившую душу историю. Ехал в Москву навстречу огромным пробкам, по пустой дороге – он знал, что так всегда бывает в пятницу, но ему казалось, что все-таки в этом есть какой-то знак: ему горит зеленый свет, нет никаких препятствий и, значит, его дело правое.

Уже из машины Иван Григорьевич сделал самый важный звонок, потом заехал к коллегам, чтобы посмотреть на фотороботы, дал им адрес и сказал, что позвонит. Затем отправился в клинику фонда.

Последнюю неделю Марина находилась там. О клинике словно забыли, и она плыла по зеленому морю Лосинога острова, как корабль без руля и ветрил, – счета закрыты, главного врача нет – а как-то плывет, лечит. Иртеневой сюда было удобно приезжать, она привозила свои лекарства и даже гуляла с Мариной по парку. Потрясенный ее преданностью и сам никуда не сбежавший садовник пообещал ей кучу разных многолетников и два можжевельника. «Вы это оцените!» – грустно произнес он. Иртенева и правда была хорошим садоводом.

Иван Григорьевич нашел их в парке. Они сидели на скамейке под липами, разговаривали, и Иртенева сразу нахмурилась, увидев его. Турчанинов уже знал, какими авторитарными могут быть врачи, поэтому демонстративно положил руки в карманы. Он и сам любил покомандовать,

это была командирская поза.

– Мне надо поговорить с Мариной, – сказал он.

– Каждое ваше появление сводит на нет месяц лечения.

– Есть ситуации, которые лечатся не изнутри, а снаружи.

– Ах, да! – Она саркастически улыбнулась. – Я и забыла! Вы же врач.

– Нет, я следователь.

– Но здесь не милиция, господин Турчанинов. Здесь больница.

– Марина, – обратился он к испуганно затихшей девушке. – Теперь я знаю точно: вы Марина Королева. У меня есть все доказательства.

– Доказательства? – прошептала она.

– Да. И главное из них – ваш сон, точнее, воспоминание об улице летчика Ивана Порываева. Вы там были, и там вас покусала собака.

Ее глаза не округлились, как он ожидал, а наоборот, чуть сузились.

– Это произошло двадцать седьмого сентября двухтысячного года. Рекс вылез из-под ворот и укусил вас за ногу. После этого вы поймали такси и отправились в платную поликлинику, где вам оказали помощь и записали ваше имя. На следующий день, уже после покушения, врачи обнаружили на вашей ноге обработанную рваную рану. Она была небольшой, но болезненной. Это из-за нее вы споткнулись на лестнице клуба.

– Но я не помню, как он меня кусал!

Иртеньева взяла Марину за руку, потом подняла взгляд на Турчанинова. Он ожидал увидеть в ее глазах гнев, но нет – она смотрела серьезно, беззлобно и грустно.

– Это и не нужно помнить, – сказал он.

– Как же не нужно? Ведь это ничего не доказывает! Да, я помню собаку, и она меня до сих пор пугает, я вижу, как она смотрит из-под ворот, но этот страх ничего не значит!

– Значит.

– Нет, Иван Григорьевич, вы не понимаете. – У нее на глазах показались слезы, нос покраснел, но теперь она казалась ему симпатичной. – Они обе могли видеть и дом, и мединститут, и Королева, и бывшего главврача, господи, словно купили эти воспоминания в одном магазине!

– И дом, и мединститут, и Королева, и бывшего главврача – да. Но не эти ворота. Их могла видеть только Марина.

– Да почему?

– Потому что, как я думаю, Лола там никогда не была.

– Но там же продают кислоту, а Марину облили кислотой! Как это

может быть совпадением? Это Лола купила кислоту, она там была, Иван Григорьевич!

Он помолчал, прежде чем ответить.

– Вы хотели знать, кто вы? Я вам сказал. Двадцать седьмого сентября двухтысячного года Марину Королеву покусала собака. Это несомненный факт. Я уверен, что это произошло на улице Ивана Порываева. Вы вспомнили эту улицу и вспомнили эту собаку. Какие вам еще нужны доказательства? Через пару часов у меня будет последнее, но я вообще-то не бросаюсь такими словами. Если я говорю, что в чем-то уверен, значит, так и есть. Вам достаточно моих слов?

– Нет.

Он приподнял бровь. Иртеньева усмехнулась, глядя себе под ноги и словно задумавшись о чем-то своем.

– Иван Григорьевич, я хочу знать не только, кто я, но еще и правду.

– Вот как... Это желание заслуживает уважения. – Он немного растерянно посмотрел на Иртеньеву, ожидая ее реакции.

– Что такое? – притворно удивилась она, так и не поднимая глаз. – Я-то думала, милиция все знает! Что ж вы запнулись?

– Слушайте, нашли время ерничать! Что мне делать?

– А что вы имеете в виду, собственно?

– Как вы относитесь к тому, чтобы я сейчас стал говорить правду? Какой бы она ни была...

– Да мне-то что? Пусть погибнет мир, но восторжествует юстиция. Это ведь ваша клятва Гиппократа?

– Красивая, не правда ли?

– Неплохая, – согласилась она и наконец подняла взгляд. – Можете говорить, не надо тянуть, как в американском триллере. У меня и то началась аритмия. Хотя, на мой взгляд, триллеры, в отличие от выпусков новостей, полезны для здоровья. Ну, говорите.

– В общем, я считаю так. Лола никогда не была на улице Ивана Порываева именно потому, что она никогда не покупала кислоту.

– А кто ее покупал? Сергеев? – спросила Марина.

– Нет. Вы.

– Я?!

– Да.

– Чтобы облить себя, что ли?!

– Нет, чтобы облить мачеху.

– Зачем?!

– Думаю, вы ненавидели ее. И до этого ненавидели. А уж потом, когда

вы узнали, что она изменяет вашему отцу, что она ответила предательством тому, кому надо быть преданным, что она не оценила свалившегося на нее счастья, – тут уж вы стали плакать в курилке у окна и говорить, что никогда не надо знать правды. Вы с тех пор изменились, Марина.

Она потрясенно молчала, он посмотрел на часы.

– Я спешу, у меня еще есть дела.

– Связанные с этим?

– Да.

– Тогда я поеду с вами.

– Нет.

– Я поеду с вами! Неужели вы не понимаете, как это для меня важно?

Он вопросительно посмотрел на Иртеньеву.

– У меня случай недавно был, – сказала она. – Пациент один, сумасшедший, вдруг в подробностях описал мне самую главную и самую неприятную тайну моей жизни... Я вот с тех пор думаю: он мысли мои читал, или в него что-то вселилось? Так странно... Я уже во все верю. И чем больше своим делом занимаюсь, тем больше понимаю, что официальная наука ничего не объясняет.

– Неловко, наверное, заниматься лечением с такими-то взглядами?

– Я привыкла, – Иртеньева вздохнула и поднялась со скамейки. – К чему я это вспомнила? К тому, что человеческий организм иногда выкидывает такие коленца, что проще поверить в самую немислимую чушь. Марина очнулась – это чудо. Она сама в него не верит! А я не удивляюсь. Я такие вещи вижу каждый день. Мне-то труднее поверить, что человек, носящий в себе столько замечательных чудес, берет и убивает другого человека. А вас, Иван Григорьевич, наверное, этим не удивишь?

– Удивишь, – сказал он. – К этому привыкнуть невозможно.

– Кстати, способность удивляться – признак психического здоровья. Думаю, что Марине надо поехать с вами. Если она от чего-то страдала все это время, так это от собственной раздвоенности. Ведь как говорят? Само решение никогда не мучает, мучают сомнения. Только, ради бога, в одиннадцать спать! И вам, Иван Григорьевич, искренне советую – как медик медику – ложитесь спать вовремя!

Он не удержался – рассмеялся.

– Хорошая женщина Иртеньева, – сказал Турчанинов уже в машине, когда они выехали на трассу. Марина сидела напряженная, с прямой спиной, гордо поджав губы, такая жалкая, что у него защипало в глазах.

– Меня больше никто не будет пугать?

– Никто.

Теперь они ехали из города, и он с завистью смотрел на пустые встречные полосы. Вся Москва разъезжалась по дачам, пробки, видимо, будут до Клина.

Красивые летние сумерки зажигали на березах огни святого Эльма, в долинах собирался туман.

Казалось, где-то там, в глубине подмосковных лесов в эту минуту распускаются цветы папоротника. На затянутой ряской поверхности маленьких речек всплескивает чей-то хвост – это русалки выплывают из-под коряг.

Турчанинов мотнул головой: Иртеньева хорошая женщина, но с психиатрами лучше не общаться, они все ненормальные...

– Смешное название, – произнесла Марина. – Рвачи.

Машина проехала по единственной улице, остановилась у нужного дома, они вышли.

Деревушка была уютная, настоящая. Пахло вареной кукурузой, коровами, хвоей – сразу за домом начинался бор. Турчанинов вздохнул, взглянув в его сумрачную глубину.

– Степан! – позвал он, одной рукой приоткрывая незапертую дверь, а другую положив в карман: на всякий случай. Марина стояла за его спиной и оглядывалась.

– Я тут... – Горбачев вышел в сени. Он опять был в костюме и даже при галстукe. – Приехали? Вы не один?

– Я привез к вам дочь Михаила Александровича.

– Да вы что? Какая неожиданность! Приятная неожиданность... Да проходите, что же вы? Я и чай поставлю. У меня только к чаю ничего нет. Вы так неожиданно позвонили, наше сельпо уже было закрыто...

Они прошли по половикам в комнату. Здесь, видимо, все осталось от умершей бабушки – и комоды, и кружевные салфетки (теперь серые от грязи), и на стене две черно-белые фотографии со слегка раскрашенными губами и щеками. На подоконниках стояли горшки с давно засохшей геранью, на полу лежали коврики, сделанные из разноцветных, скрученных в трубочки тряпок.

Турчанинов и Марина сели за круглый стол, Степан возился у печки. Было ясно, что ему нечего там делать, но поворачиваться он не хочет.

– Пора вам познакомиться, – заговорил Иван Григорьевич, – с дочерью старого друга, которую вы так отважно защищали... Вы ведь хотели ее защитить?

Спина напряглась, рука бесцельно провела по беленой поверхности печи.

– Защитить? Нет-нет... Все по другой причине...

– А у нее уже есть улучшения, – как ни в чем не бывало продолжил Турчанинов. – Она вспомнила улицу, на которой покупала кислоту. Вы знаете эту историю? Лола вам ее рассказывала?

– Рассказывала.

– Вы назвали эту историю дурацкой.

– Я проговорился.

– Не поделитесь деталями?

– Она говорила, что Марина увидела их у трансформаторной будки...

– Как и вы?

– Туда, кажется, выходили окна курилки... Лола сказала, что девочка была мерзкая, завистливая, что отец полностью сломал ее психику. «Она пошла в медицинский, чтобы быть похожей на меня и ходить в белом халате!» Лола смеялась.

– Это не очень смешно.

– Лола смешливая... Но она не понимала, с чем играет. Ведь Марина пошла в отца – она была решительная.

– Она и есть решительная.

Рука снова стала водить по штукатурке. Турчанинов изумленно наблюдал за ее движениями. «Он все-таки ненормальный, других объяснений нет...»

– Наверное, Марина хотела отомстить за отца, – произнес Степан.

– Но почему было просто ему не сказать?

– Ей по характеру было противно ябедничать.

– Облить кислотой лучше?

– Может, и не облила бы?

– Так сказала Лола?

– Да. Она так и сказала: «Может, и не облила бы».

– Как это великодушно.

– О нет! Она не великодушная, что вы!

– Откуда Марина узнала, что Лола не поехала на Украину, а задержалась в Москве, чтобы погулять с любовником?

– Она тогда уже шпионила, подслушивала. Он ведь там преподавал, это было несложно...

– Она узнала и о том, что в пятницу они будут на дискотеке?

– Ну да.

– Вас никто не выманивал на задний двор, – обратился Турчанинов к Марине, смотревшей на него во все глаза. – Все нелепости этого дела перестают быть нелепостями, если понять, что это сама Марина

планировала покушение. Никто не подгадывал день, никто не вызывал ее на дискотеку, никто не уговаривал выйти – ничего этого не было. Лола и Сергеев просто целовались у крыльца, и вы пошли туда. Вы ничего не боялись, ведь это вы были охотником. Накануне вы купили серной кислоты. Это ее, а не косметичку, вы держали в руках. А вот что произошло дальше? Степан, вы же знаете, расскажите.

– Насколько можно верить Лоле? – откликнулся тот.

– И все-таки, что она рассказывала?

– Что Марина появилась на крыльце, как привидение, она аж тряслась от ярости и повторяла: «Ты заколдовываешь мужчин! Они не могут тебя бросить, потому что ты красивая! Но не надо думать, что красивым все позволено!» Она очень завидовала красоте. Лола всегда смеялась: ее-то, мол, не купишь. Все Королевы купили, а красоту не могут. И дочка будет уродиной, и любить ее будут по расчету. Такая дура – Лола...

– Итак, Марина сказала, что больше Лола не будет красивой и тогда отец ее бросит?

– Она не говорила про отца, она просто повторяла: «Ты не будешь больше красивой, и тогда станет видно, какое ты ничтожество». Она подняла руку с банкой – это была банка – перед собой, и положение стало критическим. Они оба очень растерялись, они считали, что она сошла с ума. Даже двигаться боялись, стояли как вкопанные.

– И в этот момент она споткнулась?

– Нет, вначале Сергеев сказал ей: «Ты доиграешься, дурочка. Что ты себе навоображала?» А потом резко выставил руку, чтобы перехватить кислоту. Лола сказала, что она упала непонятно почему. «Он толкнул совсем не сильно!» – говорила Лола.

– У нее была поранена нога. Нога болела, а тут еще каблук попал между плитами крыльца.

– Что произошло дальше? – неожиданно крикнула Марина. – Говорите скорей!

– Она опрокинулась назад, – сказал Степан. – Из-за этого получилось, что рука Сергеева сильно толкнула банку... Короче, она облилась, ударилась головой и потеряла сознание. Мгновенно. От удара и болевого шока.

– Почему же на осколках не нашли ее отпечатков?

– Банка была в пакете. А его они забрали...

На улице послышался шум машины – Турчанинов напрягся. Ему показалось, что напрягся и Степан. Но машина проехала мимо.

– Любовники оказались в жутком положении, – Иван Григорьевич

устало помассировал переносицу.

– Да. Сергеев все время повторял: «Он нас убьет обоих! Мы ничего не докажем, он выставит дело так, что мы хотели ее убить!» Лола говорила, что ведь Марина где-то купила кислоту, может, это будет доказательством? Но он твердил: «Он нас просто убьет, а с меня снимет шкуру. Снимет шкуру, я умру в мучениях!»

– Это был серьезный довод для Лолы.

– Она его любила всю жизнь.

– Кто ударил?

– Конечно, Сергеев – у него твердая рука. Он сказал: «Она все равно изуродована, что это будет за жизнь? Лучше умереть сразу». Он ударил камнем, и они сбежали. Правда, Лоле показалось, что ее видел Маринин охранник.

– Когда вам Лола рассказала все это? Тридцатого апреля?

– Да. Здесь...

– Чтобы объяснить, почему она имеет право на подмену?

По-прежнему стоя к ним спиной, Степан пожал плечами.

– Наверное, для этого. Но главным образом ей казалось несправедливым, что после Мариной смерти имущество отойдет фонду. «Этим вора, этим наглым болтунам, которых я ненавижу», – сказала она.

– Лола была уверена, что Марина умирает?

– Так считал Сергеев. Были очень странные симптомы.

– Предвестники ее пробуждения. Он их неправильно прочитал.

Степан несогласно покачал головой, и Турчанинов снова подумал, что тот не в себе.

– Неужели они решились на подмену?

– Да.

– И убили Елену?

– Лола не убивала. Она даже не знала, что Елена умерла. Она бы сказала.

– Вы думаете?

– Она простодушная и рассказала все, но не это.

– Но она говорила, что они ездили в Испанию?

– Да, это сказала. И то, что Елена скоро загнется от наркотиков. И что у нее так болела голова, что Сергеев сказал: «Это менингит от СПИДа, финальная стадия», и даже сделал обезболивающий укол. И что при этом был в резиновых перчатках: мол, боялся заразиться. Видите, она этого не скрывала. Сказала, что он сделал Ленин отпечаток на шприце: чтобы не было неприятностей, если она умрет. Лола такая простодушная... Она

действительно не знала. Это все он.

– Как же она согласилась на пластическую операцию?

– Она никогда не дорожила красотой. Так бывает. Умные не очень ценят ум, талантливые считают, что все вокруг талантливы, удачливые легкомысленны по отношению к своей удаче. И все всегда мечтают о том, чего у них нет. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Это так...

– Кто должен был сделать операцию?

– Она сказала, что один хороший врач отказался, но другой деньги взял. Сергеев считал, что это пустяковая операция. Мол, любой справится.

– На какое число это было запланировано?

– На первые числа мая, кажется.

– А почему вы ей поверили? – помолчав, спросил Турчанинов. – Может, она просто так мечтала. Разве она не была болтушкой?

– Ну, всякие подробности... Например, то, что они забрали все Маринины документы, уволили старый персонал, нашли такое лекарство – оно вводит в кому. Лола сказала, что с помощью этого лекарства в Америке недавно вылечили человека, больного бешенством – ввели его в кому и как-то вылечили. В общем, были такие медицинские подробности, что я понял: это уже не она принимает решения, это он принимает. А он шутить не любит. Он серьезный человек. Не болтушка.

– Вы отговаривали ее?

– Да.

– Очень-очень?

Степан слегка повернул голову – Турчанинову теперь был виден его профиль – и улыбнулся. Наверное, этот вопрос прозвучал слишком беззаботно.

– Очень.

– И долго?

– Долго...

– Почему вы ее отговаривали, Степан?

– Зачем она так унижалась перед ним? За что она его любила? Я – ладно, меня любить не за что, я трус. Но как можно было не любить Мишу, а выбрать этого...

Спина стоявшего у печи человека согнулась: то ли он плакал, то ли смеялся. Секунду спустя Горбачев тихонько застонал и вдруг начал раскачиваться.

Раскачивался он очень странно: вплотную к стене, прижавшись к ней. Было слышно, что он возит лицом по известке – у Турчанинова даже зубы занули.

– Степан, успокойтесь.

Но тот все продолжал и продолжал свои бессмысленные движения.

– Степан, очень противный звук, прошу вас, не надо!

Голова, как метроном, отъехала вправо, на белой известке осталась розовая полоса.

Маринины пальцы испуганно коснулись руки Турчанинова. Они были ледяными, и он успокаивающе сжал их.

– Она не любила Сергеева, – тихо, но твердо сказал Иван Григорьевич. – Это все из-за денег. И может быть, Лола надеялась, что когда все затихнет, она исправит внешность? Она что-нибудь говорила об этом?

– А зачем вам это знать? – внезапно остановившись, спросил Степан. Он опять слегка повернулся, Турчанинов увидел бело-розовый контур лба и ярко-красную рану на кончике носа. – Вам-то что за дело?

– Я любила его, – вдруг сказал голос справа от Турчанинова.

Это мгновение он будет вспоминать как самое жуткое мгновение своей жизни. И самое длинное – это уж наверняка.

Резкий поворот головы Степана, его клоунский нос и ошеломленный взгляд. Потом собственный поворот головы – медленный, словно время остановилось.

... Что он ожидал увидеть?

... Лолу?

Он повернул голову и увидел изъеденное оспинами лицо. Прошла лишь секунда, но Иван Григорьевич успел за эту секунду и выпасть из реальности, и снова прийти в себя.

– Что вы сказали? – хрипло спросил он.

– Я все вспомнила, – сказала она. – Я его очень любила.

Человек, чье лицо неразлично, говорит:

Отчего же? Мне нравятся такие – не худые. Какие? Ну такие, как ты, например. Я люблю крепкие ножки. Вот здесь проходит четырехглавая мышца, она состоит из прямой, промежуточной широкой, латеральной широкой, а вот здесь, внутри, под самой нежной кожей такая красивая медиальная...

Нога ждет прикосновения, но прикосновения не происходит. Человек не успевает коснуться ноги, его сметает молочно-белая воронка времени.

Остается лишь его голос, он шепчет:

Дурочка сладкая, какая ты нетерпеливая!

Хочется ему ответить, но рот пока нем, во рту лишь зачатки слов. Да и слова не проблема – слова бы проклюнулись, проросли. Нет голоса. Вот чего нет!

Ни мычания, ни стопа, ни писка. Ни один звук не вышел из горла – звуки пока бугрятся сухие, на них еще не попали капли звона.

Они как спящие почки, по которым не определить, что это за дерево.

Может, это клен?

И тут же перед глазами появляется пятипалый желтый лист. Как он хорошо виден, как янтарны прожилки, несущие соки сентября.

Дурочка сладкая, какая ты нетерпеливая!

Да, уши слышат эти слова в тот момент, когда глаза видят лист. Надо поднять глаза, чтобы увидеть хозяина голоса. И глаза поднимаются, и перед ними ослепительная синь.

Что это? Небо?

Нет, уже ночь.

Любишь? Правда? А замуж пойдешь? За меня. Пойдешь? Правда?

Рот буквально раздирается, но из него ползет сухое. Вата не вата, тополиный пух – не тополиный пух.

А ведь хочется ответить: «Да»?

Да?

Опять прожилки и трещинки – но они теперь не янтарные, они серосиние. Они на стекле. Грудь вдыхает воздух – он сильно прокуренный, а рука толкает дверь.

Ты доиграешься, дурочка. Что ты себе на-воображала?

И в этот момент в груди начинает прибывать. Это словно дождь,

который пузырит лужи. Он наконец пришел, этот спасительный ливень, влага все выше и выше, вот она затопила весело бурлящие легкие, насытила водоросли бронхов, вступила в горло. Скорее! Туда, где спят слова, которые нужно оплодотворить голосом.

И вот по ветвям звуков побежали соки, почки слов набухли, из них полезли листья вечернего леса, и это было так, словно она видела страшный сон и хотела закричать, чтобы проснуться. И даже долго беззвучно кричала словами.

А теперь сказала звуками: «Сука».

И очнулась.

Она сидела в деревенской комнате, слева от нее сидел Иван Григорьевич, напротив стоял Степан. Раздался звук разбитого стекла – это упал стакан, который Иван Григорьевич задел рукой, когда поворачивался.

И тут же фигура у печки словно бы взорвалась и разлетелась на части. Иван Григорьевич даже не понял, что произошло, зато его выученное тело среагировало моментально – он бросился наперерез Степану, повалил его своей тяжестью: прижал к полу и руку, откинутую в сторону, и вялую дрожащую грудь, и голову прижал – ухом к половицам. На него пахло перегаром.

Степан даже не делал попыток освободиться, он только сильно дрожал. Что это была за дрожь! Ивана Григорьевича подбрасывало, такая она была сильная.

– Вы арестованы, Степан, – повторял Турчанинов. – Сумасшедший алкоголик, вы меня самого чуть с ума не свели!

– Она жива! – шипел Горбачев. – Господи, Лола! Я ничего ей не сделаю, мне нужно с ней поговорить!

– Это Марина Королева!

– Она сказала, что любила его! Она призналась!

– Да, я его любила, – повторила Марина. – Я вспомнила.

– Кого? Сергеева? – с пола спросил Турчанинов.

Дрожь под ним стала мягче, Степан теперь дышал мелко, кажется, даже скулил.

Иван Григорьевич подождал немного, потом ослабил давление. Степан лежал на полу, не двигаясь. Турчанинов встал, вполголоса выругался.

– Дело не в отце! – зло сказал он. – Теперь все понятно. Марина тоже влюбилась в этого синеглазого. Ну еще бы! Он преподаватель, она студентка. Он – жиголо, она – богачка. Вот он и засомневался. Зачем тянуть деньги с жены миллионера, если можно охмурить дочь? Их отношения – единственное, чего не знала Лола. Поэтому и вы, Степан, не узнали. Ну

какой этот Сергеев подлец! Я вам даже благодарен за то, что вы его прикончили.

Степан лежал на полу и плакал навзрыд. Марина сидела за столом, прикрыв лицо рукой. Теперь она видела лес, и видела двух человек, стоящих недалеко друг от друга. Они не обнимались, а просто стояли и смотрели на нее.

«Может, я это все придумала? – почти равнодушно думала она. – И эту любовь, не дающую мне дышать, и эту ненависть, холодно струящуюся по спине? Почему они стоят так картинно, именно так, как всегда стоят покойники в фильмах? Может, это и есть кадр из какого-то фильма?»

Но впервые с момента пробуждения она смогла отделить от себя ту, другую. Марина пока не видела ее в подробностях, влажные сумерки окутали ее лицо и фигуру, но эта женщина, какой бы она ни была на самом деле, теперь все-таки стояла поодаль.

Было ясно, что она и не выйдет из тьмы, она постоит еще – беспечно и бездумно – после чего скроется в лесу навсегда.

Тем временем в комнате что-то происходило. Кажется, Степан встал, прошел к баку с водой. Стукнул стакан о металлическую стенку. Турчанинов тяжело, как старик, сел за стол рядом с ней.

– Как вы? – Он осторожно коснулся ее локтя.

Марина убрала руку от лица.

Зашумела машина, ее звук приблизился и остановился совсем рядом. Потом еще одна машина, потом еще одна. Степан посмотрел в окно.

– Там даже врачи... Врачи в Рвачах. Настоящая скороговорка... Врачи-то зачем?

– Как же вы могли продолжать преследовать Лолу, если лично убили ее тридцатого апреля? – Турчанинов вздохнул. – Без врачей теперь не обойтись. Вы сумасшедший, Степан.

– Нет! Я не сумасшедший! Вы бы так же повели себя на моем месте! Я подумал, что это была белая горячка. По телевизору сказали, что дочь Королева очнулась. Потом я поехал в клинику и подслушал разговор Сергеева с Лолой. Все указывало на то, что у них получилось, а наша... драка... приснилась мне по пьяни.

У Турчанинова зазвонил телефон. Он поднес его к уху, сказал: «Подожди еще пару минут», положил трубку в карман – к пистолету.

– Одного не могу понять, – произнес он, – как мог Сергеев разговаривать с Лолой в тот день? Почему он решил, что Лола может там лежать? Он что-то говорил об этом? Когда вы к нему пришли.

– Нет, но я могу представить его состояние. Тридцатого апреля Лола

исчезла. Он ведь даже не знал, куда она поехала – она ему не говорила, что поедет ко мне посоветоваться. Он вообще не знал, что мы с ней иногда общаемся. Он уже тогда был уволен и не мог контролировать события. Потом появились вы...

– Первого мая...

– Да, наверное. А пятнадцатого Марина очнулась. Он искренне полагал, что она не может очнуться, и поэтому был потрясен. Он был подлым человеком, и как всякий подлец всех вокруг подозревал. Он думал, что Лола воспользовалась его планом, но нашла другого соучастника. Он даже подозревал вас: он сказал мне, что новый главный врач – вовсе не врач, а непонятно кто. Мол, он это понял из газет, и, наверное, его держат за дурака. Он сразу же перестал высовываться. Он хотел ее искать и боялся делать это, понимаете?

– Это вы звонили Марине с угрозами?

– Нет, я только звал ее во дворе... Ну, и поднялся на лестничную площадку... Мне было страшно, я хотел узнать, было это со мной или нет.

– Значит, по телефону угрожал он. Как вы нашли его?

– Я следил за ним после того, как встретил в клинике. Ехал за ним на машине. Так я узнал, где он живет.

– А как попали в квартиру?

– Я продолжал следить и даже устроился благоустраивать двор.

– Назвавшись Михаилом Королевым.

– Не знаю, зачем я это сделал... Когда настал удобный момент, я вышел из подсобки и сказал ему, что я бывший Лолин муж. Он немного удивился и пригласил меня в квартиру. У меня с собой были инструменты. Молоток... Когда он понял, что я знаю про их план, он стал кричать, что это было нереальное дело, зачем-то достал Маринины бумаги. Я хотел понять: получилось у них или нет. А он сам это хотел понять! Тут ему кто-то позвонил, и он спросил в трубку про Испанию. Тогда я понял, что Лола говорила правду. У них была версия на случай, если подмена произойдет успешно. Я ее спросил: «А ты-то куда денешься?» Она ответила: «Якобы в Испанию уеду». «А почему в Испанию?» «У Андрея там друзья живут в Барселоне, они иногда звонят, будет казаться, что это я звоню». Он спросил про Испанию, и я сказал, что это последнее доказательство.

– И вы убили его.

– И я убил его, – мягко произнес Степан. – Мне надо было сделать это еще десять лет назад: в темной пустой лаборатории, где я их впервые застукал. Народ всегда прав, так и надо делать. Все равно ведь убил? Так лучше бы тогда. Она была бы жива, по крайней мере.

- Ее вы убили случайно?
 - Нет, что вы. Сознательно.
 - Зачем вы взяли его мобильный телефон?
 - Я продолжал сомневаться. Думал, что она позвонит.
 - Для этого же вы преследовали Марину?
 - Да. Я делал вид, что работаю в ее дворе, меня даже в подъезд пускали. Я хотел, чтобы она себя выдала, если это она.
 - Зачем взяли бумаги?
 - Я думал, там что-то будет. Я ничего в них не разобрал. Они здесь, в шкафу...
 - Но сейчас вы понимаете, что по-настоящему убили Лолу?
- Степан обернулся и растерянно посмотрел Турчанинову в глаза.
- Я надеюсь, что ваши люди найдут ее, – прошептал он.
 - Здесь, в лесу?
 - Да.

В сенях уже топали, в комнату входили люди, а друг Ивана Григорьевича сердито выговаривал ему, показывая, что на печи лежит нож. Турчанинов приобнял Марину, тихо сказал ей: «Все кончено, все будет хорошо», – и старался не смотреть на Степана. Это так странно на самом деле – арестовывать человека с такой фамилией. Хорошо еще, что он не Путин.

Через два часа ее нашли. Место указал Степан: он очень волновался и, как показалось Ивану Григорьевичу, надеялся. На что?

Турчанинов попытался поставить себя на его место, и у него получились два одинаково убедительных варианта.

Надеялся ли на то, что в хвойной темноте, за пнем, на глубине полутора метров никого нет, и это Лола сейчас сидит в его доме – уродливая и заплаканная. Пусть уродливая, пусть заплаканная – лишь бы живая. Она заплатила за свое богатство, и пусть теперь радуется, только без него, без Сергеева.

Или надеялся, что она навсегда осталась красивой, лживой, легкомысленной, и даже умерла так, как и следует умирать женщине с ее характером.

«Лола, прости меня за то, что я с тобой сделал».

... Степана увезли, в дверях появился друг Турчанинова и позвал его жестом. Иван Григорьевич вышел в сени.

– Экспертизу надо делать, – вполголоса сказал друг. – Там эти... видимо, животные какие-то разрыли.

Турчанинов вздрогнул.

– Придурка этого надо обследовать, – продолжил друг. – Подозрительно спокойный... А что у него с мордой?

– Елозил по известке.

– Придурки-то боль не чувствуют. Что-нибудь новое рассказал?

– Все, как мы с тобой и предполагали. Правда, еще один аспект открылся. Марина вроде вспомнила, что знала Сергеева и была влюблена в него. Как ты думаешь, могло такое быть?

Друг поразмышлял немного.

– Почему нет? Он красивый парень, а она завидная невеста. Возможно, Марина и не за отца мстила. Ревность – это более логично. Впрочем, правды нам уже не узнать. Даже если она все вспомнит, вряд ли расскажет... Ну что? Собирайтесь, ребятам надо еще дом обыскать.

Из сеней Иван Григорьевич крикнул Марине, и вскоре она тоже вышла на крыльцо, где они курили.

– Эти животные... – с усилием произнесла она. – А не может так быть, что это... Ну, не она, короче.

– То есть, что вы – Лола? – сердито спросил Турчанинов. – Слушайте,

Марина, я вам хочу открыть одну вещь о мире.

– Которую я забыла? – она слабо улыбнулась, а друг взглянул на него с любопытством, ожидая продолжения.

– Которую вы не знали, потому что были слишком молоды. Искать себя – это нормально. Этим занимаются и безо всякой амнезии. Я вон пять лет назад стал начальником охраны санатория, с тех пор думаю: моя двадцатилетняя работа в милиции – она мне приснилась? Был ли я следователем, вообще?

– Был, и хорошим, – заметил друг.

– Так что не ломайте голову и не ищите того, чего не теряли. Вы Марина Королева, и уже одно это даст вам богатую пищу для поисков.

– Да уж, я думала, она другая... Голова кружится... Пойду в машину.

– Забавная девчонка, – сказал друг, когда она села в машину. – Я думал, она на рожу будет страшнее. А так ничего – жить можно... Значит, говоришь, работа в милиции тебе приснилась? Бессовестный ты тип!

– Начинается! Ладно, мы поехали.

– Ты нас-то не забывай. А то звонишь, только когда что-то надо.

– Здравсьте! – обиделся Иван Григорьевич. – А кто тебя с днем рождения раньше всех поздравил? Ты меня только в десять вечера поздравил, а я тебя – в восемь утра!

– И что? Какая разница? – изумился друг. Он был заводной, разыгрывать его было одно удовольствие. – Шутишь? Нашел место.

Обратно они ехали по пустой половине дороги.

Турчанинов завез Марину в клинику, поехал домой. Он вел машину, задумавшись, и вдруг на очередном светофоре осознал, что едет по улице Волгина и именно сейчас проезжает свою школу милиции.

Он очень обрадовался, увидев места, в которых давным-давно не был. Как все застроено! Турчанинов повернул направо, остановился у нового кирпичного дома, вышел из машины. Потоптался, разминая ноги, покрутил головой.

Вот здесь они сидели на лавочке и целовались. Потом жена сказала, что их видят, и они решили пройти еще дальше. Из-под ног выпрыгивали лягушки, а по этой дороге бежал ежик.

Теперь здесь было оживленное движение, машины шли непрерывным потоком, со всех сторон стояли дома.

Он прошел еще немного, завернул за угол недостроенного дома и остановился, приоткрыв рот.

Каким-то чудом среди всех этих новостроек сохранился кусочек того поля. Это было точно оно: сжавшееся до размеров детской площадки, но

такое же, как и раньше! На нем рос тысячелистник, пахло полынью и клевером. Это был тот тысячелистник, те полынь и клевер, которые встречали его двадцать пять лет назад.

Иван Григорьевич сделал осторожный шаг и почувствовал под ногами теплую упругость травы; он присел на бордюр, сорвал травинку, сжал ее зубами. Стебель был уже сухим, но до сих пор вкусным.

Неожиданно темная маленькая площадка перед ним стала расплзаться во все стороны, как огромное одеяло, накрывающее дома, дорогу, шумы, свет.

И снова не было пределов, исчезли звуки, а температура воздуха стала неощутима. Перед ним было поле его памяти.

«Сегодня я пустое, – словно бы говорило оно. – Но ты не бойся этой пустоты. Этим вечером ты хозяин – так заселяй меня только лучшими! Приглашай любимых, зови избранных, не пугайся мертвых или тех, кого никогда не было. Они все равны в моем теплом лоне. Ах, какая замечательная вечеринка нам сегодня предстоит!»

Потом он поднял голову и подумал о том, что ведь и он сегодня гость на чьих-то вечеринках, и ему есть место в чужой памяти. Ну а над всеми этими маленькими полями расстилается бесконечное, утыканное звездами черное поле, осознать бесконечность которого нельзя, но которое можно бесконечно любить.

Удивительное дело: в эту самую минуту на то же самое небо смотрела Марина Королева. Она стояла у окна, и ей казалось, что она очнулась только сегодня.

Это сегодня черный цвет сменился белым, а теперь опять стал черным. Но каким другим черным!

И от чего же зависит эта разница? Над ее головой была густая, лучистая темнота, такая живая, что Маринина рука, опирающаяся на раму и залитая лунным светом, казалась по сравнению с этой темнотой куском камня.

Но ведь и внутренняя ее темнота теперь была живая. Теперь верилось, что все воспоминания, даже те, что веками хранятся в длинных скрученных в спирали цепочках и принадлежат не ей, а отцу, бабушке, бесчисленным рядам других родственников, – все они находятся в ней, и когда-нибудь их можно будет разбудить.

«Какая потрясающая наука – медицина! – вдруг подумала она. – Это ж надо быть такой дурой, чтобы захотеть бросить медицинский из-за какой-то там парочки, обнимающейся у трансформаторной будки. Как хочется быть врачом».

Появляется искушение предположить, что эта ее мысль тихонько поднялась над ее головой и стала двигаться вверх – невидимо, но неуклонно. Возможно, что где-то, очень высоко, она была воспринята с благосклонной улыбкой и немедленно приобщена к делу.

Узор судьбы, казавшийся ледяным, вдруг ожил, его линии потеплели, вспыхнули и стали вначале осторожно, а затем все более смело вычерчивать новый орнамент.